

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Гадакчян Анжелика Сергеевна

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Кудряшов Игорь Александрович

Ростов-на-Дону – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основания когнитивно-прагматического анализа окказиональной трансформации фразеологических единиц.....	21
1.1. Когнитивная и прагматическая архитектура языка в лингвокреативной деятельности субъекта.....	21
1.2. Фразеологический фонд в системе современных лингвистических парадигм: параметры категоризации фразеологических единиц.....	33
1.3. Феномен окказионально модифицированных фразеологических единиц: риторико-когнитивная матрица и прагматические ограничения.....	50
Выводы по первой главе.....	65
Глава 2. Структурно-семантическое и когнитивное моделирование процедур окказиональной трансформации фразеологических единиц... 	68
2.1. Методологический алгоритм и этапы формирования корпуса эмпирического материала исследования	68
2.2. Когнитивные механизмы лексико-грамматической субституции во фразеологическом контексте: таксономический аспект и аналогия	82
2.3. Структурно-семантическое моделирование процедур количественного изменения состава фразеологических единиц (усечение и расширение)	96
2.4. Ментальная интеграция и блендинг во фразеологии: когнитивный анализ концептуального слияния фразеологических единиц	107
2.5. Прагмасемантический потенциал в процессах актуализации индивидуально-авторских смыслов	116
Выводы по второй главе	121
Глава 3. Дискурсивно-функциональный и прагматический потенциал модифицированных фразеологических единиц.....	123
3.1. Дискурсивная обусловленность и регистровая дистрибуция окказиональных трансформаций фразеологических единиц	123

3.2. Прагматические функции модифицированных фразеологических единиц в процессах интенсификации экспрессивности текста	130
3.3. Реализация теории релевантности: управление балансом когнитивных усилий адресата через систему импликатур	140
3.4. Когнитивные барьеры и прагматические ограничения в процессах речевосприятия окказиональных фразеологических единиц	148
Выводы по третьей главе.....	154
Заключение.....	156
Список литературы	161
Лексикографические источники	179
Источники эмпирического материала.....	180

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена комплексному когнитивно-прагматическому исследованию механизмов окказиональной трансформации фразеологических единиц (ФЕ) в современном дискурсе.

Утверждение антропоцентрического подхода коренным образом меняет вектор лингвистических исследований, заставляя отказаться от понимания языка как изолированной и статичной знаковой системы. В рамках этой оптики он концептуализуется как открытая, динамичная когнитивная сеть, функционирование которой напрямую детерминировано ментальными процессами, телесно-чувственным опытом субъекта и его предметно-коммуникативной деятельностью в социуме.

В этом контексте традиционный взгляд на фразеологический фонд как на консервативный инвентарь абсолютно «замороженных» воспроизводимых единиц вступает в противоречие с реальной речевой практикой, демонстрирующей высокую степень лингвокреативной пластичности ФЕ.

Актуальность данного исследования определяется рядом факторов теоретического и научно-практического характера.

1. Традиционные классификации часто рассматривают девиации фразеологизмов как периферийные явления или речевые ошибки. Включение концепции когнитивной грамматики Р.У. Лангакера позволяет трактовать фразеологический состав как «континуум символических структур», где синтаксические, морфологические и лексические уровни синкретично объединены. Исследование механизмов модификации ФЕ в рамках такого континуума позволяет по-новому взглянуть на градуальную природу идиоматичности.

2. Актуальным остается вопрос о том, как многомерный, нелинейный ментальный и социальный опыт человека редуцируется и адаптируется к линейной природе языка. Изучение окказиональных трансформаций ФЕ позволяет вскрыть механизмы фокальной корректировки и работы

конструкционных схем, с помощью которых конвенциональные шаблоны переориентируются под конкретные индивидуально-авторские интенции.

3. Большинство существующих работ ограничивается либо формальным риторическим описанием типов замен, либо изолированным контекстуальным анализом прагматических эффектов. Возникает острая необходимость в создании единой объяснительной модели, которая связала бы формальные процедуры (субституцию, усечение, блендинг, буквализацию) с когнитивными ограничениями, налагаемыми теорией релевантности и механизмами концептуальной интеграции.

4. Тенденция к интертекстуальности, людическому (игровому) использованию языка и деконструкции идиом требует оперативного лингвистического осмысления. Модифицированные ФЕ сегодня выступают как мощное прагматическое средство управления вниманием адресата, генерации импликатур и фатической компрессии смыслов.

Степень научной разработанности темы. Теоретический фундамент диссертации опирается на классические исследования советского языкознания в области фразеологии (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, А.В. Кунин). Когнитивно-грамматический аспект базируется на трудах Р.У. Лангакера. Проблемы прагматического кодирования и интерпретации рассматриваются сквозь призму теории релевантности (Д. Спербер, Д. Уильсон), концептуальной интеграции (Ж. Фоконнье, М. Тёрнер), а также функциональных классификаций устойчивых выражений в зарубежной лингвистике (А.П. Коуи, Х. Бургер, И.А. Мельчук). Несмотря на обилие подходов, до сих пор отсутствует интегральное описание, объединяющее формальные процедуры модификации ФЕ с их глубинными нейрокогнитивными основаниями.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке комплексной интегральной модели, объединяющей структурно-семантические, когнитивные и прагматические параметры

функционирования окказионально трансформированных фразеологических единиц английского языка.

Впервые в лингвистической науке:

1. Переосмыслен онтологический статус окказиональной трансформации ФЕ: она квалифицируется не как девиация, нарушение нормы или изолированный стилистический прием, а как закономерный, системно обусловленный результат функционирования динамической когнитивной грамматики субъекта, оперирующей конвенциональными языковыми средствами для категоризации усложненного физического и культурного опыта.

2. Раскрыта нейрокогнитивная приерархическая природа деривации ФЕ: доказано, что процесс лексической субституции в структуре ФЕ подчинен таксономическим отношениям внутри конструкционных схем (на основе лексико-семантических полей и аналогий), что опровергает тезис о хаотичности и полной произвольности индивидуально-авторских замен компонентов.

3. Сформулированы когнитивно-структурные ограничения на трансформацию фразеологических знаков: установлено, что лингвокреативная свобода автора ограничена необходимостью сохранения «структурно-семантического минимума» прототипа ФЕ, обеспечивающего активацию в памяти адресата исходного «суммарного образа» для предотвращения коммуникативных неудач и деструктивных перлокутивных эффектов.

4. Построена фазовая модель речевосприятия и декодирования модифицированных ФЕ: детально описан операциональный алгоритм интерпретации (от фиксации поверхностной девиации до умозрительного наслоения «нового однократного образа» на конвенциональную базу), регулируемый балансом между объемом контекстуальных эффектов и минимизацией когнитивных усилий адресата.

В качестве рабочей **гипотезы** исследования выдвинуто предположение о том, что окказиональная трансформация фразеологических единиц является нелинейным процессом концептуального моделирования, детерминированным прагматической интенцией автора и управляемым жесткими когнитивными ограничениями.

Данная гипотеза раскрывается в следующих допущениях:

1. Конвенциональная ФЕ хранится в ментальном лексиконе субъекта как комплексная символическая модель (инвариант), обладающая устойчивым семантико-фонологическим профилем. При возникновении коммуникативной потребности в вербализации специфического, многомерного опыта, узуального значения ФЕ становится недостаточно.

2. Процесс модификации осуществляется на базе абстрактных конструкционных схем посредством ментальных операций (фокальной корректировки, субституции по аналогии, эллипсиса или концептуального блендинга), в результате которых порождается «новая» структура ФЕ, инкапсулирующая в себе дополнительные контекстуальные смыслы.

3. Успешность прагматического воздействия модифицированной ФЕ и точность ее декодирования адресатом напрямую зависят от соблюдения принципа оптимальной релевантности. Если автор сохраняет необходимый структурно-семантический минимум ФЕ, адресат способен запустить встречный фазовый процесс умозрительного сопоставления производной и производящей форм, извлекая заложенные автором сильные импликатуры и испытывая людический эффект от «распаковки» нового значения. Если этот баланс нарушен, трансформация воспринимается адресатом как незапланированная речевая ошибка, приводя к деструкции коммуникативного акта.

Объектом исследования выступает фразеологический фонд современного английского языка, рассматриваемый как структурированный инвентарь конвенциональных символических единиц.

Предметом исследования являются когнитивные основания, структурно-семантические типы и прагматические эффекты окказиональной модификации английских фразеологических единиц в процессах речепроизводства и речевосприятия.

Цель исследования заключается в построении интегральной когнитивно-прагматических модели окказиональной модификации ФЕ в англоязычном дискурсе, раскрывающей механизмы перехода от конвенционального языкового значения к актуальному индивидуально-авторскому смыслу.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) изучить когнитивную архитектуру языка в контексте лингвокреативной деятельности субъекта и определить статус ФЕ как комплексных ментальных моделей;

2) сопоставить системно-структурный, дистрибутивный и когнитивный подходы к категоризации фразеологизмов для выявления оптимальных параметров дефиниции ФЕ;

3) разработать многомерную типологию окказиональных трансформаций ФЕ англоязычного дискурса на основе риторических категорий изменений (эллипсис, субституция, расширение, пермутация) и теории концептуального блендинга;

4) эксплицировать прагматические функции модифицированных ФЕ в англоязычном дискурсе (фатическую, экспрессивную, людическую, компрессивную) в рамках теории релевантности;

5) описать алгоритм когнитивного декодирования и интерпретации адресатом трансформированной ФЕ на основе механизма наслоения «суммарного образа» на материале английского языка.

Теоретическая база исследования сформирована на основе фундаментальных достижений отечественной и зарубежной лингвистической

науки и структурирована по следующим магистральным научным направлениям:

1. Когнитивно-дискурсивное направление и теория концептуального моделирования – исследования в области ментальных репрезентаций, идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), воплощенного значения и эмпирического реализма (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1999; Дж. Лакофф, 2004); концепции фреймового и скриптового структурирования знаний (И. Гофман, 2003; Е. Ю. Моторина, 2015); теории когнитивной репрезентации и переработки актуальной информации с опорой на язык (Н. Н. Болдырев, 2017, 2019, 2020; Н. Н. Болдырев, О. В. Григорьева, 2018); проблемы категоризации сенсорно-моторного опыта и знаниевых структур «спроектированного мира» (В. И. Заботкина, 2013); метонимические концепции функционирования сознания как динамической ментальной сети (О. В. Виноградова, 2014; Э. В. Витковская, 2012, 2016).

2. Когнитивная грамматика и концептуализация синтаксиса – фундаментальные положения о языке как континууме символических структур, биполярном единстве фонологического и семантического полюсов, а также роли предикации и фокальной корректировки в процессах лингвистического конструирования реальности (Р. У. Лангакер / R. W. Langacker, 1987, 1991, 1998).

3. Лингвопрагматическое направление и теория релевантности – концепция ментально конструируемого когнитивного окружения, презумпции оптимальной релевантности, контекстуальных эффектов и дифференциации сильных и слабых импликатур в коммуникативном акте (Д. Спербер, Д. Уильсон / D. Sperber, D. Wilson, 1986); исследования знаковой природы языкового символа как конвенциональной связи формы и знания (Ф. де Соссюр); теории символического и когнитивного осознания нового опыта в символической форме (В. З. Демьянков, 2013; А. В. Кравченко, 2004; Т. В. Романова, 2012).

4. Теория концептуальной интеграции (блендинга) – концептуальные основания интеграции ментальных пространств при порождении и интерпретации сложных гибридных концептов и модифицированных речевых произведений (Ж. Фоконнье, М. Тёрнер / G. Fauconnier, M. Turner, 1989).

5. Системно-структурная и фразеологическая парадигмы – классические концепции советского языкознания, определившие параметры семантической спаянности, образности и стабильности ФЕ, а также границы фразеологического фонда языка (В. В. Виноградов; О. С. Ахманова; В.Ю. Меликян); теория фразеологической стилистики, стабильности и дефиниции ФЕ как устойчивой комбинации слов с полным или частичным переосмыслением значения (А. В. Кунин, 1967, 1969, 1996).

6. Дискурсивно-функциональные и дистрибутивные подходы к фразеологии – теория функционирования ФЕ в рамках модели «значение – текст», концепции прагматических и семантических ФЕ (И. А. Мельчук / I. Mel'čuk, 1995, 1998); многомерные классификации устойчивых выражений и речевых формул по принципу структурно-семантической непроницаемости компонентов (А. П. Коуи / A. P. Cowie, 1988, 1994, 2001); функционально-дискурсивная типология ФЕ, разделяющая их на референциальные, коммуникативные и структурные единицы (Х. Бургер / H. Burger); корпусные индуктивные подходы («снизу вверх»), базирующиеся на установлении частотности функционирования, лексической смежности и принципах идиоматичности языка (Дж. Синклер / J. Sinclair, 1987, 2004; С. Эверт / S. Evert, 2004; С. Нессельхауф / S. Nesselhauf, 2004); концепции формальной фиксированности, конвенциональной стабильности и критериев идиоматичности неканонических выражений (Ч. Фернандо, Р. Флавелл / C. Fernando, R. Flavell, 1981; Ч. Фернандо, 1996); прагматические концепции формульных и многословных синтаксических единиц (А. Поули / A. Pawley, 1985; Дж. Наттингер, Дж. ДеКаррико / J. Nattinger, J. DeCarrico, 1992).

7. Теории лингвокреативности и окказионального переформулирования во фразеологии – исследования механизмов креативного кодирования, концептуального обогащения и «модельного переформулирования» устойчивых единиц в различных регистрах дискурса (Р. Картер / R. Carter, 2004); риторические и структурно-семантические классификации типов трансформаций (лексической и грамматической субституции, усечения, расширения, пермутации) (Е. Урбан / E. Urban, 2009; М. Барта / M. Barta, 2006; М. Омазич / M. Omazić, 2007; С. Фидлер / S. Fiedler, 2009); проблемы синтаксической автономности и допустимости вставляемых компонентов в структуру ФЕ (С. Стати / S. Stathi, 2007); исследования процессов редукции, эллипсиса и усечения фразеологических знаков (И. Пташник / I. Ptashnyk, 2007; А. Начишчионе / A. Naciscione, 2010); концепции паремиологической вариативности и конвенционализации антипословиц (Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, 2005); речевая и морфосинтаксическая вариативность фразеофонда (А. Корхонен / A. Korhonen, 1992).

Для достижения поставленной цели, решения определенных в работе задач и верификации рабочей гипотезы в диссертации был задействован комплексный, взаимодополняющий **методологический инструментарий**, сочетающий в себе общенаучные методы, методы системно-структурного описания и специализированные методы когнитивно-прагматического анализа.

Выбор конкретных аналитических процедур был обусловлен спецификой объекта и предмета исследования, а также необходимостью сквозного описания единиц как в статике (в системе языка), так и в динамике (в процессах окказионального речепроизводства и дискурсивного восприятия).

В диссертационной работе использованы следующие **методы и исследовательские приемы**.

1. Метод когнитивного моделирования и концептуального анализа – применяется в качестве базового инструментария при исследовании

процессов развертывания идеализированных когнитивных моделей (ИКМ) Дж. Лакоффа и работы абстрактных конструкционных схем Р.У. Лангакера. Данный метод позволил реконструировать ментальные пространства, лежащие в основе целевых концептуализаций автора, и выявить когнитивные алгоритмы замещения, усечения или расширения узуальных ФЕ.

2. Метод концептуальной интеграции – основан на методологии Ж. Фоконнье и М. Тёрнера. Применяется для экспликации глубинных механизмов «слияния» конвенциональных форм нескольких ФЕ или интеграции ментального пространства узуального фразеологизма с концептуальным доменом нового, окказионально вводимого лексического компонента, что приводит к приращению новых индивидуально-авторских смыслов.

3. Метод прагматического и контекстуального анализа (в рамках теории релевантности) – опирается на принципы Д. Спербера и Д. Уильсона. Данный метод направлен на исследование модифицированных ФЕ непосредственно в ткани дискурса для определения объема их контекстуальных эффектов, выявления соотношения между сильными и слабыми импликатурами, а также для оценки когнитивных усилий, затрачиваемых адресатом на декодирование людического, экспрессивного и фатического потенциала трансформированной единицы.

4. Метод умозрительно-компаративного (интерпретативного) анализа – разработан на основе концепции «суммарного образа» Р.У. Лангакера. Он используется для пошаговой реконструкции процесса речевосприятия окказиональных ФЕ. Метод позволяет проследить фазы сопоставления производной («новой») и производящей (конвенциональной) форм, запущенного адресатом с целью верификации коммуникативного намерения автора.

5. Метод фразеологической идентификации ФЕ – базируется на концепциях отечественной фразеологической школы (В.В. Виноградов, А.В. Кунин). Применяется на этапе формирования корпуса исследования для

верификации ядерных признаков ФЕ (стабильности, образности, семантической некомпозиционности) и их отграничения от свободных словосочетаний и устойчивых речевых клише.

6. Метод дефиниционного и компонентного анализа – используется при обращении к толковым и фразеологическими словарям с целью установления словарного (узуального) значения лексем-компонентов и ФЕ в целом. Это послужило необходимой фактологической базой для фиксации степени семантического и лексико-грамматического сдвига в окказиональных структурах.

7. Дистрибутивно-статистический метод (элементы корпусного анализа) – привлекается в рамках индуктивного подхода («снизу вверх») Дж. Синклера и С. Нессельхауф. Используется для анализа лексической смежности, выявления частотности функционирования тех или иных модифицированных вариантов ФЕ в реальном узуальном пространстве и определения порога их потенциальной конвенционализации в языке.

8. Метод лингвистического описания, классификации и таксономии – применяется для систематизации полученных эмпирических данных, распределения выявленных типов трансформаций по категориальным группам (субституция, усечение, пермутация, расширение, блендинг, буквализация) и наглядного моделирования фразеологического континуума в виде структурированных схем и таксономических иерархий.

Эмпирическую базу исследования составил репрезентативный массив окказионально модифицированных ФЕ и паремиологических выражений современного английского языка, извлеченных методом сплошной выборки. Общий объем исследованного материала на этапе сбора составил 3 500 текстовых контекстов. В результате прагматической фильтрации и верификации инвариантов ФЕ в итоговый рабочий корпус работы вошло 1 200 верифицированных единиц, продемонстрировавших живые процессы индивидуально-авторской деконструкции фразеологизмов. По источникам формирования итоговый корпус распределился следующим

образом: 592 контекста (49,3%) получены из материалов качественной англоязычной прессы и аналитических изданий (газеты *The Times*, *The Guardian*, *The New York Times* и др.); 324 контекста (27,0%) верифицированы по базам Британского национального корпуса (BNC); 284 контекста (23,7%) — по базам Корпуса современного американского английского языка (COCA)

Источниками формирования эмпирической базы исследования послужили:

1. Материалы качественной современной англоязычной прессы и аналитических изданий (газеты и журналы *Daily Mirror*, *Daily Mail*, *The Sun*, *Village Voice*, *The Guardian*, *The Times*, *The New York Times*, *The Economist*, *The Spectator*). Использование данных источников позволило зафиксировать прагматические механизмы манипулирования семантикой в реактивной медийной среде (например, людическое обыгрывание концептов в контекстах *falling out of romantic love*, климатические аномалии *raining birds and fish*, или людическая гиперболизация *beating the drum* в музыкальной критике).

2. Специализированный искусствоведческий, критический и театральный дискурс, включающий рецензии и обзоры, посвященные анализу групповой хореографии, сценического искусства и современной музыки (например, материалы *Village Voice*, репрезентирующие концепты *everyday sort of genius*, *stage informal gatherings*, *individualize unison*, *partnering techniques*).

3. Данные международных авторитетных корпусов английского языка (Британский национальный корпус – BNC и Корпус современного американского английского языка – COCA), использованные для верификации узуальной частотности, установления параметров лексической смежности и отграничения индивидуально-авторских девиаций от системных вариантов языка.

4. Лексикографические источники верификации инварианта ФЕ (Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина, Oxford Dictionary of Idioms; Cambridge International Dictionary of Idioms, Longman Idioms Dictionary).

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформированная ФЕ представляет собой биполярное символическое единство фонологического и семантического полюсов, актуальное содержание которого в дискурсе не воспроизводится механически из ментального лексикона, а конструируется заново. Окказиональная трансформация ФЕ является закономерным результатом динамического развертывания когнитивной грамматики говорящего субъекта. Данный процесс направлен на адаптацию конвенциональных языковых шаблонов к вербализации многомерного, нелинейного физического, индивидуально-социального и интеркультурного опыта человека.

2. Семантическая некомпозициональность (невыводимость общего значения из смыслов компонентов) ФЕ является динамической градуальной переменной. Окказиональная лексическая субституция в структуре ФЕ не носит хаотичного характера, а строго подчинена таксономическим отношениям внутри абстрактных конструкционных схем. Замена лексического компонента осуществляется по аналогии на основе векторов смежности внутри конкретного лексико-семантического поля, что позволяет автору осуществлять точную фокальную корректировку передаваемого смысла.

3. Типологическая матрица лингвокреативных процедур. Окказиональные модификации фразеологического фонда детерминированы прагматической категорией интенциональности и контекстуальной обусловленности, что позволяет четко отграничить их от системной языковой вариативности и незапланированных речевых ошибок. В основе модификаций лежит риторико-когнитивная матрица, включающая пять

базовых процедур: лексико-грамматическую субституцию, усечение / эллипсис, расширение / введение нового компонента, пермутацию / перестановку и концептуальное слияние / блендинг.

4. Функционирование модифицированной ФЕ в ткани дискурса регулируется презумпцией оптимальной релевантности. Прагматический потенциал и экспрессивно-эмотивная сила окказиональной ФЕ находятся в прямой зависимости от объема генерируемых ею контекстуальных эффектов. Использование автором сильных импликатур обеспечивает точную трансляцию интенционального смысла при минимальных когнитивных усилиях адресата, в то время как трансляция слабых импликатур переносит избыточную ответственность за интерпретацию на принимающую сторону, снижая общую эффективность коммуникативного акта.

5. Процесс речевосприятия и интерпретации окказиональной ФЕ адресатом представляет собой строго последовательный многоуровневый когнитивный алгоритм. Он включает в себя: фиксацию поверхностной структурно-семантической девиации; извлечение из долгосрочной памяти «суммарного образа» конвенциональной ФЕ, послужившей производящей базой; умозрительное сопоставление исходной и производной форм с опорой на концептуальные домены; декодирование прагматического (людического, иронического или компрессивного) намерения автора. Успешность данного алгоритма ограничена требованием сохранения автором структурно-семантического минимума прототипа ФЕ, в противном случае возникает деструктивный перлокутивный эффект и трансформация квалифицируется адресатом как речевая ошибка.

Теоретическая значимость настоящей диссертационной работы заключается в существенном углублении когнитивно-дискурсивных и антропоцентрических представлений о механизмах речепорождения, семантической деривации и функционирования устойчивых знаков в языке.

1. Разработанная интегральная модель окказионального переформулирования ФЕ вносит значимый вклад в развитие теории

когнитивной грамматики, расширяя ее понятийный аппарат в области анализа континуума «лексика – морфология – синтаксис».

2. В работе теоретически обосновано и доказано, что индивидуально-авторские трансформации ФЕ подчиняются строгим когнитивным ограничениям и таксономическим иерархиям, что расширяет общелингвистические представления о границах лингвокреативности и механизмах взаимодействия языковой нормы и узуса.

3. Предложенный фазовый алгоритм декодирования модифицированных единиц дополняет положения теории релевантности и теории концептуальной интеграции (блендинга) в аспекте исследования ментальных процедур, обеспечивающих успешность или неуспешность интеркультурной и межличностной коммуникации.

Практическая ценность результатов исследования заключается в возможности их разнопланового использования в научно-педагогической, лексикографической и экспертно-аналитической деятельности.

1. Разработанные критерии идентификации, разграничения вариативности и окказиональной трансформации ФЕ, а также выявленные таксономические модели замен могут послужить методологической основой для составления инновационных словарей нового типа – словарей окказионализмов, антипословиц, а также специализированных словарей контекстуального функционирования ФЕ в современных медиатекстах.

2. Теоретические выводы и эмпирический корпус диссертации могут быть непосредственно интегрированы в лекционные курсы и практические семинары по лексикологии, теоретической грамматике, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике, стилистике и дискурс-анализу.

3. Разработанная модель декодирования имплицатур и прагматических эффектов имеет прямую ценность для теории и практики перевода (при поиске функционально-когнитивных эквивалентов модифицированных идиом), для медиакритики, политического дискурс-анализа, а также в сфере

лингвистической экспертизы текста при анализе скрытых смыслов, иронии и манипулятивного потенциала речевых сообщений.

Достоверность полученных результатов и выводов предопределяется релевантной методологической базой исследования, анализом широкого диапазона теоретической проблематики по корпусному изучению прагматического потенциала творческого использования ФЕ с учетом их внутренних семантических характеристик, а также влияния когнитивных ограничений и контекста, которые находятся в разнонаправленной взаимосвязанной системе, представляющей собой динамическую сеть (проанализировано шестьдесят девять примеров, иллюстрирующих окказионально трансформированные ФЕ). Полученные данные свидетельствуют о противоречии между тремя важнейшими аспектами фразеологического творчества: креативностью, идиоматичностью и коммуникативностью. Фразеологическое творчество, характеризующееся креативностью/новизной, выходит за рамки ожидаемых шаблонов и норм, создавая новые контекстно зависимые варианты использования ФЕ, иногда с применением неграмматических и несовместимых лексических и грамматических средств.

Апробация работы. Теоретическая концепция, результаты и выводы диссертационной работы отражаются в тезисах, докладах и очных выступлениях на межвузовской научной конференции «Иностранные языки в сфере межкультурной и профессиональной коммуникации» (Ростов-на-Дону, 2019); Международной научно-практической конференции «Иностранные языки в современном мире» (Ростов-на-Дону, 2024); Международной научной конференции «Воображение и память в языке и лингвистических исследованиях» (Нижний Новгород, 2025), представлены в восьми публикациях, вышедших в научных периодических изданиях, включённых в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. Общий объем публикаций 4,7 п.л.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает в себя Введение, три главы, Заключение, список теоретической литературы, состоящий из 178 статей, диссертаций, монографий, написанных российскими и англоязычными исследователями, списка лексикографических источников и эмпирического материала.

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность темы, определяется цель работы, формулируются конкретные задачи, объект и предмет исследования, а также раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; обосновываются выбранная методология и материал исследования, описывается структура исследования, приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе **«Теоретико-методологические основания когнитивно-прагматического анализа окказиональной трансформации фразеологических единиц»** рассматриваются проблемные узлы, связанные с архитектурой языка в творческой лингвистической деятельности индивида, параметрами категоризации фразеологического фонда в системе современных лингвистических парадигм, риторико-когнитивной матрицей и прагматическими ограничениями в сфере преобразованных ФЕ.

Во второй главе **«Структурно-семантическое и когнитивное моделирование процедур окказиональной трансформации фразеологических единиц»** разрабатывается алгоритм формирования корпуса эмпирического материала, определяются когнитивные механизмы лексико-грамматической субституции во фразеологическом контексте (таксономический аспект и аналогия), моделируются процедуры количественного изменения состава ФЕ (усечение и расширение), дается анализ концептуального слияния ФЕ, выявляется потенциал в процессах актуализации индивидуально-авторских смыслов, которые имплицитно существуют в ФЕ.

В третьей главе **«Дискурсивно-функциональный и прагматический потенциал модифицированных фразеологических единиц»** анализируется

дискурсивная обусловленность и регистровая дистрибуция окказиональных трансформаций ФЕ, с опорой на теорию релевантности исследуется управление балансом когнитивных усилий адресата, декодирующего смысловое содержание преобразованной ФЕ, через систему авторских импликатур, типологизируются когнитивные барьеры и прагматические ограничения в процессах речевосприятия окказиональных ФЕ.

В разделе **Заключение** делаются выводы о проделанной работе, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы включает 178 наименований работ отечественных и зарубежных авторов, в том числе 57 работ на английском языке.

Глава 1.
Теоретико-методологические основания
когнитивно-прагматического анализа
оказиональной трансформации фразеологических единиц

1.1. Когнитивная и прагматическая архитектура языка в
лингвокреативной деятельности субъекта

Человеческие когниции основываются на целом ряде фундаментальных когнитивных процессов, которые обеспечивают возможность получать, структурировать, хранить и перерабатывать информацию, поступающую извне. Наполненное мыслями, концептами и понятиями, сознание функционирует как динамическая сеть, беспрестанно преобразуемая ментальными процессами. В связи с этим в метонимическом плане сознание уподобляется тем ментальным процессам, которые протекают внутри его [Виноградова, 2014: 45; Витковская, 2012: 71; Витковская, 2016: 23–24; Новиков, 2010].

Эти представления о когнициях находят системное отражение в теоретических моделях, которые описывают ментальную деятельность и накопление актуальных знаний в терминах неврологической организации мозга, информации, удерживаемой мозгом в результате активации распространения и сдерживания нейронных групп, формирующих разрозненные сети. В свою очередь, эти сети содержат бесчисленное количество взаимосвязанных узлов, которые определяют появление значимых репрезентаций окружающей действительности. Накапливаемые знания хранятся в специфических паттернах соединений в нейронных сетях. Когнитивные лингвисты активно используют вышеприведенную теоретическую концепцию для объяснения значимых репрезентаций и переработки актуальной информации с опорой на язык [Болдырев, 2019, 2020, 2019].

Физические стимулы, поступающие из внешнего мира, трансформируются в сенсорно-моторные данные, которые представляют собой «сырые» репрезентации окружающей действительности. Далее эти данные классифицируются, организуются в концептуальные структуры [Болдырев, Григорьева, 2018: 17; Болдырев, 2017: 8; Заботкина, 2013: 34]. Другими словами, реальность, в том виде, в котором ее воспринимает говорящий субъект, оказывается результатом проецирования концептуальных схем на непосредственный сенсорно-моторный опыт. Концепты обеспечивают индивида относительно автономными моделями мира. Когнитивный анализ знаний и значений предполагает исследование структур «спроектированного мира».

Для объяснения процессов приобретения концептуальных структур Дж. Лакофф и М. Джонсон выводят понятие об эмпирическом реализме [Lakoff, Johnson, 1999: 58]: значение конструируется, когда индивид взаимодействует с физическим и социальным окружением, вырабатывает опыт общения в этом окружении. Значение трактуется как «воплощенное», т.е. предопределяется в ходе взаимодействия индивида с воспринимаемой реальностью [Агафонова, 2019; Ковалева, Кульгавова и др., 2017; Нагорная, 2010]. Воплощенное значение отражает культуру, в которой живет индивид, социальную организацию физического мира. В самом широком смысле повседневный опыт индивида придает системную форму значимым концептуальным структурам. Эти когнитивные конструкты не только носят индивидуальный характер, но и коллективные культурные системы знаний. Воплощенное значение базируется на телесном опыте индивида, который обеспечивает основу для обогащения и детализации этого значения.

Концептуальные репрезентации конструируются на основе образов-схем и базовых концептов. Подобные комплексные ментальные сети знаний о мире Дж. Лакофф называет «идеализированными когнитивными моделями» [Лакофф, 2004: 98] (ср. наименование этого феномена посредством иных терминов – «фрейм» [Гофман, 2003], «скрипт» [Моторина,

2015]). Эти модели отражают особый взгляд индивида на мир, т.е. мир, спроектированный в сознании индивида, который накладывает отпечаток на его повседневный опыт. В результате субъект воспринимает окружающий мир в целостном виде. Формируя автономные когнитивные конструкторы, идеализированные модели фиксируют сложные феномены действительности, порождают то, что воспринимается в качестве реальности. В этой связи Дж. Лакофф указывает, что, поскольку индивид действует в соответствии со своими концептуальными системами, а его действия являются реальными, концептуальные системы играют сущностную роль в порождении реальности [Лакофф, 2004: 319].

Для выполнения своих функций когнитивные модели обладают соответствующей внутренней организацией, выявляет наличие онтологических оснований и устойчивой структуры. В свою очередь, эта организация предопределяется образами-схемами и базовыми концептами. Знания организуются в ментально конструируемые сети концептуальных категорий и когнитивных моделей, которые репрезентируют окружающий мир в автономном формате. Концепты и идеализированные когнитивные модели функционируют как, своего рода, схемы, на фоне которых индивид осознает новый повседневный опыт восприятия действительности, в том числе, в символической форме [Демьянков, 2013; Кравченко, 2004; Романова, 2012].

Феномены культурного и языкового символического означивания анализируются, в том числе, на материале фразеологических единиц (ФЕ). Символ представляет собой стереотипный концептуальный прототип, функционирующий в качестве материальной репрезентации абстрактных характеристик и качеств. В языке и речи символы манифестируют собой образные средства, которые репрезентируют стереотипные характеристики и качества, приписываемые тем или иным объектам в контексте конкретных культурных систем. Разрабатывая типологию символов, исследователи приходят к выводу, что они обладают разной степенью распространения.

Символы тесно взаимодействуют с метафорами и метонимиями. Например, ФЕ *be in seventh heaven* комбинирует в себе числовой символ *seven* и концептуальную метафору *better is up*. Взаимодействуя с метафорами и метонимиями, символы формируют сложные концептуальные конструкторы, обладающие статусом гибридной концептуализации действительности.

Ф. де Соссюр характеризует языковой символ в терминах устойчивой ассоциации между формой и знанием. В последующих исследованиях эта характеристика детализуется: языковая единица начинает трактоваться как биполярное символическое единство, объединяющее семантический и фонологический полюс. Форма и значение связываются посредством символизации, т.е. закрепившейся связи между семантическими и фонологическими структурами [Langacker, 1987: 77]. Для обозначения семантического полюса языковой единицы Р.У. Лангакер задействует понятие предикации [Там же: 97]. Концептуализация действительности обеспечивает актуальное содержание предикации. Слова квалифицируются в качестве «контейнеров» для семантических характеристик, которые могут получать дальнейшую детализацию в ходе контекстуального функционирования лексических единиц [Лакофф, Джонсон, 2004: 222–223].

Утверждается, что лингвистические единицы не включают в себя, а конструируют значения. С опорой на понятие «предназначение» Р.У. Лангакер показывает, что в процессе концептуализации действительности различные языковые конструкции придают ту или иную степень признания конкретным подструктурам [Langacker, 1987: 116]. В зависимости от своего предназначения одно и то же концептуальное содержание может конструироваться разнообразными способами (например, *the book on the table* (фокус внимания на книге); *the table with the book* (фокус внимания на понятии «стол»); *the book is on the table* (фокус внимания на обоих предметах)). Таким образом, альтернативные когнитивные конструкторы одного и того же концептуального содержания порождают несходные

семантические репрезентации. Для четкого разграничения этих репрезентаций предикация должна включать в себя:

а) концептуальное содержание, активируемое символической единицей;

б) конвенционализированный конструкт, т.е. предназначение этого содержания [Langacker, 1998: 1].

Концептуальное содержание предопределяется когнитивной способностью индивида к фокальной корректировке процессов концептуализации действительности [Langacker, 1987: 117]. Для выделения диапазона предикации языковой единицы субъект призван сфокусироваться на специфическом сегменте в сети концептуальных отношений, т.е. сделать выбор в пользу релевантной семантической репрезентации. В процессе этого выбора фокус внимания переносится на специфические аспекты концептуализации [Там же: 193]. Предикации представляют собой истолкованные концептуализации действительности. Языковые значения участвуют в структурировании знаний о мире с опорой на систему коллективных репрезентаций.

Когнитивная грамматика характеризуется как комплексная сеть, состоящая из бесконечного множества символических единиц. Модель грамматики, предложенная Р.У. Лангакером, представляет собой «встречное предложение» модулярной и алгоритмической модели языка, разработанной Н. Хомским и его последователями. Центральным моментом критики против хомскианской модели предстает концепция языка как строительного блока, которая отражается в модулярных представлениях о лингвистических знаниях и описывает формирование предложений как комбинирование лексических единиц по правилам формального синтаксиса.

Р.У. Лангакер понимает когнитивную грамматику как «структурированный инвентарь конвенциональных языковых единиц» [Langacker, 1987: 57]. Следуя правилу содержания, Р.У. Лангакер расширяет понятие о символических единицах, также включает в него морфемы и

синтаксические категории. В результате синтаксис не рассматривается в качестве изолированной формальной системы, а трактуется в семантических терминах. Как и лексические единицы, синтаксис – это средство конструирования и структурирования концептуального содержания.

Наряду с семантизацией синтаксиса, исследователь отказывается от дискретных грамматических модулей (лексика vs. синтаксис), которые замещаются «континуумом символических структур» [Langacker, 1987: 54]. В рамках этого континуума синтаксические, морфологические и лексические структуры, понимаемые в традиционном смысле, формируют сопряжения формы и значения, которые обладают различной степенью сложности и схематичности [Langacker, 1991: 16]. Символические единицы потенциально могут наделяться различной степенью структурной сложности.

Р.У. Лангакер также вводит понятие о конструкционных схемах, которые представляют собой формулировки-шаблоны в виде комплексов схематических символических единиц. Эти схемы, абстрактные по своей сущности, моделируются на основе сложных форм и значений, которые активируются в реальных контекстах функционирования языка, содержат общие черты сходства с устойчивыми выражениями, символическими по своему содержанию, категоризуют эти выражения [Langacker, 1991: 17]. Например, предложение *John sliced the tomatoes* соотносится с различными конструкционными схемами, которые определяют его структурное описание. Абстрактная схема [субъект – процесс – объект] структурирует предложение на основе категории переходности. Шаблоны [[Действие] [Прошедшее неопределенное время]] и [[Предмет] [Множественное число]] уточняют морфологическую структуру соответственно предиката *sliced* и имени существительного *tomatoes*.

Две последние схемы рассматриваются в качестве абстрактных семантических структур. Таким образом, организация конструкционных схем мотивируется и моделируется семантическими взаимоотношениями слов в составе предложения. Морфосинтаксический узел конструкции образует

абстрактный, образно-схематический профиль концептуальных подструктур, которые характеризуются на фоне соответствующих схематических концептуальных доменов.

Символические единицы организуются как структурированные последовательности, в основе которых лежат комплексные сети. В этих сетях символические единицы различных типов формируют узлы, которые связываются в таксономии. Знания говорящего субъекта о конвенциях языка реализуются в полной мере, когда символическая единица, наделенная уникальными фонологическими, грамматическими, лексическими, прагматическими и дискурсивно-функциональными характеристиками, репрезентируется как специфический узел.

В нейрокогнитивных терминах символические единицы и конструкции приобретают статус комплексных ментальных моделей [Kemmer, Barlow, 2000: xii]. Таким образом, знания представляют собой систему ментальных схем, которые извлекаются говорящим субъектом из сенсорно-моторного опыта в целях структурирования представлений об окружающем мире, облачения этих представлений в языковую форму выражения.

Новоявленные символические единицы и конструкции начинают частотно задействоваться в производстве высказываний. Интерпретируя эти высказывания, адресат расширяет свои знания о языковой системе. В результате формируется грамматика, общая для говорящего субъекта и его адресата [Kroenenfeld, 2000: 203]. Источником действенных лингвистических знаний предстает конкретный опыт использования языка в тех или иных контекстах общения. При этом грамматика иницируемого высказывания оказывается следствием компетенции порождать дискурсивные произведения, активируется в сознании говорящего индивида в целях разрешения тех потребностей, которые возникают в условиях реальной коммуникации, координирования процессов производства и понимания высказываний.

По мнению Р.У. Лангакера, говорящий субъект, манифестируя эту компетенцию, фактически, решает проблему кодирования информации в языковых средствах. «Задача нахождения релевантного языкового выражения для концептуализации действительности, – указывает он, – выливается кодирования: ее разрешение связывается с целевой структурой... символическим выражением, используемым говорящим в определенных обстоятельствах... это выражение представляет собой взаимосвязь между детально, контекстуально зависимой концептуализацией и некоторой фонологической структурой...» [Langacker, 1987: 64–65].

Другими словами, проблема кодирования сводится к осуществлению концептуализации. Языковые единицы используются говорящим субъектом / адресатом в целях категоризации окружающего мира, активации многомерной концептуализации и ее вербального отражения для взаимообмена информативными структурами.

Производство и интерпретация высказываний связывается с кодированием и языковым символическим воплощением целевой концептуализации. В терминах теории релевантности подобное кодирование встраивается в ментально конструируемое когнитивное окружение, которое, в свою очередь, формирует контекст функционирования дискурсивного произведения [Sperber, Wilson, 1986: 207]. В коммуникативном акте эта концептуализация как взаимно манифестируемое когнитивное окружение становится общей для говорящего субъекта и его адресата, поскольку сам говорящий исходно кодирует свою коммуникативную цель наиболее релевантным способом.

Понятие о контекстуальных эффектах занимает существенное положение в определении релевантности целевой концептуализации, осуществляемой говорящим субъектом. Эти эффекты предстают непрямым условием уместности инициируемых языковых конструкций. Чем сильнее эти эффекты, тем выше релевантность высказываний говорящего [Sperber, Wilson, 1986: 119–120]. Кодирование целевой

концептуализации порождается с оптимальной степенью релевантности, поскольку производит необходимый объем контекстуальных эффектов при минимальной затрате когнитивных усилий. В каждом акте коммуникации эксплицируется презумпция оптимальной релевантности [Sperber, Wilson, 1986: 158].

Подчеркнем еще раз, что не все посылки и умозаключения находят эксплицитное выражение в дискурсивной деятельности говорящего субъекта, некоторые из них могут носить неявно выраженный характер. Более того, в условиях коммуникации всегда проявляется потенциальный риск активации контекстуальных эффектов, которые не предопределяются данным когнитивным окружением и целевой концептуализацией. Другими словами, импликатуры высказывания проявляются с различной степенью.

В этой связи Д. Спербер и Д. Уильсон говорят о сильных и слабых импликатурах [Sperber, Wilson, 1986: 199]. Сильные импликатуры в полной мере отражают ту семантику, которую коммуницирует говорящий адресату. Информация, которая обнародуется им, соответствует принципу релевантности в конкретном когнитивном окружении. Слабые импликатуры, напротив, в полной мере не контролируются адресантом, могут порождать дополнительные эффекты, не релевантные для данного когнитивного окружения.

Говорящий субъект, который ограничивает множественную интерпретацию своего высказывания, не налагает на адресата значительную ответственность за контекстуальные допущения и эффекты, организует эффективный коммуникативный процесс. Чем больше ответственность адресата за выбор контекстуальных допущений и эффектов, тем менее эффективной оказывается коммуникация.

Различная степень явности семантического содержания, выражаемого высказыванием, внедренные в него сильные (слабые) импликатуры отражают когнитивную деятельность говорящего субъекта в ходе кодирования информации и выбора оптимальных языковых средств для категоризации

целевой концептуализации. В процессе использования языка активируются соответствующие средства, выбор которых диктуется текущими коммуникативными потребностями говорящего субъекта. В свою очередь, этот выбор является потенциально релевантным для порождения импликатур в текущем когнитивном окружении. В результате активируется концептуализация действительности, которая оптимально интерпретируется адресатом в ходе межличностного взаимодействия.

Производство высказываний связывается с кодированием комплексных концептуализаций посредством грамматических конструкций. Следствием творческой языковой категоризации окружающего мира становится активация оптимальных лингвистических средств. Процессы преобразования концептуального содержания в символические структуры сдерживаются линейной природой языка. В связи с этим проблема кодирования целевой концептуализации сводится к редуцированию сложности многомерных концептуализаций посредством их отражения в форме максимально релевантных грамматических конструкций.

Абстрактные конструкционные схемы, хранящиеся в долгосрочной памяти говорящего субъекта, обеспечивают реализацию символических моделей, которые активируются для кодирования целевых концептуализаций в акте восприятия окружающего мира. В распоряжении говорящего субъекта имеется бесчисленные множества языковых единиц, которые облегчают процессы кодирования [Langacker, 1987: 31–34].

В когнитивной грамматике признается, что языковые конструкции хранятся в памяти говорящего субъекта в иерархически организованном виде. Их конструкционная слитность рассматривается в качестве фундаментальной характеристики того, как языковое знание объективируется с опорой на когнитивные процедуры, происходящие в сознании говорящего.

Акты языкового творчества, трансформации языковых единиц, хранящихся в памяти в готовом виде, отражают коммуникативные потребности говорящего субъекта к таким сущностям, как:

- 1) адаптация лингвистических средств к вариативным концептуализациям разнородного социального и физического опыта;
- 2) внесение индивидуального максимально релевантного вклада в общение с адресатом [Langacker, 1987: 278].

Лингвистическое творчество – это, своего рода, когнитивная способность реализовать указанные потребности. Следствием релевантного кодирования повседневного опыта становится, в том числе, творческое преобразование тех языковых конструкций, которые хранятся в памяти в готовом виде. Физический и социальный опыт говорящего субъекта отличается такой многомерностью и индивидуальностью, что для его оптимального языкового воплощения узуальные единицы и конструкции не всегда оказываются достаточным материалом.

Проявляя особую чувствительность к изменениям в своем повседневном физическом, социальном и культурном опыте постижения мира, говорящий субъект задействует свою когнитивную грамматику на динамической основе, переориентирует те когнитивные процедуры в своем сознании, которые отвечают за использование языка [Langacker, 1987: 57]. Суть творческой лингвистической деятельности состоит в детализации и манипулировании языковыми единицами и конструкциями с опорой на имеющиеся конструкционные схемы и правила кодирования актуальной информации. Р.У. Лангакер описывает эти процессы как ментальное конструирование стандартов комбинирования конвенциональных языковых средств, еще не закрепленных в языковой системе [Langacker, 1987: 439].

Вышеприведенное положение может быть проиллюстрировано на примере символической единицы *pencil sharpener*. Для того чтобы создать новую единицу с опорой на манипулирование формой указанной единицы, говорящий призван осознать тот вклад, который внесут символические

компоненты в базовую семантику единицы. Единица *pencil sharpener* организуется следующими конструкционными схемами: [Приспособление для специфических предметов] и [Точилка для специфических предметов]. Можно вообразить ситуацию, в которой художник использует для рисования не карандаши (*pencils*), а цветные мелки (*crayons*), а поэтому изобрел приспособление для точения мелков.

Этот специфический предмет является целевой концептуализацией (П = приспособление для точения мелков). Для точной и релевантной языковой категоризации этого приспособления, художник вправе создать новое выражение – *crayon sharpener*. В этом случае он анализирует новый, контекстуально-специфический стандарт – (П = (*crayon sharpener*)). Этот стандарт не создается с учетом каких-то новых параметров, а выводится на основе уже имеющейся конструкционной схемы [Приспособление для специфических предметов] посредством ее уточнения лексической единицей *crayon*.

Эта лексическая единица вставляется в имеющуюся схему по аналогии со схемой [Точилка для специфических предметов]. Другими словами, выведенный стандарт предопределяется уже имеющимися конструкционными схемами [Точилка для специфических предметов] и [Точилка для карандашей], как и категориальными взаимоотношениями между единицами *pencil* – *crayon*, принадлежащими к одному и тому же лексико-семантическому полю. Лингвистическое творчество художника основывается на манипулировании узлом [Специфический предмет] в конструкционной схеме, которая детализуется в соответствии с таксономической иерархией [Специфический предмет] → [Карандаш] → [Цветной мелок]. Таким образом, в основе создания новой единицы лежат отношения аналогии.

Представленный выше процесс языкового творчества срабатывает в таких двух измерениях, как:

- 1) горизонтальное измерение, которое отражает синтагматическую интеграцию компонентов единицы;
- 2) вертикальное измерение компонентного состава единицы, которое определяет взаимоотношения между компонентами единицы [Langacker, 1987: 84, 448].

Новая синтаксическая конструкция *crayon sharpener* появляется как интегрированное, творческое комбинирование конвенциональных символических единиц. Р.У. Лангакер разрабатывает модель, которая объясняет этот процесс в качестве комплексной формы категоризации. Соединение компонентов в составе новой символической единицы базируется на деривационной предсказуемости, регулярности структуры этой единицы с добавлением семантических характеристик нового компонента. То семантическое содержание, которое получает новая символическая единица, не является результатом механического сложения лексических значений составляющих ее компонентов: точилка для цветных мелков – это не просто предмет для затачивания мелков, а специфическое приспособление.

Другими словами, специализированное значение единицы выводится не на основе конструктивных схем и лексических единиц, а предопределяется специфической концептуализацией (новое приспособление, изобретенное художником). Описание соединения компонентов в составе новой символической единицы приобретает особую значимость для анализа формальной и семантической структуры трансформированных ФЕ.

1.2. Фразеологический фонд в системе современных лингвистических парадигм: параметры категоризации фразеологических единиц

Первые фундаментальные исследования в сфере фразеологии относятся к периоду доминирования в лингвистике системно-структурной

парадигмы. В этот период предлагается устойчивая система параметров для классификации (ФЕ) и, соответственно, разрабатываются их классификации, с опорой на которые выявляется узкое и широкое понимание фразеологии как автономной отрасли лексикологии, составляются фразеологические словари, ставшие к настоящему времени классическими лексикографическими источниками.

В текущих изысканиях, проводимых под эгидой антропоцентрической парадигмы, проблемы идентификации и классификации ФЕ, как и интеграция этих единиц в более глобальные теоретические концепции, оказывает существенное влияние на различные подразделы лингвистической науки, находят практическое применение в сфере изучения естественных языков, методике преподавания родного и иностранных языков и т.д. [Гринченко, 2017; Залевская, 2022; Мокиенко, 2022; Саркисянц, 2006; Федуленкова, 2020, 2021].

Фразеология относится к широко распространенным понятиям современной теории языка, и как многие другие научные понятия определяется неоднозначно различными лингвистами. Однако более пристальный взгляд на многочисленные фразеологические концепции дает возможность выявить те направления исследований, которые являются актуальными для текущего многоаспектного анализа устойчивых единиц языка, которые обладают самой разнообразной структурой [Аглеева, 2024; Беглова, 2021; Голикова, 2021; Кравцов, 2022; Меликян, 2015, 2018, 2019; Рубцова, 2020; Семенова, 2024; Третьякова, 2021(а), 2021(б); Федуленкова, 2014; Яблонская, 2020].

Как свидетельствует анализ научной лингвистической литературы, последовательная систематизация феноменов, формирующих фразеологический фонд конкретного языка, как и определение фразеологии в целом, предполагает учет следующих параметров:

- эмотивная природа компонентов, образующих фразеологическую единицу;

- количество компонентов, входящих в состав фразеологизма;
- предельные вариативные возможности фразеологизма;
- степень лексической и синтаксической гибкости компонентов, вовлеченных в процесс создания фразеологической единицы;
- роль семантической спаянности компонентов, формирующих целостную фразеологическую единицу [Давлетбаева, 2010; Давлеткиреева, 2021; Туракулова, 2026; Федунина, 2024; Филиппова, 2023].

В целом, фразеологизм можно определить как проявление устойчивой связи между некоторой формой лексической единицы и одним или несколькими дополнительными языковыми элементами, которые в совокупности функционируют в качестве целостной семантической структуры текста, выявляют сочетаемостные возможности, превышающие ожидания на основании случайности. ФЕ, как правило, реализуются как многословные единицы языка (см. также проблему выделения морфологической фразеологии [Sarkisyants, 2025]).

А.В. Кунин определяет ФЕ в качестве устойчивой комбинации слов, которая обладает полным или частичным образным значением [Кунин, 1996: 12–14]. Данное определение является оптимальным как для теоретического анализа, так и в ходе практической идентификации исследуемых единиц. А.В. Кунин реализовал разработанные им принципы изучения ФЕ в лексикографической практике [Кунин, 1967]. Его «Англо-русский фразеологический словарь» представляет собой образцовую модель теоретически обоснованной лексикографии (см. позитивные отзывы о словаре со стороны зарубежных исследователей фразеологии [Cowie, 2001: 12]).

Определение, предлагаемое А.В. Куниным, фокусируется на двух имманентных характеристиках ФЕ – стабильности и образном значении, которые лежат в основе отграничения данных единиц от свободных словосочетаний и выражений, стабильных по форме, но не обладающих образностью. А.В. Кунин также выдвинул идею, что фразеология

представляет собой автономную лингвистическую дисциплину, вводит понятие о фразеологической стилистике [Кунин, 1969: 71–75].

При первом приближении фразеология может быть определена как изучение структуры, семантики и функционирования устойчивых словосочетаний и предложений. Словосочетания приобретают самую различную форму и функциональную нагрузку. Лингвисты разрабатывают критерии разграничения ФЕ и свободных словосочетаний, с порой на которые при разных подходах в состав фразеологического фонда языка включается несходный репертуар языковых единиц. Так, при структурно-системном подходе превалирующим является семантический параметр и состав фразеологии формируется за счет устойчивых комбинаций слов – сочетаний, единств и сращений. При широком понимании фразеологии в нее также включаются пословицы, поговорки и афоризмы. В рамках корпусной лингвистики – с опорой на параметр частотности функционирования – принимается более широкая исследовательская перспектива и в качестве ФЕ квалифицируются единицы, которые традиционно рассматриваются вне рамок фразеологии.

Традиционный подход к фразеологии получил многомерную детализацию в советском языкознании. Концепции В.В. Виноградова и А.С. Ахмановой лежат в основе таких воззрений на фразеологию, сфера которой ограничивается специфическим классом двухсловных и многословных единиц, имеющих определенные лингвистические характеристики. Сама фразеология квалифицируется как языковой континуум, в рамках которого на одном полюсе функционируют комбинации слов с непроницаемой и застывшей семантикой, а на другом полюсе – единицы с прозрачным значением и широкими вариативными возможностями структуры. Лингвисты, работающие в рамках традиционного подхода, устанавливают лингвистические критерии разграничения различных типов ФЕ, дифференциации устойчивых единиц с прозрачной семантикой и структурной вариативностью и свободных словосочетаний. В качестве

«ядерных» единиц фразеологии рассматриваются комбинации слов с максимальной степенью слитности, семантика которых не вытекает из значений отдельных слов-компонентов (сращения, идиомы). Выдвигается мнение, согласно которому сращения являются прототипом ФЕ.

Именно в советской лингвистике фразеология выделяется как автономная отрасль частной и общей теории языка, создается оптимальный терминологический аппарат для изучения устойчивых словосочетаний, обладающих различной степенью спаянности компонентов, устанавливаются дискретные критерии для категоризации и многомерного (семантического, структурного, стилистического) анализа ФЕ. В современной англоязычной лингвистике, в которой изучение устойчивых единиц только начинается, традиционная концепция анализа этих единиц определяется как «фразеологический подход» [Nesselhauf, 2004].

При создании специализированных лексикографических источников в англоязычной теории языка в настоящее время разрабатывается иной подход к фразеологии. В рамках разрабатываемых концепций методология исследования фразеологического фонда языка «сверху вниз», при которой ФЕ выделяется на основе предварительно установленных критериев, задействуется метод «снизу вверх», подкрепляемый данными из корпусной лингвистики и нацеленный на выявление, так называемой, «лексической смежности» [Sinclair, 1987]. Данный индуктивный подход, определяемый как «дистрибутивный» [Evert, 2004] или «базирующийся на установлении частотности» [Nesselhauf, 2004], включает в состав фразеологии широкий диапазон словосочетаний, которые не соответствуют критериям ФЕ, установленным при традиционном подходе.

С опорой на эту концепцию выявлена, так называемая, «широкая сфера синтагматической перспективы» [Sinclair, 2004: 19], которая охватывает последовательности языковых единиц, как правило, обладающих сложной структурой. В свою очередь, эти последовательности соответствуют принципу идиоматичности Дж. Синклера: язык преимущественно образуется

цепочками сочетающихся слов, которые воспроизводятся на устойчивой основе. Подобный подход заметно расширяет границы фразеологического фонда языка: многие ФЕ, традиционно рассматриваемые как периферийные и выпадающие из рамок фразеологии, начинают занимать центральное место, поскольку пронизывают всю языковую систему, в то время как подавляющее большинство ФЕ (определяемых в традиционном подходе) не отличаются частотностью употребления.

В отличие от приверженцев классического подхода к фразеологии, Дж. Синклер и его последователи не фокусируются на проблеме разграничения различных языковых категорий и подкатегорий устойчивых словосочетаний. В модели языка, разрабатываемой этими исследователями, ФЕ, имеющие самую разнообразную структуру, по сравнению с отдельно взятыми словами, обладают прецедентностью. Подобный радикальный взгляд вызвал критические замечания, в частности, за то, что в качестве фразеологических рассматриваются, практически, все частотно употребляющиеся словосочетания и клише (см., например, [Gaatone, 1997: 168]).

Разные подходы, предпринимаемые к изучению устойчивых единиц, фактически, размывают границы фразеологии как лингвистической сферы, имеющей определенный объект исследования, констатируют ее тесную взаимосвязь с другими подсистемами языка и теории языка.

Сферой, с которой фразеология устанавливает наиболее прочные – и в то же время размытые – связи, является семантика. Обращение к семантическому содержанию языковых единиц предстает одним из наиболее эффективных факторов разграничения различных типов подобия, изоморфизма между словом и ФЕ, свободными и связными словосочетаниями, предложениями, построенными по свободным и фразеологизированным моделям. Выявляются ограничения на сочетаемостные возможности лексем в составе словосочетаний и предложений, которые предопределяются как семантикой словоформ (ср. прилагательное *pregnant* может сочетаться только с одушевленными

именами существительными женского рода), так и традицией употребления (ср. *strong coffee* – * *powerful coffee*). Указанный параметр лежит в основе традиционного подхода к ФЕ, в частности, синтагматическая специфика предикатов, употребляющихся в переносном значении не является достаточным условием для отнесения словосочетания к фразеологически связанным (ср. *to spend a week* / *to spend a considerable sum of money*), а поэтому они рассматриваются вне рамок фразеологии.

Другим семантическим фактором формирования фразеологически связанного значения предстает невыводимость общей семантики языковой единицы из составляющих ее компонентов. Одни исследователи трактуют этот фактор как критерий, определяющий специфику ФЕ, другие исследователи полагают, что это вторичное свойство, характеризующее не весь фразеологический фонд языка. Например, И.А. Мельчук полагает, что невыводимость общего значения из значений составляющих компонентов – сущностное свойство фразем [Mel'čuk, 1998: 24].

Вместе с тем, практически все лингвисты (включая и И.А. Мельчука) выражают единодушие в том, что указанное свойство проявляется у языковых единиц с различной степенью выраженности. При традиционном подходе возможность вывести общую семантику единицы из значений составляющих ее компонентов квалифицируется в качестве фактора, на основании действия которого данная единица исключается из фразеологического фонда языка.

Фразеология также взаимосвязана с синтаксисом: в основе формирования их единиц лежат синтагматические отношения [Меликян, 2019, 2020, 2023, 2024, 2026]. Демаркационная линия между этими сферами не всегда может быть однозначно прочерчена (ср.. в частности, исследования по синтаксической фразеологии, синтаксису нечлененого предложения).

Функционирование ФЕ связано с дискурсом как сферой, которая концентрируется на архитектонике языка на надпредложенческом уровне и формируется за счет интерактивного обмена мнениями и идеями или

письменных текстов. В традиционном подходе указывается, что ФЕ отражают дискурсивное взаимодействие собеседников, а поэтому активно исследуются такие прагматические проблемы фразеологической семантики, как образность, национальный компонент, коммуникативная предопределенность. На изучении интеракционного потенциала фразем делает акцент и И.А. Мельчук [Mel'čuk, 1998].

Дискурсивные теории сосредотачиваются на функциональных, культурных и интерактивных характеристиках языка, их конструктивных следствиях для лингвистической и экстралингвистической деятельности говорящего индивида (ср. такие магистральные направления, как разговорный анализ, интеракциональная социолингвистика и др.). Практически во всех подходах к исследованию дискурса подчеркивается, что ФЕ не являются периферийными явлениями языка, указывается на их релевантность в контексте разнообразных коммуникативных процессов. В частности, обсуждаются следующие блоковые проблемы:

1. В какой степени язык может квалифицироваться как феномен идиоматического порядка?

2. Проявляется ли идиоматичность исключительно на лексическом и синтаксическом уровне или неразложимость общей семантики на значения составляющих компонентов может также характеризовать от дельно взятые лексические единицы?

3. Если лексические и синтаксические единицы выявляют различную степень идиоматичности, то какая теоретическая модель может целостно охватить этот континуум, как ядерные идиомы соотносятся с другими видами идиоматических конструкций в рамках этой модели?

4. Какие лингвистические параметры отражают идиоматичность в первую очередь, следует ли учитывать при ее анализе иные вариативные параметры, такие, например, как лексико-грамматическая фиксированность, отсутствие вариативных возможностей? [Бутенко, 2022; Бахаева, 2021;

Дегальцева, 2023; Олейник, 2022; Семушина, 2026; Третьякова, 2021, 2023; Хакимуллина, 2025; Юрина, 2020; Shirlina, 2023].

Указанная выше проблематика решается, в том числе, и в аспекте лингвокультурологических изысканий, вскрывающих, как базовые понятия культуры фиксируются в образной фразеологии, как структуры культурного знания категоризуются в терминах идиоматичности. Для решения этих вопросов производится дифференциация между синхроническим и диахроническим (этимологическим) уровнями системного описания, делается фокус на тех ФЕ, которые многомерно отражают актуальные культурные знания. В этой связи разрабатываются многочисленные типологии доминирующих культурных феноменов, манифестируемых образными ФЕ.

Анализ этих феноменов и соответствующих фразеологизмов, произведенных на материале различных языков, свидетельствует, что в основе структур актуальных культурных знаний лежат те закономерности, которые уже выявлены в лингвистической семиотике и базируются на триаде социальной, материальной и ментальной культуры. Думается, что «ментальная культура» в данном контексте исследования предстает не совсем релевантной категорией, поскольку язык, сам по себе, предстает ментальным феноменом.

В связи с этим на повестку дня лингвистического анализа выдвигаются следующие аспекты:

- контекстуальная предопределенность семантики ФЕ;
- ФЕ как средство отражения наивной картины мира;
- ФЕ как символ культурологической значимости: мотивационные связи между буквальным значением и образной смысловой интерпретацией ФЕ устанавливаются с опорой на семиотические знания о символах в целом, его семантике в системе культурно релевантных знаков, в качестве которой функционирует не только язык, но и мифология, религия, искусство [Айкина, 2023; Базулько, 2022; Вишнякова, 2019; Волкова, 2018; Зимина, 2020;

Куранова, 2025; Каюмова, 2025; Ли, 2025; Опарина, 2019; Павлова, 2026; Прохватила, 2026].

В современных лингвистических концепциях исследование фразеологического фонда языка приобретает разное значение. С одной стороны, в теоретических подходах не проявляются единые позиции относительно важности фразеологии в применяемых исследовательских программах. С другой стороны, теоретическая важность, придаваемая фразеологической проблематике, во многом предопределяется тем, как дефинируется ФЕ, с опорой на какие критерии концептуализуется это понятие.

В рамках генеративной грамматики фразеологический фонд языка исследуется в достаточно ограниченном виде. Вероятно, это связывается с тем, что концепция языковой системы, действенная для данного подхода, фокусирует первоочередное внимание прежде всего на алгоритмических правилах, лежащих в основе сочетаемости языковых единиц, которые учитывают структурные характеристики этих единиц вне зависимости от их значения.

Вместе с тем, в более поздних версиях этого подхода обсуждается проблема многообразия моделей построения фразеологических единиц, которые, как утверждается, проливают свет на модульную организацию языка в терминах алгоритмической грамматики и лексикона [Culicover, 1999]. Идиомы преимущественно квалифицируются как «исключение из общего правила», поскольку в операциональной системе говорящего субъекта хранятся отдельно от базового лексикона, в так называемом, «фразово-идиоматическом сегменте», который выявляет индивидуальную специфику [Katz, Postal. 1963].

В когнитивной грамматике ФЕ трактуется как подмножество символических единиц, определяемых в качестве структур, которые производятся говорящей личностью автоматически, не фокусируясь на индивидуальных компонентах этих единиц и их синтагматической

специфике. Сочетая форму и содержание, символические единицы являются конвенциональными ассоциациями между фонологической и семантической (концептуальной) структурой. Чем чаще говорящий индивид воспринимает и использует ту или иную символическую единицу, тем в большей степени эта единица приобретает автоматизированный характер в ментальном лексиконе этого индивида.

Определяющие параметры ФЕ как символической единицы могут быть суммированы следующим образом:

1. отсутствие ограничений на количество компонентов в единице, способно реализовывать несколько семантических знаний;
2. частотность употребления, предопределяющая автоматизм реализации (вместе с тем, исследователи ничего не говорят о пороге достаточной степени частотности);
3. воспроизводимость: в категоризации отдельного сегмента действительности участвуют все компоненты единицы, используемые в устоявшемся порядке;
4. гибкость семантического содержания: значения ФЕ могут обобщать сущность одной или нескольких ситуаций («схем» в терминологии Р.У. Лангакера).

В аспекте когнитивной грамматики ФЕ обладает значительными чертами сходства с иными символическими единицами. В связи с этим она не получает особого статуса, поскольку предполагает тот же самый описательный аппарат, что и морфемы, слова, аргументативные конструкции или модели предложений.

В англоязычной научно-лингвистической литературе категоризация ФЕ осуществляется, в том числе, на фоне структурно-семантических разновидностей устойчивых словосочетаний. В разрабатываемых моделях фразеологического фонда языка идиомы рассматриваются в качестве отдельной подкатегории двух- и многословных синтаксических единиц: «все

идиомы являются своеобразными формулами, но не все формулы предстают идиомами...» [Pawley, 1985: 89].

Выдвигается мнение, согласно которому границы между идиомами, свободными словосочетаниями и другими синтаксическими многословными структурами оказываются размытыми; в континууме устойчивых выражений указанные языковые единицы в определенной степени пересекаются [Nattinger, DeCarrico, 1992]. Как представляется, подобный взгляд обладает несколькими важными следствиями для общего определения идиоматичности.

Во-первых, поскольку идиоматичность отражает специфику устойчивых словосочетаний и предложений, этим понятием охватывается не только невыводимость общей семантики из значений составляющих компонентов, но и случаи формальной фиксированности. В частности, подобное положение системно отражается в выделении следующих критериев идиоматичности:

1) значение идиомы не является результатом композиционной функции их компонентов;

2) идиома – это единица, которая имеет либо омонимичное выражение с буквальным значением, либо отдельные ее компоненты обладают буквальными значениями, которые не учитываются в целостной интерпретации единицы;

3) идиома не может быть подвержена трансформации без ущерба для выражаемого семантического содержания;

4) идиома представляет собой устойчивое выражение в рамках конкретного языка [Fernando, Flavell, 1981: 17].

Во-вторых, идиоматичность более не рассматривается как исключительная характеристика только «ядерных» идиом: как невыводимость целостной семантики из значений составляющих компонентов, так и формальная фиксированность компонентов в составе отдельно взятых единиц могут репрезентироваться с различной степенью

выраженности. В связи с этим расширяются представления об идиоме как конкретном подмножестве словосочетаний, в рамках которых неразложимость базовой семантики на значения отдельных компонентов квалифицируется в качестве вторичного вариативного параметра.

«Идиомы и идиоматичность, – пишет по этому поводу Ч. Фернандо, – тесно взаимосвязанные, но не идентичные понятия... устойчивая синтагматика компонентов лежит в основе идиоматических выражений, как канонических, так и неканонических, однако, статус идиом приобретают только те выражения, которые оказываются конвенционально фиксированными, предполагают строго определенный порядок компонентов, имеют ограниченный набор вариантов» [Fernando, 1996: 17].

Другими словами, идиомы (выражения, проявляющие различную степень идиоматичности) определяются как конвенциональные двух- и многословные структуры, лишенные буквальной семантики. Определенная степень идиоматичности (в том числе, со знаком «минус») используется в качестве определяющей переменной в разнообразных типологиях словосочетаний, обладающих свободными и фразеологически связанными значениями.

Разрабатываются многочисленные типологии, объединяющие свободные и устойчивые словосочетания, как для чисто лексикологических, так и лексикографических целей (ср.: [Cowie, 1988], [Moon, 1998] и др.). В большинстве созданных классификаций фразеологизмам отводится существенное место. При этом конструктивную роль приобретают следующие пять характеристик ФЕ:

- 1) структура (например, глагол + имя существительное, глагол + послелог);
- 2) количество компонентов и их грамматические свойства (словосочетание vs. предложение);
- 3) степень семантической слитности компонентов;

4) степень синтаксической гибкости, связанная с вариативными особенностями единицы;

5) дискурсивные функции.

Одной из наиболее продуктивных типологий словосочетаний, разработанных в англоязычной лексикологии и лексикографии, принадлежит А.П. Коуи [Cowie, 1988; Cowie, 1994]. В рамках этой типологии исходно разграничиваются двух- и многосложные словосочетаний, которые функционируют в составе предложения, и речевые формулы, имеющие прагматическое назначение и употребляющиеся как автономные высказывания. Схематически эта типология отражена на Схеме 1.

Как показано на Схеме 1, словосочетания подразделяются на три категории – конструктивно обусловленные структуры, образные и типичные идиомы, – которые образуют фразеологический континуум. Полюсами этого континуума являются, с одной стороны, наиболее прозрачные единицы, обладающие вариативными возможностями, и наиболее непроницаемые единицы, не допускающие вариативности, – с другой. Категория конструктивно обусловленных единиц включает в себя такие выражения, как, например, *perform a task*, *heavy rain*, характеризующиеся устойчивой сочетаемостью компонентов и специализированным семантическим содержанием одного из компонентов. Образные идиомы, наряду с переносным, сохраняют также и буквальное значение (ср., *do a U-turn*), не допускают возможности вариативной замены одного из компонентов.

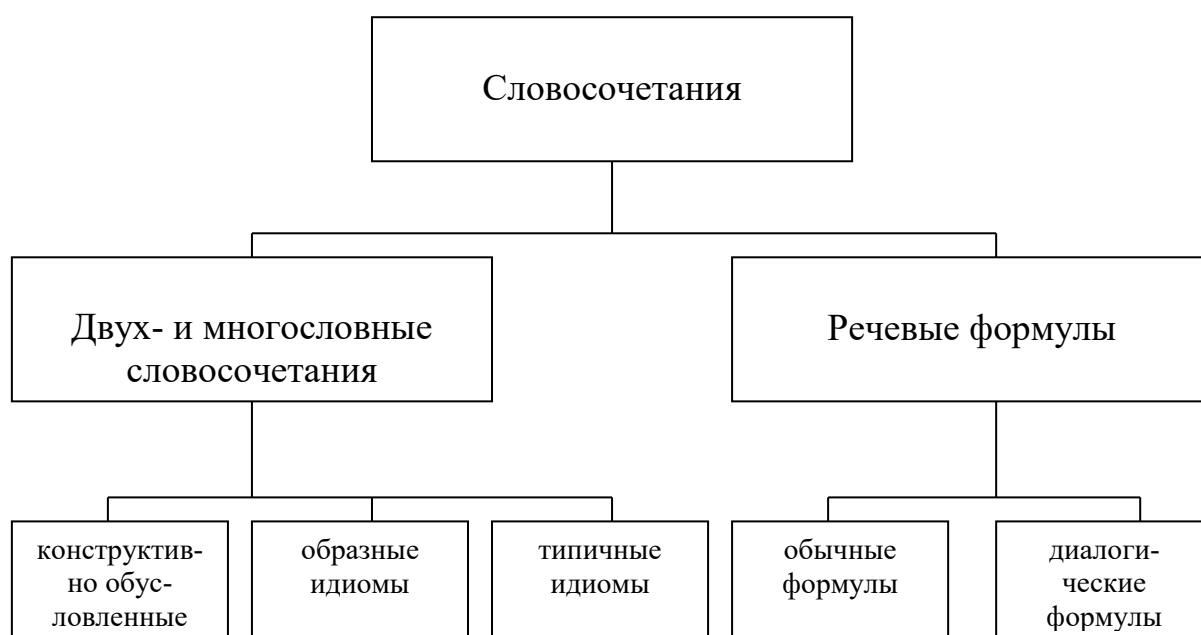

Схема 1. Классификация словосочетаний (по А.П. Коуи)

К типичным идиомам относятся такие единицы, общая семантика которых не выводится из значений компонентов (например, *blow the gaff*). Категория речевых формул используется как прагматическое средство приветствия, фатической организации высказываний, фиксирования отношения говорящего субъекта к предмету разговора.

Другая теоретическая модель фразеологизмов, разработанная в рамках решения проблемы «значение – текст», предложена И.А. Мельчуком [Mel'čuk, 1995; Mel'čuk, 1998]. В этой модели задействуется иной терминологический аппарат, однако, она проявляет определенные черты сходства с типологией А.П. Коуи, поскольку также предполагает разграничение семантических ФЕ, соответствующих двух- и многословным словосочетаниям, и прагматических ФЕ («прагмем»), которые во многом напоминают «речевые формулы» (в понимании А.П. Коуи). Исследователь анализирует словосочетания в терминах синтагматических особенностей компонентов, входящих в их состав. Например, *заядлый курильщик*

обозначается по-английски как *heavy smoker* (ср., * *big smoker*), человек, любящий поест, напротив, как *big eater* (ср., * *heavy eater*).

Предпринимается попытка системно описать данные конвенционализированные предпочтения в выборе зависимых компонентов с опорой на выполняемые ими лексические функции. Само лексическая функция трактуется как «общее и абстрактное значение, которое может быть выражено многообразным образом, в зависимости от семантической специфики используемой единицы» [Mel'čuk, 1995: 186]. Типология фразем, разработанная И.А. Мельчуком, репрезентируется на Схеме 2. В отличие от классификаций А.П. Коуи и И.А. Мельчука, в основе типологии Х. Бургера лежат функции ФЕ в дискурсивном употреблении. Как показано на Схеме 3, на самом верхнем уровне систематизации разграничиваются три типа функциональных категорий – единицы референциальной, коммуникативной и структурной направленности.

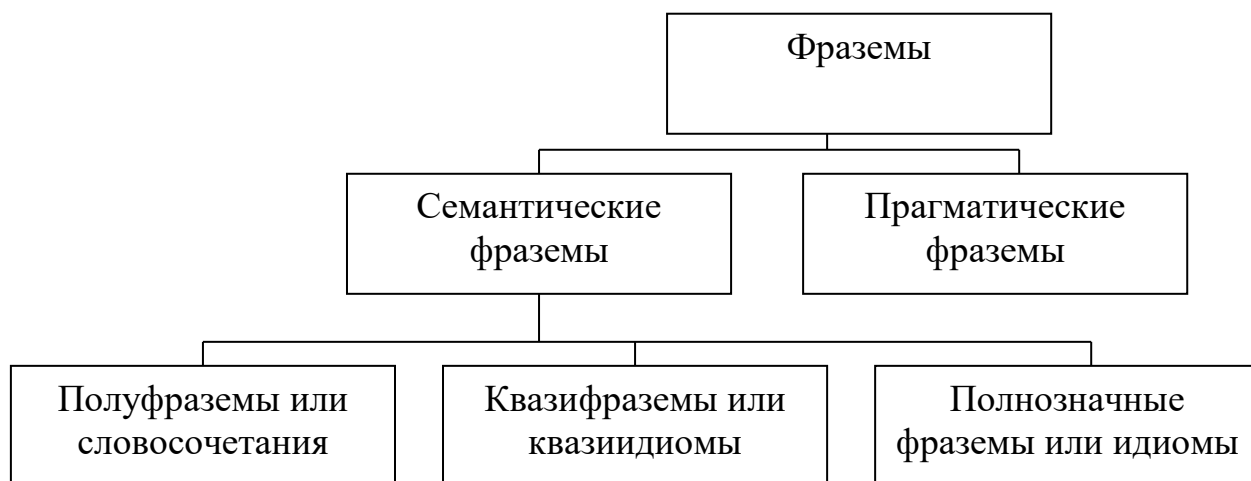

Схема 2. Типология фразем (по И.А. Мельчуку)

В соответствии с синтактико-семантическим критерием референциальные фразеологизмы подразделяются на две подкатегории:

1. номинативные ФЕ, которые являются структурными элементами предложения и обозначают объекты или факты окружающей

действительности (соответствуют двух- и многосложным словосочетаниям в классификации А.П. Коуи);

2. пропозициональные ФЕ, которые функционируют на предложенческом или текстуальном уровне: высказывания об объектах или фактах окружающей реальности (пословицы и предложения фразеологизированной структуры – «прагматические фраземы» в типологии И.А. Мельчука).

Коммуникативные ФЕ выполняют интерактивную функцию, используются в качестве своеобразных маркеров начала, поддержания и окончания диалога или прагматического отношения говорящего индивида к объекту обсуждения. Х. Бургер также выделяет категорию структурных ФЕ, которые включают в себя устойчивые словосочетания, фиксирующие грамматические отношения между компонентами предложения (ср., *as well... as*). Типология ФЕ, предлагаемая Х. Бургером, систематизируется на Схеме 3.

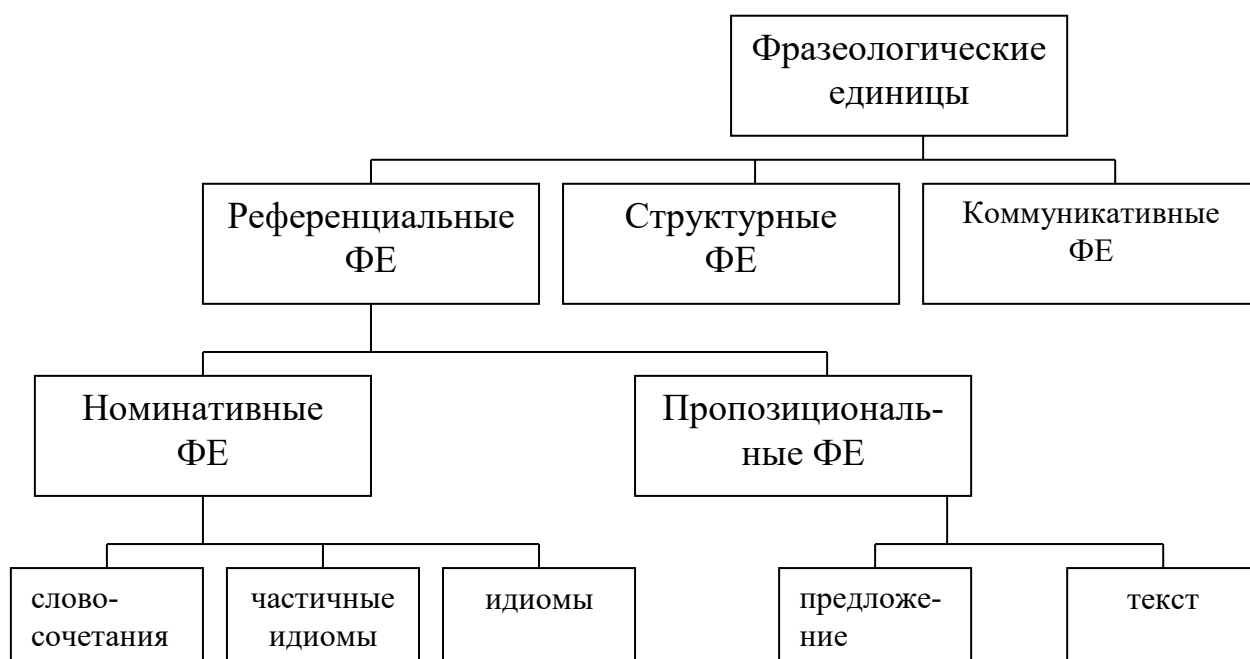

Схема 3. Типология ФЕ (по Х. Бургеру)

В проанализированных типологиях, фактически, делается попытка установить взаимосвязь между дискурсивными и грамматическими теориями

посредством соотношения идиоматических выражений и других видов двух- и многословных структур в рамках единой фразеологической модели.

1.3. Феномен окказионально модифицированных

фразеологических единиц:

риторико-когнитивная матрица и прагматические ограничения

Анализ специфики творческой трансформации узуальных ФЕ преимущественно сосредотачивается на обсуждении их синтаксической гибкости и пластичности, возможности / невозможности обновления структуры единицы за счет эксплуатации экспрессивного потенциала лексического и морфологического уровня языка. Во всех этих научно-лингвистических дискуссиях делается попытка разрешить противостояние «манипулирование с компонентным составом ФЕ vs. требования, предъявляемые системой языка и фактором адресата к этому манипулированию», поскольку в результате трансформации должна появиться единица с целостной формой и семантикой [Калёнова, 2018; Каримова, 2025; Новикова, 2024; Режук, 2025; Семушина, 2026; Хохлов, 2023; Spisiakova, 2022]. Поверхностная и глубинная структуры канонических ФЕ потенциально могут быть модифицированы таким образом, чтобы адресат имел возможность распознать исходную и производную единицу.

Другими словами, творческая трансформация узуальных фразеологических оборотов должна соответствовать принципам релевантности, закономерностям лексической сочетаемости и грамматическим правилам, свойственным конкретному языку. Нарушение этих принципов и закономерностей может привести к обратному перлокутивному эффекту – ошибочной интерпретации трансформированной ФЕ со стороны читателя.

В когнитивно-лингвистических терминах семантическая слитность и структурная «замороженность» ФЕ описывается как невозможность

изменений в лексико-грамматической структуре единицы, зафиксированного концептуального содержания. Предрасположенность ФЕ к различного рода трансформации, напротив, предполагает, что единица может быть подвержена кодированию дополнительной семантики, представляет собой структуру, открытую для символической модификации и нейтрализации исходной узусальной предопределенности. Трансформированные ФЕ системно отражают «идиоматические формы модельного переформулирования» [Carter, 2004: 76].

Сама трансформация определяется как намеренное манипулирование формой и / или семантическим содержанием ФЕ в целях, преследуемых автором в конкретном тексте. Источником трансформации выступает конвенциональное сочетание означающего и означаемого устойчивой единицы. Важнейшими факторами трансформации ФЕ выступают намеренность (прагматическая категория интенциональности) и контекстуальная предопределенность.

Понятие о трансформации используется для обозначения формальных процедур творческого обыгрывания ФЕ. Намеренные трансформации следует отличать от вариативности ФЕ, которая не носит намеренного манипулятивного характера. Очевидно, что творчески трансформированные ФЕ получают – по сравнению со своими каноническими формами – больший прагматический потенциал, иначе данное явление не пользовалось бы таким распространением в разных дискурсивных регистрах и типах текстов, в которых ярко реализуется креативный потенциал языка.

Для того чтобы описать процессы трансформации ФЕ как форму лингвистического творчества, исследователи проводят когнитивно мотивированный анализ креативного кодирования фразеологических значений и смыслов. В лингвистических изысканиях, посвященных трансформации ФЕ в контексте дискурсивного функционирования, процессы производства устойчивых идиоматических выражений не ограничиваются исключительной лексической предопределенностью. Лексико-

грамматические изменения в структуре ФЕ объясняются в терминах творческих когнитивных интерпретаций.

Креативное кодирование фразеологической семантики базируется на специфических ментальных операциях, предполагает манипулирование идиоматическими значениями, их интегрирование в символические структуры и схемы. В результате всех этих процессов появляется «новая» ФЕ, которая соответствует стандартам кодирования целевой концептуализации и – на фоне исходной («производящей») единицы – обладает оригинальной семантикой и структурой.

В этом случае значимыми оказываются следующие ментальные операции:

- выбор концептуальной основы для отражения актуального сегмента окружающей действительности, определение диапазона языковых средств для концептуализации этого сегмента;

- языковое воссоздание актуального сегмента окружающей действительности в терминах определения степени:

- 1) абстрактности в концептуализации сегмента действительности;
- 2) точности в концептуализации сегмента действительности;
- 3) выдвижения использованных языковых средств в сильную позицию текста.

В зависимости от результатов указанных ментальных операций автор конструирует специфическую идиоматическую конструкцию, которая эффективно инкапсулирует в себе концептуализацию манипулятивного характера.

Трансформированные ФЕ выполняют, по крайней мере, следующие прагматические функции:

- усиливают экспрессивность и эмотивность текста, тем самым являются конструктивным средством установления фатического контакта между автором и читателем;

- адаптируют авторские суждения к специфическому контексту повествования;
- производят юмористический эффект, тем самым поддерживают внимание адресата к тексту;
- конденсируют в своей форме и содержании усложненное авторское сообщение за счет приращения дополнительных смыслов;
- активируют комплексные ассоциации между разнообразными объектами, ситуациями, фактами.

Исследователи говорят о конкретизации значения ФЕ за счет лексической субституции, которая ведет, как правило, к семантическому обогащению канонической формы. При когнитивном подходе данное обогащенное значение единицы трактуется в терминах концептуальной интеграции двух несходных доменов, создания ассоциативного пространства, не всегда предполагающего однозначную интерпретацию. Проблема лексической субституции решается одновременно с созданием общих классификаций творческой трансформации ФЕ, которые ориентируются не только на учет производных форм, но и предполагают детальный анализ семантического содержания намеренно преобразованных единиц. Например, при исследовании трансформаций ФЕ в новостных сообщениях разграничиваются преобразования речевого и визуального (связь текста с конкретным кадром) характера. Также системно описываются категории синтагматической / парадигматической, лексической и структурной трансформации фразеологизмов.

К базовым типам трансформации ФЕ относят следующие творческие процедуры.

1. *Субституция*, состоящая в замещении, по крайней мере, одного компонента ФЕ другим компонентом, релевантным в контекстуальном отношении. Как правило, разграничивается грамматическая и лексическая субституция. Некоторые исследователи рассматривают эти две категории в качестве наиболее частотных типов трансформации ФЕ [Urban, 2009: 71–80],

а также как два взаимосвязанных феномена, которые предполагают одну и ту же технику манипулирования с поверхностной формой единицы [Barta, 2006]. Согласно подсчетам, произведенным в исследовании [Omazić, 2007: 64–65], лексическая субституция составляет приблизительно 25 % всех ФЕ с трансформированной структурой и семантическим содержанием. При этом основанием превалирования данной разновидности преобразований рассматривается тот факт, что она требует от автора наименьшего количества времени и когнитивных усилий [Там же, 71].

В отличие от грамматической субституции, замена лексического компонента реализуется без опоры на грамматические парадигмы слов, существующие в системе языка (т.е. не учитываются противопоставления по роду, числу и т.д.). Одной из наиболее гетерогенных характеристик лексической субституции предстает степень частотности замены того или иного компонента в составе конкретной ФЕ, т.е. квалифицируется ли эта замена в качестве широко распространенного феномена или же это уникальный случай. При этом, как указывается, срабатывает следующая закономерность: один и тот же компонент в составе ФЕ в самых разнообразных контекстах может быть заменен бесчисленным количеством иных компонентов.

В зависимости от специфики связи между заменяющим и заменяемым компонентом в составе ФЕ, исследователи говорят о лексической субституции, которая основывается на таких отношениях и параметрах, как:

- 1) паронимия (как следствие формальной схожести указанных компонентов);
- 2) антонимия (как следствие формального противопоставления семантического содержания компонентов);
- 3) близости семантического содержания двух компонентов;
- 4) контекстуальная предопределенность возможности взаимной замены двух компонентов.

Грамматическая субституция базируется на категориальных совместимостях замещаемого и замещающего компонентов, а не на намеренной «вставке» нового компонента. В связи с этим некоторые лингвисты – по сравнению с лексической субституцией – рассматривают ее в качестве менее творческого преобразования структуры и семантики ФЕ.

К наиболее частотным способам грамматической субституции, как правило, относят такие явления, как:

- замена существительного в единственном числе существительным во множественном числе (или замену в обратном порядке);
- мапулирования с категорией рода (в частности, в тех языках, в которых эта категория маркируется грамматическими средствами);
- введение отрицания в утвердительное суждение (или утверждения – в отрицательное суждение);
- преобразования компонентов, выраженных личными местоимениями.

2. *Введение в конвенциональную структуру ФЕ нового компонента*, в том числе, металингвистического характера (например, имени прилагательного в номинативную группу). В отличие от субституции данный тип трансформации, как правило, не видоизменяет семантическое содержание устойчивой единицы, однако, заметно расширяет ее образный потенциал, усиливает экспрессивное значение в конкретном контексте употребления (что, в свою очередь, ведет к уточнению и интенсификации семантики ФЕ). Границы введения нового компонента в состав ФЕ представляются размытыми, а поэтому некоторые исследователи трактуют этот тип трансформации, в том числе, как реализацию вариативных возможностей единицы.

Лингвисты решают проблему потенциальной допустимости вставляемых компонентов в синтаксическую структуру ФЕ. Утверждается, что компонент, определяемый «новым» компонентом должен характеризоваться автономностью в семантическом плане. В исследовании [Stathi, 2007] выдвигается мнение, согласно которому указанное выше

требование применимо лишь к отдельным, специфическим типам вставки «новых» компонентов.

3. *Усечение*, представляющее собой относительно гетерогенную категорию преобразования структуры и семантики ФЕ, которая связана с усечением одного или нескольких компонентов. Для обозначения данного типа трансформации ФЕ также используются такие термины, как «редукция» [Ptashnyk, 2007], «эллипсис» [Naciscione, 2010]. Усечение включает в себя употребление пословиц и афоризмов в сокращенном виде, редукцию глагольных ФЕ до номинативной группы с целью адаптации суждения к соответствующему типу повествования в тексте. С аналитической точки зрения, усечение оказывается менее сложным типом трансформации ФЕ, поскольку оно не ведет к радикальным изменениям в семантике исходной единицы. В этом случае сохранение канонического значения ФЕ, фактически, предопределяется от комбинирования усечения с иными типами трансформации, которое является частотным в разных типах дискурсивных регистров и текстов.

Прагматический статус усечения на фоне возможных типов трансформации ФЕ представляется дискуссионным, поскольку редко ограничивается каким-то узким, специфическим контекстом употребления и сопоставляется с разновидностями вариантов одной и той же ФЕ, трактуясь в качестве сокращенной версии полных форм. В этом отношении усечение интерпретируется как, своего рода, аллюзия на полные формы ФЕ. Тем не менее, усечение квалифицируется как определенный тип трансформации элементов фразеологического фонда языка.

4. *Перестановка компонентов в составе ФЕ*. Отличаясь меньшей частотностью по сравнению с вышеуказанными тремя типами преобразования ФЕ, данная техника относится исследователями к доминирующим разновидностям трансформаций. В частности, указывается, что анализируемые нами типы трансформаций ФЕ соотносятся с базовыми

категориями изменений, уходящими своими корнями в теорию античной риторики:

1. эллипсис (*detractio*) – усечение компонентов ФЕ;
2. субституция (*substitutio*) – замещение компонентов ФЕ;
3. расширение (*adjectio*) – введение новых компонентов в состав ФЕ;
4. пермутация (*transmutatio*) – перестановка компонентов в составе ФЕ [Fiedler, 2009: 330].

Поскольку перестановка предполагает манипулирование с позициями компонентов в конвенциональной форме ФЕ, она оказывается возможной лишь в рамках устойчивых единиц, которые включают в свою структуру два и более компонента.

5. *Слияние*, предполагающее комбинирование двух и более ФЕ в единую устойчивую структуру. Данный тип трансформации устойчивых единиц анализируется, в том числе, с опорой на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконнье и М. Тёрнера [Fosconnier, Turner, 1989]. Каждая из конвенциональных форм комбинируемых ФЕ обеспечивает комплексные взаимоотношения в составе производной «новой» единицы, обогащение ее семантического и образного содержания. В этом плане слияние проявляет относительное формальное подобие субституции: ментальные пространства конвенциональных форм интегрируются с соответствующим пространством замещающего компонента.

6. *Буквализация* фразеологического значения устойчивой единицы. Все ФЕ, подвергаемые трансформации, в той или иной степени претерпевают формальные изменения в своей структуре и / или семантике. При буквализации таких изменений не наблюдается. Данный тип трансформации применим лишь к единицам с относительной степенью идиоматичности (единствам и сочетаниям), поскольку предполагает актуализацию буквальной семантики одного из компонентов или единицы в целом. В ходе интерпретации фразеологических сращений (идиом) эта семантика отходит на второй план, уступая место символическому содержанию. В научной

лингвистической литературе обсуждаются прежде всего три подкатегории этого типа трансформации ФЕ, связанные с выдвижением в сильную смысловую позицию суждения и текста буквального значения единицы, ее фразеологической семантики или одновременная актуализация обоих типов значения.

Указанные типы трансформации структуры и семантики ФЕ в рамках конкретных контекстуальных употреблений могут комбинироваться друг с другом. Так, в определенной степени буквализация предстает релевантной практически для всех контекстов функционирования лексической субституции (в частности, производимой на основе фразеологических единств и сочетаний). В связи с этим она рассматривается, в том числе, как имманентная характеристика приема замены компонентов в составе ФЕ. При подобном исследовательском подходе лексическая субституция и буквализация не являются двумя различными типами трансформации ФЕ.

В основе манипулирования формой и содержанием канонических ФЕ лежат сходные прагматические механизмы, расширяющие вариативные возможности устойчивых единиц и фиксирующие ошибки в их употреблении. В связи с этим не всегда представляется возможным разграничить такие сферы функционирования ФЕ, как намеренная трансформация устойчивых единиц, их вариативный потенциал и некорректное употребление в речи. В отличие от трансформаций, вариативность ФЕ понимается в отрыве от контекста употребления устойчивой единицы.

Оказываясь в фокусе пристального внимания лингвистов, работающих на материале различных языков, вариативность подразделяется на категории, кодируемые в таких феноменах, как:

- система конкретного языка;
- идиолект (т.е. в речи отдельно взятой известной языковой личности).

Варианты ФЕ фиксируются в соответствующих словарях, в которых эти единицы представляются, как правило, в более чем одной форме.

Варианты ФЕ характеризуются одним и тем же семантическим содержанием и равноправным употреблением своих форм (ср. *He's got a nose for bargains* / *He's got a good nose for bargains* – употребление этих допустимых (конвенциональных) вариантов диктуется тем, какая форма является предпочтительной для того или иного носителя языка).

Наряду с системной вариативностью, отмеченной во фразеологических словарях, обнаруживается и индивидуальная форма вариативности, которая не прослеживается в речи всего языкового сообщества. В эмпирических изысканиях подчеркивается, что в контексте реального дискурса обнаруживается значительное количество форм употребления ФЕ, которые не зафиксированы в соответствующих словарях. В свою очередь, эти формы характеризуются как достояние речи. Возможно, что со временем некоторые из этих форм перейдут в систему языка, т.е. станут конвенциональными. Речевая вариативность ФЕ связывается прежде всего с морфосинтаксическими и лексическими альтернативными версиями конкретной единицы [Korhonen, 1992: 49–50].

В основе вариативности и трансформаций лежат одни и те же преобразующие механизмы. С одной стороны, морфосинтаксические варианты сопоставимы с грамматической субституцией, поскольку также предполагают изменение категориальных значений компонентов. С другой стороны, лексическая вариативность проявляет существенные черты сходства с лексической субституцией: связь между вариативными элементами основывается на семантическом параметре, который, в свою очередь, релевантный для подавляющего большинства трансформаций.

С процессами трансформирования формы и содержания ФЕ тесно соотносятся явления творческой вариативности. Носитель языка может спонтанно адаптировать ту или иную ФЕ к своим индивидуальным речевым потребностям, например, в целях реализации большего экспрессивного содержания. В этом случае вариативность форм ФЕ носит намеренный характер и ее употребление, как правило, не ограничивается единичным

контекстом, не определяется специфическим референтом. Подобные альтернативные версии ФЕ исключаются из разряда трансформаций.

Можно говорить о том, что в рамках реального функционирования ФЕ еще не разработаны жесткие критерии разграничения подобных вариативных форм и трансформированных форм. Все это свидетельствует о динамическом характере фразеологического фонда языка: различного рода модификации структуры и семантики ФЕ со временем могут конвенционализироваться, закрепляться, например, в словарях антипословиц [Вальтер, Мокиенко, 2005] (ср. также [Вальер, 2012]).

При дифференциации трансформаций ФЕ и их некорректного употребления важнейшим аспектом предстает намеренность / ненамеренность. Альтернативные варианты могут отличаться намеренным характером (в частности, для усиления образности и экспрессивности ФЕ). Некорректное употребление ФЕ – это всегда ошибка, возможно, свидетельствующая о неосведомленности говорящего субъекта относительно используемой единицы. Однако в основе трансформаций и некорректного употребления ФЕ лежат одни и те же механизмы. Однако эти модификации ФЕ, как правило, не смешиваются, поскольку они имеют место в разных типах текстов. Трансформации ФЕ заранее планируются, ошибки в их употреблении – незапланированное речевое действие.

В современной теории языка активно обсуждается проблема интерпретации трансформированных ФЕ. Установлено, что, интерпретируя модифицированные устойчивые единицы, адресат (в нашем случае читатель публицистических текстов) призван декодировать основания трансформации, т.е. осознать исходную коммуникативную цель автора. Рассмотрим этот процесс на примере трансформированной ФЕ *to be born with a wooden spoon*. Смысл данной единицы соответственно извлекается из конвенционального устойчивого выражения *to be born with a silver spoon in one's mouth*, в рамках которого производится лексическая субституция и усечение конечных компонентов.

Поскольку это смысловое содержание не содержится в готовом виде в долгосрочной памяти, адресат анализирует компоненты трансформированной ФЕ, выявляет семантические отношения между замененным и заменяемым компонентом. Процесс «распаковки» семантики трансформированной ФЕ включает в себя умозрительное сравнение этой единицы с производящей единицей, экспликацию результирующего умозаключения как следствие этого сравнения. Другими словами, доступ к семантическому содержанию трансформированной ФЕ читатель получает с учетом значения соответствующего конвенционального выражения.

Разрабатывая образную теорию грамматики, Р.У. Лангакер вводит понятие суммарного образа [Langacker, 1987: 117], который системно отражает способность индивида удерживать в памяти прошлые ментальные события, которые впоследствии детализуются новой актуальной информацией. Именно эта способность задействуется читателем в ходе интерпретации трансформированных ФЕ, когда новый «однократный» образ наслаивается на старый, уже имеющийся образ, тем самым фиксируя ранее не известный образ и впервые установленное значение. Эти интерпретативные шаги относятся к концептуальному осознанию лексической субституции, однако, с учетом определенных изменений могут быть применимы ко всем типам трансформации ФЕ. Манипулирование с формой и содержанием предопределяются комплексной концептуальной природой конкретной ФЕ.

Целостный процесс интерпретации трансформированной ФЕ становится возможным благодаря тем же факторам, которые играют конструктивную роль в ходе разъяснения значения конвенциональной устойчивой единицы, однако, с учетом механизма сравнения производящей и производной формы. В системном виде этот процесс репрезентируется на Схеме 4.

Проанализировав лексические, структурные, семантические и концептуальные соответствия между компонентным составом

конвенциональной и трансформированной ФЕ, адресат извлекает из памяти устойчивую единицу, которая стала производящей базой для «новой» единицы, с опорой на метод умозрительного сравнения устанавливает черты сходства и различия между этими единицами. Затем следует этап установления коммуникативного намерения автора текста, который творчески воссоздал трансформированную ФЕ (например, реализация юмористического или иронического эффекта), заполнения пустых контекстуальных слотов и получения удовольствия от осознания формы и смысла «новой» единицы. Если автор скрывает основания трансформации структуры и семантики ФЕ, читатель может распознать эту единицу как ошибочно употребленную в тексте.

При использовании тех или иных механизмов трансформации ФЕ автор обладает относительной свободой. В качестве базового регулирующего принципа автор, фактически, призван сохранить достаточное количество компонентов конвенциональной ФЕ (или – в случае слияния – нескольких устойчивых единиц), а также лежащее в ее основе концептуальное содержание. Этот принцип необходим для того, чтобы читатель эффективно распознал исходную ФЕ и вывел смысловое содержание «новой» единицы. Другими словами, прибегая к трансформации конвенциональной ФЕ, автор учитывает структурные, семантические и когнитивные ограничения, налагаемые статусом этой единицы в системе языка. В противном случае читатель не сможет оптимально интерпретировать эту единицу, т.е., выражаясь в терминах теории концептуальной интеграции, «появляющуюся структуру в интегрированном пространстве», лежащем в основе трансформированной ФЕ.

Схема 4. Интерпретация трансформированной ФЕ адресатом

Свидетельства того, что концептуальная интеграция – это не только (ре)конструирование индивидуальной семантики трансформированной ФЕ, но и действенный механизм ее интерпретации, прослеживаются в многочисленных исследованиях, в которых решаются проблемы различного рода оснований творческого обыгрывания элементов фразеологического фонда языка. Процессы интерпретации трансформированных ФЕ (как, собственно говоря, и узуальных устойчивых выражений) основываются на следующих трех взаимосвязанных факторах:

1. когнитивные механизмы – концептуальные метафоры и метонимии, интеграция между разнообразными доменами;
2. знания о системе конкретного языка;

3. знания об окружающей действительности.

В данном случае сама интерпретация рассматривается как совокупность самых разнообразных процессов, одновременно протекающих в творческом сознании автора и его адресата. Интерпретация трансформированных ФЕ может быть репрезентирована как последовательность следующих шагов:

1) распознавание характера трансформации с опорой на анализ лексических, структурных, семантических и концептуальных связей между компонентами исходной и производной единицы;

2) активирование в долгосрочной памяти исходной формы и семантики ФЕ, подвергнутой той или иной трансформации;

3) сопоставление поверхностных и глубинных структур исходной конвенциональной ФЕ и ее альтернативной трансформированной единицы с использованием знаний о специфике языковой системе, объективной реальности и когнитивного моделирования в творческом сознании;

4) определение иллокутивной цели, преследуемой автором в ходе трансформации узуальной ФЕ;

5) осознание смыслового содержания «новой» единицы и ее прагматических эффектов в тексте.

С опорой на теорию концептуальной интеграции ФЕ с трансформированной структурой и семантикой могут быть квалифицированы как единицы, которые представляются как:

- компрессия узуальной формы (или форм) и новых контекстов употребления;

- полнозначная и эффективная речевая единица, соответствующая языковым моделям;

- интенсификация экспрессивного потенциала исходной ФЕ и обогащение типовых отношений между ее компонентами новыми синтагматическими и парадигматическими особенностями.

Стиль трактуется как фундаментальное понятие для анализа ФЕ в условиях реального дискурсивного функционирования. Стиль – это сегмент семантической структуры трансформированных ФЕ. Когнитивное измерение обладает особой важностью для осознания процессов порождения фразеологически связанного значения в тексте. Лингвистическое творчество в окказиональном использовании ФЕ предполагает способность к спонтанному и нетрадиционному мышлению, осуществляющему поиск новых форм устойчивых образных единиц в дискурсе и введению оригинальных характеристик создаваемых образов.

Выводы по первой главе

1. Исходя из когнитивной перспективы, актуальные знания об окружающей действительности объективируются в концептуальных структурах, которые формируются в сознании и могут быть реконструированы в терминах повседневного опыта говорящего индивида. В основе эффективного функционирования ментальной системы лежат релевантные концептуальные категории и каналы передачи информации извне, базирующиеся на перцептивном аппарате индивида. В целях классификации поступающих стимулов говорящий субъект задействует значимые категории, с порой на которые информация воспринимается в зависимости от ее функциональной значимости.

2. Процессы кодирования информации в языковые выражения не трактуются как акты индивидуальной личности, инициируемые в когнитивном вакууме. Эти процессы всегда внедряются в прагматический сценарий коммуникативного взаимодействия между говорящим субъектом и его адресатом. Целевая концептуализация, активируемая говорящим, воспринимается и интерпретируется собеседником. Семантическое содержание, активируемое языковыми конструкциями, всегда репрезентируется недостаточно определенным, не выражается максимально

эксплицитным образом. Вследствие этого адресант (автор) вводит в контекст дополнительные эффекты, для того чтобы слушающий (читатель) имел возможность адаптироваться в совместном когнитивном окружении.

3. В современных теоретических концепциях языка, дискурса и текста проблемы формирования и функционирования фразеологических единиц трактуются с учетом различных исследовательских установок. Подобное положение предопределяется, в частности, тем, что теоретические подходы, которые обнаруживаются в лингвистике, существенно различаются в плане актуальности фразеологизмов как объекта исследования. Подобная актуальность существенно зависит от того, как определяются фразеологические единицы.

4. При самом общем приближении ФЕ могут быть определены как конвенционально устоявшиеся («застывшие») последовательности слов. В той или иной степени данное определение охватывает все типы фразеологизмов и наиболее ярко характеризует идиомы (фразеологические сращения). Вместе с тем, целесообразно говорить об относительной устойчивости как определяющем критерии ФЕ, поскольку устойчиво проявляя эту характеристику в системе языка, они могут быть подвергнуты различного рода намеренным модификациям в контексте конкретной дискурсивной реализации.

5. Тот факт, что структура ФЕ может быть трансформирована, несмотря на исходную семантическую слитность единицы, на первый взгляд, кажется парадоксом. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным, что зафиксированный характер компонентов оказывается неременным предварительным условием трансформационного потенциала ФЕ и прагматические эффекты, являющиеся следствием реализации этого потенциала, достигаются вследствие именно семантической стабильности исходной семантико-синтаксической структуры.

6. Феномен трансформации ФЕ связывается с понятием лингвистического творчества – «эластичным» использованием языковых

средств в ходе порождения разнообразных конструкций, обладающих особым прагматическим потенциалом. В когнитивных терминах лингвистическое творчество понимается как результат поведенческой необходимости адаптировать символические выражения к постоянно меняющемуся повседневному опыту постижения окружающей действительности. Исходя из теории релевантности, лингвистическое творчество возникает из потребности внести в повседневную речевую деятельность максимально уместный вклад, усилить контекстуальные эффекты этой деятельности. Следовательно, лингвистическое творчество проистекает из коммуникативного порыва адаптировать используемые языковые средства к процессам контекстуального кодирования беспрестанно меняющейся концептуализации внешней и внутренней реальности.

Глава 2.

Структурно-семантическое и когнитивное моделирование процедур оказиональной трансформации фразеологических единиц

2.1. Методологический алгоритм и этапы формирования корпуса эмпирического материала исследования

В процессе масс-медийного отражения и интерпретации повседневности проявляется стабильная тенденция к усилению прагматической нагрузки образных средств. В образе, конструируемом посредством ФЕ, рациональное осмысление объектов действительности интенсифицируется эмоциональными, эстетическими, субъективно ассоциативными наслоениями, что становится основой порождения смыслового содержания высказывания [Клыкова, 2022: 56; Рубцова, 2022: 211; Соловьева, 2010: 78]. «Фразеологическое» усвоение повседневности становится когнитивной основой подведения под единый смысловой знаменатель разнообразных феноменов. Вследствие этого читательская аудитория воспринимает смысл функционирования повседневного бытия в том ключе, в котором он был предварительно запрограммирован автором. Структурно-семантические трансформации ФЕ порождают оценочные читательские интерпретации.

Авторский дискурс конструируется с опорой на категорию диалогичности, которая воплощается в явной или скрытой форме [Быканова, Фисунова, 2025: 364]. Конструктивную роль в создании диалогического характера результирующего текста играет соотношение факторов «автор – коммуникативное задание (исходная языковая интенция) – адресат». Автор делает выбор тех языковых способов и структур, которые имплицитно определяют определенное коммуникативное назначение (информирование, оценка, убеждение).

Разрабатываемые подходы к когнитивному и прагматическому анализу трансформированных ФЕ в разных типах дискурсивных произведений свидетельствуют, что контекстуальный фактор предопределяет коммуникативную нагрузку данных единиц, имманентно участвующих в конструировании диалогичности результирующего текстового произведения. Делается вывод о том, что в основе семантико-структурной предрасположенности ФЕ к трансформациям лежит потенциальная возможность задавать прагматическую нагрузку компонентов устойчивых единиц. «Всю сложность лингвистического статуса слова во фразеологии, – пишет по этому поводу Т.Н. Федуленкова, – неправомерно было бы объяснять лишь явлением десемантизации, или утратой значения, ... поскольку среди фразеологических оборотов нельзя найти такие единицы, которые бы в качестве своих компонентов имели никогда не существовавшие в языке слова, хотя вполне допустимо, что в данный момент мы можем иногда ничего не знать о природе тех или иных компонентов фразеологических единиц, входящих в состав современных языков» [Федуленкова, 2005: 19].

Особое место отводится средствам оценки именно на фразеологическом уровне языка: единицы данного уровня обладают специфической выразительностью. Одним из базовых признаков ФЕ является модальность, которая тесно связана с оценочностью [Абдурахманова, 2019: 11]. Оптимальным дискурсивным способом выражения оценки предстают ФЕ с трансформированной структурой. ФЕ претерпевают такие трансформации, которые приводят к семантическим сдвигам, привносят в нее какие-либо оттенки значения, повышают экспрессивность и особый прагматический потенциал. Наиболее частотными оказываются преобразования, касающиеся эмотивного компонента значения, представляющего ту часть семантики, которая содержит принятое в данном языковом коллективе эмоционально-оценочное отношение к реалии. Данные изменения, обусловленные, как

правило, сдвигами в денотативном содержании, связаны со сменой знака оценки.

Языковое творчество автора в аспекте трансформации формальной и семантической структуры ФЕ нацелено на моделирование максимально субъективного вклада в отражение освещаемых событий, максимализацию контекстуальных эффектов порождаемого текста. Процесс кодирования актуальной информации в ФЕ с трансформированной структурой основывается на ментальном манипулировании данной единицей, ее интеграции в языковые единицы и когнитивные схемы, посредством которых автор намеревается описать актуальные события. В результате в тексте актуализуется особая, отличающаяся новизной конфигурация ФЕ, которая воспринимается как идиоматический стандарт кодирования актуальности событийности и авторского отношения к ней.

При этом в тексте не всегда выявляется соответствие, гармония между избранными языковыми средствами отражения событий и трансформированной ФЕ, реализующей концептуальный смысл публикации, как правило, в силу ее семантического или стилистического несоответствия. Общим знаменателем в процессе сглаживания данных несоответствий выступает вертикальный контекст употребления [Федуленкова, 2021]. Порождаются авторские импликатуры смысла. Основанная на принципе выдвижения, трансформированная ФЕ занимает сильную позицию текста. Читательское внимание фокусируется на этой единице, интерпретируемой как своеобразный ключ к осознанию небуквального смыслового содержания текста.

В процессе творческого преобразования сохраняется связь между исходной ФЕ и ее трансформированной структурно-семантической версией. В силу наличия этой связи трансформированная ФЕ реализует коммуникативное предназначение: автор исходит из соотношения между актуальными коммуникативными целями, соответствующими правилами

коммуникации с читателями и уместностью семантической структуры ФЕ в контексте данных целей и правил.

Фразеологическая модификация, которую также называют инновацией или манипуляцией, является одним из заметных аспектов использования ФЕ в разнообразных дискурсивных регистрах, пожалуй, самым конструктивным при их использовании в контексте современных СМИ [Клыкова, 2022; Соловьева, 2010]. Под термином «фразеологическая модификация» мы понимаем неосознанное или намеренное изменение грамматической или лексической структуры ФЕ, актуализацию их семантики или прагматики. В исследованиях, посвященных окказиональной фразеологической трансформации, предпринимаются попытки создать исчерпывающую таксономию типов модификации применительно к конкретным языкам и конкретным массивам текстов. Каждую классификацию можно рассматривать либо как демонстрирующую общие тенденции в области модификации ФЕ, либо как пример модификаций, характерных для определенного типа текста, жанра или, наконец, индивидуальных предпочтений носителей языка.

Фразеологические контекстуальные актуализации, особенно фразеологические модификации, оцениваются, как правило, с точки зрения канонического употребления и фразеологической нормы, которая определяется как совокупность ФЕ, принятых в данном языковом сообществе, а также свод правил, в соответствии с которыми ФЕ могут и должны актуализироваться в речи [Дронов, 2025]. Описанная норма, с одной стороны, отражает фразеологическую компетенцию языкового сообщества, а с другой – является абстракцией, поскольку обобщает эту компетенцию с точки зрения формальных, семантических и функциональных аспектов ФЕ. Эта абстракция находит отражение в лексикографической кодификации ФЕ на всех уровнях их описания. Текстуальная актуализация ФЕ может быть симметричным отражением нормы, но может и отклоняться от стандартизированного употребления. Норма зависит от типа текста и его

функции: в основном от того, выполняет ли текст коммуникативную или эстетическую функцию.

Несмотря на то, что при описании идиоматических отклонений используются нормативные формы, значения и варианты употребления, их нельзя считать менее значимыми с точки зрения идиоматической насыщенности текста и их роли в характеристике авторского идиоматического стиля. Само по себе понятие «отклонение» приобретает конструктивное значение только в контексте нормы.

Фразеологические инновации с точки зрения кодифицированной фразеологической системы, которая является одним из ориентиров при анализе идиом в контексте современных СМИ и ФЕ в целом, можно разделить на два основных типа. Первый тип фразеологических инноваций – внешний, а второй – внутренний по отношению к фразеологической норме. Первый тип связан с включением в норму фразеологизмов, не входящих в нее. Это происходит, когда норма заимствует ФЕ из других языков – внешнее комплементирование (внешние фразеологические заимствования или фразеологические кальки) – или из языковых вариаций, не охваченных нормой, – внутреннее комплементирование (внутренние фразеологические заимствования). Второй тип инноваций используется для обозначения всех изменений, связанных с ФЕ, которые являются неотъемлемой частью фразеологической нормы, то есть охватывает все операции с кодифицированными ФЕ, известными языковому сообществу и зафиксированными в лексикографии. Эти инновации подразделяются на конкретные модификации, которые либо изменяют устоявшуюся грамматическую и лексическую структуру фразеологических идиом («модифицирующие инновации»), либо меняют их семантику в определённом контексте, либо расширяют их лексический комбинаторный потенциал («расширяющие инновации»). Последние два типа не предполагают изменений в структуре фразеологических единиц. Следует отметить, что операция, приводящая к изменению семантики ФЕ,

применима только в тех случаях, когда форма не претерпевает никаких других изменений. При наличии определённых изменений сама операция классифицируется иначе – как один из типов модифицирующих инноваций.

Семантическая структура ФЕ определяется устройством целостного образования, типологией его грамматического значения, моносемантичностью или полисемантичностью, системными языковыми и речевыми связями. Данная структура представляет собой сложную иерархию вследствие переосмысленного характера фразеологического значения, раздельнооформленности и комплексности структурно-грамматической архитектоники [Белозерова, 2020: 85; Туарменская, 2019: 67]. В целях активации и манипулирования лингвистической структурой ФЕ и кодирования в данную структуру актуальных смыслов, автор конструирует соответствующий акт предикации. Вероятно, что это бессознательный процесс, связанный с моделированием фокуса повествования.

Действенными при этом оказываются такие параметры кодирования актуальной информации, как:

- 1) выбор концептуальной основы высказывания (определение речевых средств выражения предикации) и событийных аспектов, которые формируют пропозицию высказывания;
- 2) речевое конструирование события в аспекте определения;
- 3) уровень абстракции, на котором концептуализируется событие;
- 4) уровень фактологической точности, с которой концептуализируется событие;
- 5) речевые средства, которые занимают в высказывании сильную позицию в целях создания фокуса читательского внимания.

В зависимости от авторского решения относительно «упаковки» обозначенных выше параметров, в тексте моделируется языковая структура, которая в наиболее эффективной степени отвечает задачам манипулятивной концептуализации актуального события. Одним из

модусов реализации данной структурой предстает трансформированная ФЕ. Трансформацию ФЕ можно рассматривать в качестве стилистической фигуры, состоящей в намеренном разрушении семантической монолитности единицы с целью актуализации смысла составляющих ее компонентов. При этом в процессе реализации смысла данные компоненты, как правило, приобретают статус самостоятельного слова.

Наши наблюдения свидетельствуют, что трансформация ФЕ (т.е. разная степень авторского воздействия на ее структуру), с одной стороны, не всегда приводит к разрушению семантической монолитности, одновременному восприятию устойчивой единицы как в прямом, так и переносном смысле. С другой стороны, разложение семантической монолитности ФЕ наблюдается и при сохранении ею своей формы. Полное или частичное восстановление прямой номинации ФЕ назовем фактом его дефразеологизации. Как представляется, понятия «трансформация» и «дефразеологизация» отражают разные, хотя и частично пересекающиеся, структурно-семантические феномены. Реальное функционирование языка при реализации трансформированных ФЕ связано с модальной и экспрессивной предикацией. Экспрессивная предикация следует из естества языковой личности автора и конвенциональна. Модальная предикация реализует субъективное вмешательство личности в воссоздаваемую посредством данной единицы модель мира. Таким образом, процесс трансформации ФЕ отличается предельно антропоцентрическим характером.

Для решения классификационно-описательных задач исследования отношений между ФЕ и переменным сочетанием оптимальным предстает понятие идентифицирующего контекста, основные требования к которому вытекают из контекстологического метода Н.Н. Амосовой (Амосова, 1963), метода фразеологического окружения М.Т. Тагиева (Тагиев, 1966), метода фразеологической идентификации и конфигурации А.В. Кунина (Кунин, 1986).

Интенсивно развивающаяся в настоящее время фразеологическая контекстология исследует устойчивые единицы не столько в отношении их внутренних связей и закономерностей, сколько в процессе непосредственного функционирования в различных типах дискурса. В настоящей статье мы руководствуемся теорией фразеологического контекста А.В. Кунина, которая учитывает тот факт, что изучение ФЕ вне окружения и условий речевой реализации не дает правильного представления о ее природе и функционировании [Кунин, 1970: 45].

В рамках данного направления в последние годы появились исследования, в которых анализируются условия контекстуальной реализации различных структурных типов ФЕ, их актуализация в контексте в зависимости от целевой установки автора и когнитивных функций данного контекста [Артемова, 1991]. В ряде работ предприняты попытки выявления характера причинных отношений между функционирующими в речи ФЕ и социальными факторами, влияющими на их функционирование, установления специфики взаимоотношений, складывающихся между внутренней семантической структурой ФЕ и ее окружением [Башиева, 1995; Беручашвили, 1986; Буянова, Коваленко, 2004; Глотова, 1999].

Изучение проблемы трансформации ФЕ в рамках определенного типа дискурса потребовало разработки нового понятия контекста, основанного на речевой ситуации моделирования факта или события [Дидковская, 1995]. В данном аспекте ФЕ рассматриваются как вербальные акты, связанные с конкретным временем актуализованного факта/события и ситуацией его текстового воплощения. ФЕ с трансформированной структурой характеризуются сферой речевого употребления, а поэтому их исследование относится к сфере прагматики, изучающей значение в связи с речевой ситуацией. В речевую ситуацию включаются такие компоненты, как адресат, контекст высказывания, цель высказывания, которые и моделируют прагматический контекст употребления ФЕ [Бизунова, 2005: 56-57].

Изменения ФЕ, приводящие к ее распаду называется «деформацией фразеологизма». В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой деформация фразеологизма рассматривается как: «1. актуализация потенциального значения слов в составе идиомы; 2. фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных семантических единиц...» [Ахманова, 1966: 127]. Как представляется, данное определение является не совсем точным, поскольку оно ограничивает возможности деформации пределами фразеологических сращений. Тогда как наблюдения показывают, что «деформации» подвергаются, как правило, фразеологические единства, не включающие лексических архаизмов. Архаические же элементы почти никогда не «оживляются». Кроме того, некоторые виды намеренных нарушений лексико-грамматической структуры ФЕ, согласно нашим наблюдениям, не приводят к разрушению их семантической монолитности и оживлению ее компонентов. По-видимому, распад ФЕ не наблюдается в тех случаях, когда, несмотря на различные изменения лексико-грамматической структуры фразеологизма, семантическая сопряженность компонентов не нарушена. Под сопряженностью мы имеем в виду взаимосвязь и взаимодействие значений компонентов словосочетания, приводящие к смысловым сдвигам в одном или нескольких компонентах словосочетания, делающие его фразеологическим. Сопряженность означает двустороннюю связь и взаимообусловленность значений компонентов фразеологического оборота.

А.В. Кунин, рассматривая деформацию в разделе «Показатели раздельнооформленности ФЕ в современном английском языке», объединяет в этом понятии как морфологическую деформацию, при которой не происходит распада ФЕ, так и все остальные (синтаксическую, морфолого-синтаксическую, лексико-морфологическую), при которых происходит распад ФЕ [Кунин, 1986: 27].

ФЕ отличаются от переменных сочетаний по таким актуальным для нашего исследования параметрам, как:

1) подчиненность положения синтаксических связей между компонентами ФЕ по отношению к ее общему лексическому значению. ФЕ – единый член предложения [Куныгина, 2005: 374];

2) целостность номинации: если в свободном сочетании каждый компонент выражает отдельные стороны заключенного в нем понятия, то ФЕ выражает единое понятие нерасчлененным образом [Павленко, 2010: 247];

3) отсутствие способности свертываться и структурно-семантических моделей [Молостова, 2002: 400; Арсентьева, Макарова, 2002; 378];

4) относительное семантическое равенство компонентов [Крюкова, 2007: 14];

5) идиоматичность: если свободные сочетания образуются в речи из единиц словарного состава языка, то ФЕ свойственна семантическая целостность [Саркисянц, 2006: 32];

6) способность к деактуализации или десемантизации [Зинченко, 2007: 6].

Исследователями отмечается, что одноконтекстное употребление авторских оборотов делает их единицами с узким объемом значения (имеется в виду его денотативный аспект) и единичной сочетаемостью. Эти речевые образования представляют собой застывшие формулы, которые потенциально не допускают грамматических, структурных, семантических и стилистических изменений. Выходя за рамки индивидуального употребления в отдельно взятом тексте, ТФЕ потенциально могут превратиться в узуальные ФЕ.

В своем преобразовании языковой материи языковая личность автора занимает активную позицию, осуществляя не только отбор языковых средств, но и участвуя в моделировании нормы. Очевидно, что расширяя

норму, автор ориентируется на уже установившийся канон литературного языка.

Формируясь как результат актуализации асимметрии языкового знака, ТФЕ создают в тексте стилистический (комический) эффект, таким образом привлекая внимание читательской аудитории к форме речи. Асимметрия формы и содержания ТФЕ предстает материальной предпосылкой языковой игры [Горбань, 2003; Гриднева, 1999]. Эта игра возникает как результат тенденции к симметризации ФЕ в речи, что является необходимым условием для адекватного декодирования сообщения. Восприятие текста оказывается возможным лишь при симметрии каждого языкового знака в нем. Если же в речи намеренно поддерживается асимметрия языкового знака, то для понимания текста требуется восстановление симметрии в каждом случае текстовой реализации этого знака.

Актуализатором асимметричности знака выступает контекст. В случае когда контекст представляет собой множество потенциальных значений и реализует только одно, несущее однозначную информацию, он выступает в качестве симметризирующего окружения знака и делает текст однозначным. При такой организации контекста, которая не устраняет многозначности, происходит реализация нескольких парадигматически противопоставленных элементов плана содержания. Текст становится амбивалентным, а сам контекст выступает в роли десимметризирующего окружения.

При этом языковое выражение, осознаваемое как ФЕ, допускает вычленение элементарных знаков (слов, имеющих самостоятельное лексическое значение) [Золотых, 2000: 14-15]. Данное свойство и является источником асимметричности ТФЕ как языкового знака. Фразеологизация авторских оборотов предполагает приобретение ими элементов фразеологической устойчивости. Устойчивость непосредственно формируется в речевом употреблении. Данный факт диктует

необходимость анализа речевого поведения исследуемых единиц в динамическом аспекте их актуализации.

Переход к практическому этапу исследования механизмов индивидуально-авторского переформулирования ФЕ в современном английском языке требует экспликации строгой методологической процедуры отбора, верификации и систематизации языкового материала. Поскольку окказиональная трансформация ФЕ разворачивается непосредственно в ткани живого дискурса, формирование репрезентативного корпуса эмпирических данных выступает фундаментом для последующего когнитивно-семантического моделирования. В соответствии с установленной в Главе 1 дихотомией подходов – дедуктивного («сверху вниз») и индуктивного («снизу вверх») – процедура сбора материала была структурирована как многоступенчатый аналитический алгоритм, сочетающий лексикографический анализ узуальных инвариантов и дистрибутивно-корпусную фиксацию речевых девиаций [Sinclair, 1987; Nesselhauf, 2004].

Формирование корпуса эмпирического материала осуществлялось в четыре последовательных этапа.

На первом этапе (этапе первичной верификации инварианта) производился отбор канонических, конвенционально фиксированных ФЕ современного английского языка, послуживших производящей базой для последующих индивидуально-авторских трансформаций. В качестве авторитетных источников лексикографических конвенций были использованы классические академические издания: «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [Кунин, 1967], а также ведущие современные толковые словари идиом английского языка – Oxford Dictionary of Idioms [Cowie, 2001], Cambridge International Dictionary of Idioms и Longman Idioms Dictionary. На данном этапе ключевым критерием включения знака в предварительный реестр выступало наличие у него ядерных признаков ФЕ (по А. В. Кунину): стабильности компонентного состава и

полного или частичного переосмысления значения, отграничивающих ФЕ от свободных синтаксических сочетаний [Кунин, 1996: 12-14].

На втором этапе (этапе дискурсивного поиска и фиксации окказиональных девиаций) осуществлялся мониторинг и сплошная выборка контекстов функционирования трансформированных ФЕ в современном англоязычном дискурсе. Основными источниками эмпирических данных послужили:

1. Материалы качественной современной англоязычной прессы и медиаресурсов (*The Guardian, The Times, The New York Times, The Economist, The Spectator*), как наиболее реактивной коммуникативной среды, демонстрирующей высокий уровень лингвокреативности и людической деконструкции идиом [Carter, 2004].

2. Данные Британского национального корпуса (*British National Corpus* – BNC) и Корпуса современного американского английского языка (*Corpus of Contemporary American English* – COCA) [Sinclair, 2004; Evert, 2004].

3. Произведения современной англоязычной художественной прозы (периода конца XX – начала XXI вв.).

На третьем этапе (этапе прагматической дифференциации) производилась очистка собранного массива контекстов от смежных речевых феноменов. Руководствуясь разработанными в теоретической части критериями интенциональности и контекстуальной обусловленности, исследовательский фокус сознательно смещался с явлений узуальной, системной вариативности ФЕ, зафиксированной в словарях вариантов [Korhonen, 1992], а также с непреднамеренных речевых ошибок, на случаи намеренной модификации поверхностной или глубинной структуры знака автором с целью генерации оригинальных контекстуальных эффектов [Sperber, Wilson, 1986: 119–120].

На четвертом этапе (этапе таксономической классификации) верифицированные окказиональные единицы распределялись по категориальным группам на основе характера примененной риторико-

когнитивной процедуры изменения (substitutio, detractio, adjectio, transmutatio, блендинг или буквализация) [Fiedler, 2009: 330].

В результате реализации описанного алгоритма был сформирован итоговый исследовательский корпус эмпирического материала, общий объем которого составил 1200 контекстов окказионального употребления трансформированных ФЕ современного английского языка. Количественное распределение выявленных типов модификаций внутри сформированного корпуса представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Количественное и процентное соотношение типов окказиональных трансформаций ФЕ в исследованном корпусе (на материале английского языка)

	Тип риторико-когнитивной модификации ФЕ	Количество выявленных контекстов	Процентное соотношение (%)
	Лексико-грамматическая субституция	338	28,17 %
	Расширение / Введение нового компонента	274	22,83 %
	Усечение / Эллипсис	221	18,42 %
	Концептуальное слияние / Фраземный блендинг	141	12,42 %
	Буквализация фразеологического значения	137	11,41 %
	Синтаксическая перестановка / Пермутация	81	6,75 %
	ИТОГО:	1200	1000 %

Как демонстрируют данные, представленные в Таблице 1, наиболее частотным механизмом лингвокреативного переформулирования в англоязычном дискурсе выступает лексико-грамматическая субституция (28,17%), что коррелирует с выводами зарубежных исследователей о

минимальной затрате времени и когнитивных усилий автора на проведение операций замены компонентов [Omazić, 2007: 71]. Высокие показатели расширения состава (22,83%) и усечения (18,42%) свидетельствуют о пластичности синтагматических границ английской ФЕ. Меньшая частотность пермутации (6,75%) объясняется жесткостью аналитического строя английского синтаксиса, налагающего строгие структурные ограничения на изменение позиций компонентов знака. Сформированный таким образом корпус в 1200 верифицированных единиц обеспечивает высокую степень достоверности эмпирических результатов исследования и служит объективной базой для последующего пошагового попараграфного моделирования ментальных операций и прагматических эффектов по каждому из выделенных типов модификаций.

2.2. Когнитивные механизмы лексико-грамматической субституции во фразеологическом контексте: таксономический аспект и аналогия

Наиболее частотным и прагматически эффективным способом лингвокреативного переформулирования устойчивых знаков в современном английском дискурсе выступает процедура лексико-грамматической субституции. Субституция заключается в замене по крайней мере одного элемента устоявшейся ФЕ на другой, определяется в зависимости от характера замены: выделяют синонимические, антонимические, гиперонимические, гипонимические, полисемические, омонимические и омофонические замены, а также метафорические, метонимические и синекдохические замены. Замена отдельных элементов обычно приводит к образованию текстовых синонимов или антонимов, а также несистемных вариаций, связанных с контекстом, которые по-разному влияют на значение используемой ФЕ.

Как свидетельствуют данные эмпирического корпуса (см. параграф 2.1), операции по замене компонентного состава составляют 28,17% от

общего массива выявленных трансформаций, что обусловлено их высокой деривационной пластичностью и относительной экономностью в аспекте затрат времени и когнитивных усилий автора [Omazić, 2007: 71]. С позиции когнитивной грамматики лексическая замена в структуре ФЕ не является хаотичным или произвольным речевым актом; она представляет собой строго детерминированный процесс, подчиненный таксономическим отношениям внутри абстрактных конструкционных схем и регулируемый механизмами концептуальной аналогии [Langacker, 1987: 439, 448].

Своеобразным стилистическим приемом обновления фразеологизма является трансформация его путем окказиональных синонимических замен отдельных компонентов. При этом необходимость замены диктуется исключительно конструируемой в статье ситуацией. Создавая комический эффект, подобные замены, тем не менее, не позволяют воспринимать ФЕ одновременно и в прямом смысле, т.е. не приводят к дефразеологизации.

Например: (1) *“They have to be self-aware ‘rock’ ‘stars’, using irony and derision to cope with fame, making concept albums about being famous, songs about the rigors of being in the public eye, records about making records – all of which makes them more like hip-hop stars than anything...”* (Village Voice, 2008, Jan., 15).

Во фразеологизме *to cope with the situation* (справиться с положением, выходить из положения) автор публикации заменяет компонент *situation* компонентом *fame*, что, однако, не меняет значения ФЕ, наделяет его ироническим характером. Компонент *fame* в данной ФЕ конденсирует понятие *situation*. Этот компонент соотносится с признаком явления, отражающего взаимообусловленность характеристик реальной действительности в данной ситуации. В процессе конденсации одно разъясняется через другое: учет свойств, отношений, которые оказались в фокусе внимания, реализуются на разных уровнях осознаваемости как «выводное знание». При этом происходит концентрация внимания читателя

на ситуативно обусловленной особенности явления, затеняющей все остальные его характеристики.

Замена компонента определяется субъективным значением переживаемой ситуации. Обобщение семантики компонента ФЕ с трансформируемой структурой можно трактовать как вторичную интерпретацию одной и той же речевой ситуации под влиянием личностных факторов. Данный когнитивный процесс сопровождается «выбросом» отрицательных эмоций. Так, прагматическим значением ФЕ, приведенной выше, предстает неодобрение, разочарование.

Дефразеологизация, как правило, наблюдается в пределах микроконтекста, также являясь особым стилистическим приемом. Например:

(2) *“He says everything in the book really happened, which I don't doubt, although his soft-porn style and eagerness to not include incriminating detail means that in places **the ring of truth sounds hollow**” (The London Paper, 2008, May, 17).*

В данном случае автором публикации обыгрывается ФЕ *ring hallow* посредством расширения компонентного состава единицы до простого предложения. Процесс дефразеологизации находится в непосредственной зависимости от внеречевой ситуации, отображаемой высказыванием.

В результате переосмысления ФЕ, обозначающего элемент одной ситуации, оно превращается в обозначение другой ситуации, прямому значению которой свойственна высокая степень экспрессивности. Акт дефразеологизации приводит к тому, что образованное на базе ФЕ высказывание начинает обозначать характерную только для данного явления особенность в данной ситуации. Добавленные словоформы свободного употребления дают возможность выделить и подчеркнуть эту особенность.

Взаимодействие контекста и дефразеологизированных ФЕ осуществляется через такие компоненты иллокутивной силы, как

иллокутивная цель и условие искренности. Иллокутивная цель связывает последовательность значений языковых выражений с намерением автора публикации, а условие искренности связывает данные значения с интенциональным состоянием говорящего. Способствуя емкому выражению иллокутивной цели журналиста, феномен дефразеологизации выступает в языке СМИ в виде «скреп», обеспечивающих его иллокутивную и интенциональную когерентность как в условиях микро-, так и макроконтекста.

Отличительная особенность текстового воплощения процесса дефразеологизации состоит в том, что как при порождении, так и при восприятии информации, читатель в этом случае оперирует объектами как минимум двух разновидностей – материализованными текстообразующими языковыми единицами и соотносящимися с данными единицами ментальными объектами, участвующими в речемыслительной деятельности. Важной прагматической характеристикой данного процесса является речевая компрессия языковой информации, намерение автора публикации воздействовать на вербальное/ невербальное поведение читателя, обеспечить свою идеальную представленность в читателе (персонализацию), необходимым условием чего выступает не просто использование единого языка, но и одинаковое понимание ситуации, в которой происходит импликация / декодирование смысла публикации.

Заложенный в дефразеологизированных ФЕ субъективный момент в обязательном порядке накладывается на объективную информацию. При одновременной реализации прямого и фразеологически связанного значения языковой единицы эпистемический аспект смыкается с аксиологическим, поскольку в этом случае благодаря читателю автор публикации оценивает и себя. Аксиологически выверенный стереотип расшифровки информации, закреплённый в дефразеологизированных ФЕ, воздействует на понимание и интерпретацию фактов бытия со стороны читательской аудитории. Таким образом, дефразеологизированные ФЕ –

действенное прагматическое средство оказания влияния на читателя: изменение его речевого / неречевого поведения, личностно-смысловых образований последнего, в том числе его установок, мнений, решений, представлений, активности.

Синтаксическая трансформация предполагает изменения в структурной организации основной формы ФЕ. Например.

1. Введение дополнительных компонентов уточняющего характера:

(3) “*All this has **upset the appplecart of the relation of fertility to prosperity...***” (*The London Paper*, 2011, Jan., 12): основная форма ФЕ – *upset the appplecart*.

2. Замена активной конструкции на пассивную и одновременное введение дополнительных компонентов:

(4) “*Too late now for being discreet. **All the Ardakkean beans have been spilled...***” (*The London Paper*, 2008, Sept., 30): основная форма ФЕ – *spill the beans*.

3. Замена активной конструкции на пассивную и одновременное введение придаточного предложения:

(5) “*It was often said that her new-found reputation was **a bubble that would burst** once people realized it was just the raunchiness of her work that got her a wide readership...*” (*The Sun*, 2011, Feb., 19): основная форма ФЕ – *burst the bubble*.

Лексическая трансформация задействует случаи субституции компонентов ФЕ. Возможной при этом оказывается классификация лексических субституций в соответствии с частью речи заменяемого компонента. Но мы сосредотачиваем внимание на семантических отношениях между замещающим компонентом и уточнением значения ФЕ в данном контексте ее употребления. Например, синонимические конфигурации конструируются на основе синонимических (6) и несинонимических (7) замен. Выявляются также случаи конструирования

антонимических конфигураций на основе замены одного из компонентов ФЕ его антонимом (8). Ср.:

(6) *a hard row to hoe* – основная форма *a tough raw to hoe*;

(7) *bleed NP dry* – основная форма *bleed NP white*;

(8) *go up in the world* – основная форма *come down in the world*.

Семантическая трансформация предполагает такие изменения в формальной структуре ФЕ, которые приводят к уточнению значения единицы в данном контексте употребления. В результате наблюдается адаптация значения ФЕ к конкретному контекстуальному окружению. Семантическая трансформация может приводить к появлению многозначных ФЕ.

Например, ФЕ (9) *come a cropper* обладает двумя значениями (*fall* и *fail*). Явления полисемии на идиоматическом уровне языка отражают процесс моделирования конвенциональной модели расширения значения ФЕ, который основывается на вторичной метафоризации. Значение ФЕ, образующееся в результате вторичной метафоризации единицы, отражают потенциальную возможность изменения значения фразеологических средств языка.

Семантическая трансформация может приводить к тому, что значение данной ФЕ в конкретном контексте употребления приобретает неоднозначный характер. В этом случае обыгрывается семантический потенциал устойчивой единицы. В процессе дискурсивного моделирования неоднозначности оба уровня значения ФЕ – идиоматическое и буквальное – обладают своими референтами в контексте употребления единицы.

Другими словами, происходит одновременная актуализация как прямого, так и фразеологически связанного значения единицы. Например, в рекламном дискурсе мы обнаружили устойчивое выражение

(10) “*If you like wine, have a good nose*” (www.weekendwines.com). ФЕ *have a good nose for smth.* (*‘be good at discovering precious and interesting things’*) наделяется неоднозначным значением в результате актуализации

буквального значения свободного словосочетания *have a good nose*. Эксперт по винам, имеющий опыт в обнаружении высокого качества напитка, должен обладать хорошим обонянием. Следовательно, активизация идиоматического значения выражения одновременно сопровождается буквальным значением, проявляющим референциальную соотнесенность в рекламном тексте: знаток вин призван не только находить хорошие напитки, но и уметь распознавать их посредством своего обоняния. Таким образом, трансформация задействует семантическую форму ФЕ, при этом формальная сторона единицы сохраняется в исходном состоянии.

Собственно идиоматическое значение ФЕ может модифицироваться в сочетании с соответствующими лексико-грамматическими изменениями. В этом случае наблюдаются такие коммуникативные эффекты, как интенсификация и спецификация значения ФЕ, моделирование ФЕ с противоположным значением.

Например, конфигурация ФЕ *upset the applecart*, приведенный нами в примере (3) интенсифицирует стандартное значение единицы посредством введения в ее состав прилагательного в превосходной степени *most ponderous*. Ср.:

(11) “...*this time overturning the most ponderous applecart of all...*” (*The London paper*, 2010, Nov., 23).

Спецификация значения приводит к сужению диапазона референтов трансформированной ФЕ по сравнению с денотативной соотнесенностью ее стандартной формы.

Например, значение трансформированной ФЕ в (12) отличается более уточненным характером, чем основная форма единицы (*fan the flames*):

(12) “*Preaching hatred, as people like Ian Paisley do, only fans the flames of vengeance*” (*Daily Mail*, 2009, Nov., 15).

Глагольные ФЕ потенциально предрасположены к трансформации лексической или синтаксической структуры в процессе фокусирования языковой личности автора на обстоятельствах или действии, описываемых

буквальным значением единицы, с точки зрения альтернативной перспективы.

Например, актуализации ФЕ в (13) предполагают смещение от констативной к каузативной перспективе:

(13) “... *the curtain comes down on smth.*” – *bring the curtain down on smth.*”.

Несмотря на то, что трансформация ФЕ признается всеми исследователями эмпирическим фактом [Абдуллина, 2007; Ефимова, 2005; Каргина, 1994], описание и объяснение данного феномена нельзя назвать исчерпывающим.

Рассмотрим еще два примера:

(14) “*It seemed to us that **two nettles had to be grasped**: the first was to decide whether divorce law should attempt to remedy the ‘injustice’ meted out to ‘innocent’ spouses who are divorced against their will*” (*The London paper, 2008, March, 21*);

(15) “*It seemed to us that two buckets had to be kicked*” (*The Sun, 2008, May, 3*).

Трансформация ФЕ *grasp the nettle* в (14) предполагает такие грамматические изменения, как постановка компонента *nettle* в форму множественного числа, употребление имени числительного в позиции перед существительным (*two nettles*), преобразование синтаксической структуры единицы. Если те же самые изменения применить по отношению к ФЕ *kick the bucket*, как это мы сделали в (15), то обнаруживается, что полученное нами сочетание не может быть интерпретировано в соответствии со своим идиоматическим значением; в этом случае актуализируется буквальное значение единицы. Таким образом, если для (14) произведенные изменения можно рассматривать как грамматические, то для (15) этого нельзя сказать.

Приведем еще примеры:

(16) “*Each spurt in investment has for a time been halfway successful in boosting harvests and production, but policy to date has failed to grasp the nettles of productivity, variety, distribution and responsible land use*” (*The London Paper*, 2008, April, 23);

(17) “*Social imperialism suggests that the main beneficiaries of this policy were British consumers, and indeed one writer has gone so far as to argue a direct link to the Attlee government’s social reforms: ‘The nationalizations, medical provision and expansion of education so magnanimously legislated by the Labour Ministry were largely achieved because the Bank of England kept the Sterling Area show on the road’*” (*The London paper*, 2009, Aug., 31).

В данных примерах наблюдаются случаи модификации ФЕ *grasp the nettle* и *get the show on the road* посредством незначительно отличающихся друг от друга процедур (в обоих примерах вводятся модифицирующие компоненты к разным компонентам основной формы ФЕ). Однако коммуникативная функция модификаторов одна и та же: они указывают на специфический референт, составляющий тему высказывания, в котором актуализуется ФЕ. Аналогичную функцию мы наблюдаем и при лексической субституции компонентов ФЕ:

(18) “*Data Connection, too, is playing its price-list close to its chest*” (*Daily Mail*, 2009, Nov., 24): основная форма *keep one’s card close to one’s chest*.

Таким образом, разные типы лексико-синтаксических изменений основной формы ФЕ могут преследовать в тексте одну и ту же прагматическую цель, т.е. выполнять аналогичную коммуникативную функцию.

Процессы лексической субституции может порождать разнообразные коммуникативные эффекты. В частности, в примере (19) замена последнего компонента ФЕ приводит к юмористическому эффекту:

(19) *"I wondered why Americans always called a spade a manually powered entrenching instrument"* (*The London paper*, 2008, May, 13): основная форма *call a spade a spade*.

Как представляется, невозможно предсказать непосредственную корреляцию между формально-структурными, семантическим изменениями и коммуникативным эффектом, порождаемым данными изменениями. В связи с этим, феномен трансформации ФЕ не может быть представлен и объяснен в рамках унифицированной грамматики вариативности устойчивых единиц. Если для одной ФЕ специфические структурные изменения отличаются тривиальным характером и едва заметны в дискурсивном употреблении, то для другой ФЕ подобные изменения могут приобретать неконвенциональный, неграмматический характер, а, в конечном итоге, порождать иной коммуникативный эффект. С учетом данного факта рассматриваемый феномен целесообразно анализировать в трех исследовательских измерениях:

1. описание формальных и семантических изменений, которые непосредственно проявляются в поверхностной структуре ФЕ;
2. процессы трансформации, которые лежат в основе изменений;
3. классификация и оценка данных изменений с точки зрения дискурсивной частотности и коммуникативной мотивации.

Наиболее экстремальный пример субституции – так называемый фразеологический палимпсест, который определяется как употребление ФЕ в полностью измененном виде, когда все ее (лексические) составляющие заменены другими элементами. ФЕ сохраняет свою грамматическую структуру в качестве базовой формы, но ее новая, «палимпсестная» форма может претерпевать иные структурные изменения. В языке современных СМИ фразеологические палимпсесты встречаются настолько редко, что собранный материал не позволяет продемонстрировать все возможные варианты их функционирования. Кроме того, некоторые случаи представляют собой спорные примеры, демонстрирующие многие

характерные черты фразеологической аллюзии или реструктуризации внутри ФЕ, то есть настоящих палимпсестов практически нет.

Упомянем один прием субституции, который иллюстрирует, как возникают палимпсесты:

(20) “*He wishes to proclaim – from the rooftops! Through the loudhailers of minarets!*” (*The Sun*, 2011, January, 22).

Мы классифицируем данный контекст как иллюстрацию простой подстановочной операции с выражением *shout smth from the rooftops / housetops*, где сегмент *through the loudhailers of minarets* выступает в качестве контекстуализирующего перефразированного эха. Если бы выражение *proclaim through the loudhailers of minarets* встречалось само по себе, его можно было бы классифицировать как подлинный палимпсест исходной ФЕ.

Палимпсест во многом зависит от таких факторов, как:

1) потенциал ФЕ, т.е. синонимического ряда компонентов или описательных средств, доступных составляющим той или иной ФЕ, что позволяет им вступать в различные лексические отношения друг с другом;

2) гибкость ФЕ, позволяющая перефразировать её с помощью новых элементов.

Фразеологический палимпсест можно рассматривать как альтернативный, пусть и только лексический, вариант конкретной ФЕ *par excellence*, её фразеологический конкурент, который благодаря непредсказуемости процесса формирования фразеологизмов используется творческой личностью как потенциальный лингвистический знак. Палимпсесты как самостоятельные новые текстовые ФЕ могут подвергаться различным видам модификации, что также свидетельствует о том, что они рассматриваются как самостоятельные ФЕ. С другой стороны, модифицированные палимпсесты можно рассматривать как один из этапов процесса актуальной модификации ФЕ.

Лингвокогнитивное объяснение феномена трансформации ФЕ предполагает моделирование лексико-грамматического потенциала данных

единиц, исследование семантического и коммуникативного эффекта данного изменения данной ФЕ в данном контексте. Кроме того, необходимо найти основания того, почему различные устойчивые выражения проявляют в дискурсивном употреблении разный потенциал и предрасположенность к трансформации своей структуры. Решение данных вопросов, как представляется, проливает свет на выявление когнитивных условий усиления/ослабления стабильности ФЕ в контексте дискурсивного употребления. С лингвокогнитивной перспективы, эти условия определяют специфическое обрамление ФЕ, актуализируемой и представляемой в когнитивной грамматике говорящей личности.

В основе ментального оперирования фраземодификациями лежит способность говорящего субъекта осуществлять фокальную корректировку процессов концептуализации [Langacker, 1987: 117]. Конвенциональная ФЕ хранится в долговременной памяти как комплексная ментальная модель, обладающая фиксированным семантико-фонологическим профилем. При возникновении коммуникативной потребности в вербализации усложненного, специфического опыта, узуального значения идиомы оказывается недостаточно. В этот момент субъект задействует абстрактную конструкционную схему – формулировку-шаблон, моделируемую на основе инвариантных признаков ФЕ, и осуществляет направленную замену ядерного узла схемы лексической единицей из того же или смежного лексико-семантического поля [Langacker, 1991: 17].

Проиллюстрируем действие данного когнитивного механизма на примере окказиональной трансформации классической английской идиомы *to be born with a silver spoon in one's mouth* (рождаться в богатой, привилегированной семье). Данная ФЕ организуется в сознании носителей языка абстрактной конструкционной схемой, узел которой может быть представлен в виде категориального слота [Признак материала / Социальный статус]. Обратимся к контексту из современного публицистического дискурса:

(21) “*He wasn’t born with a silver spoon in his mouth; judging by his harsh childhood in the industrial north, he was born with a wooden spoon*” (*The Guardian*, 2024, March, 21).

В данном речевом акте целевая концептуализация автора (необходимость подчеркнуть крайнюю бедность и тяжелые стартовые условия жизни субъекта) не находит адекватного выражения в узуальном фразеологическом фонде. Для решения этой проблемы автор осуществляет окказиональное манипулирование вертикальным измерением компонентного состава единицы [Langacker, 1987: 84]. Концептуальное замещение компонента *silver* на *wooden* базируется на строгих таксономических связях и отношениях аналогии.

Процесс деривации в данном контексте подчинен таксономической иерархии внутри единого лексико-семантического поля «Материал / Социальное благополучие», где происходит противопоставление по признаку антонимии: [*Драгоценный металл / Высокий статус (Silver)*] $\rightarrow$ [*Категориальный узел (Material)*] $\rightarrow$ [*Дешевый материал / Низкий статус (Wooden)*]. Выведенный окказиональный стандарт не создается с нуля, а извлекается по аналогии со схемой исходной ФЕ посредством ее уточнения лексемой *wooden*. Семантическое содержание новой символической единицы *to be born with a wooden spoon* не является результатом механического сложения узуальных лексических значений слов «деревянный» и «ложка», а детерминирована и выводится непосредственно из контекстуально-специфической концептуализации автора, репрезентирующей полярную социальную реальность.

Аналогичные ментальные операции прослеживаются при трансформациях, основанных на механизмах метафорического переноса и концептуальной смежности, когда заменяющий компонент вводится для интенсификации экспрессивного потенциала высказывания. Рассмотрим пример модификации соматической ФЕ *to catch someone’s eye* (*привлечь чье-то внимание*):

(22) “*The flashy, neon-lit advertisement didn’t just catch my eye; it hijacked my eye*” (*The New York Times*, 2025, July, 15).

Конвенциональная структура ФЕ организуется конструкционной схемой [*Действие по привлечению внимания*] + [*Объект восприятия (Eye)*]. Автор осуществляет лексическую субституцию глагольного компонента *catch* на семантически заряженную лексику *hijack* (*угонять, захватывать силой*). Когнитивный механизм данной замены опирается на таксономическое смещение внутри семантического поля «*Управление / Захват*». Глагол *hijack* выступает в качестве экспрессивного спецификатора, детализирующего узел [*Действие*] по таксономическому вектору: [*Фиксация внимания (Catch)*] \(\rightarrow\) [*Насильственное удержание / Полный захват (Hijack)*].

Ментальное пространство узуальной идиомы интегрируется с концептуальным доменом «*Терроризм / Захват заложников*», в результате чего возникает сильный прагматический эффект – людическая гиперболизация, демонстрирующая агрессивный, навязчивый характер современной рекламы. Специализированное значение блендированной структуры полностью подчинено интенции автора и кодирует дополнительную семантику, нейтрализующую исходную узуальную предопределенность знака [Carter, 2004: 76].

Таким образом, когнитивное моделирование лексико-грамматической субституции в английском фразеологическом контексте доказывает, что индивидуально-авторские замены жестко ограничены системными параметрами языка. Процесс замещения лексем-компонентов опирается на абстрактные конструкционные схемы и реализуется через таксономические отношения аналогии, антонимии или экспрессивной спецификации в рамках пересекающихся лексико-семантических полей. Это позволяет автору осуществлять высокоточную фокальную корректировку узуального кода, порождая актуальные, контекстуально-обусловленные смыслы без риска полной деструкции фразеологического знака.

2.3. Структурно-семантическое моделирование процедур количественного изменения состава фразеологических единиц (усечение и расширение)

В рамках лингвокреативного переформулирования устойчивых знаков современного английского языка существенный сегмент занимают процедуры, направленные на модификацию количественного состава ФЕ. Согласно данным эмпирического корпуса (см. параграф 2.1), на долю расширения состава приходится 22,83%, а на долю усечения – 18,42% от общего массива выявленных трансформаций. Данные показатели свидетельствуют о высокой эластичности и проницаемости синтагматических границ английской ФЕ. С позиции когнитивной грамматики и прагматики, квантитативные манипуляции с компонентным составом представляют собой операции по изменению геометрии фраземного профиля, регулируемые требованиями семантической автономности элементов и сохранением связи с конвенциональным «суммарным образом» знака в памяти адресата [Langacker, 1987: 117; Stathi, 2007].

Моделирование процедур окказионального расширения состава ФЕ. Процедура расширения состава заключается в инкорпорировании в каноническую структуру ФЕ новых лексических компонентов, как правило, выполняющих функцию адъективного или наречного спецификатора. В отличие от субституции, данный тип трансформации не разрушает инвариантное семантическое ядро ФЕ, а выступает средством интенсификации ее экспрессивного потенциала и адаптации к конкретному контексту повествования. Когнитивное ограничение, налагаемое на вводимый элемент, заключается в его обязательной семантической автономности [Stathi, 2007]. Внедряемый компонент должен обладать собственным концептуальным содержанием, способным вступить в деривационные отношения со значениями ядерных компонентов ФЕ.

Своеобразным стилистическим приемом обновления фразеологизма в газетном тексте является трансформация его путем окказиональных синонимических замен отдельных компонентов. При этом необходимость замены диктуется исключительно конструируемой в статье ситуацией. Создавая комический эффект, подобные замены, тем не менее, не позволяют воспринимать ФЕ одновременно и в прямом смысле, т.е. не приводят к дефразеологизации.

Например: (23) *“They have to be self-aware “rock” “stars” using irony and derision to cope with fame, making concept albums about being famous, songs about the rigors of being in the public eye, records about making records – all of which makes them more like hip-hop stars than anything...” (Village Voice, 2008, Jan., 15).*

Во фразеологизме *to cope with the situation* (справиться с положением, выходить из положения) автор публикации заменяет компонент *situation* компонентом *fame*, что, однако, не меняет значения ФЕ, наделяет его ироническим характером. Компонент *fame* в данной ФЕ конденсирует понятие *situation*. Этот компонент соотносится с признаком явления, отражающего взаимообусловленность характеристик реальной действительности в данной ситуации. В процессе конденсации одно разъясняется через другое: учет свойств, отношений, которые оказались в фокусе внимания, реализуются на разных уровнях осознаваемости как «выводное знание». При этом происходит концентрация внимания читателя на ситуативно обусловленной особенности явления, затеняющей все остальные его характеристики. Замена компонента определяется субъективным значением переживаемой ситуации. Обобщение семантики компонента ФЕ с трансформируемой структурой можно трактовать как вторичную интерпретацию одной и той же речевой ситуации под влиянием личностных факторов. Данный когнитивный процесс сопровождается «выбросом» отрицательных эмоций. Так, прагматическим значением ФЕ, приведенной выше, предстает неодобрение, разочарование.

Рассмотрим пример окказионального расширения английской глагольно-номинативной идиомы *to sweep something under the carpet* (скрывать, замалчивать неприятные факты, «заметать под ковер»):

(24) “*The administration tried to sweep the looming budget deficit under the plush, bureaucratic carpet*” (*The Times*, 2025, Feb., 18).

В данном речевом акте конвенциональная синтаксическая структура номинативной группы *under the carpet* искусственно расширяется автором за счет введения атрибутивного комплекса *plush, bureaucratic* (плюшевый, бюрократический). Когнитивный механизм расширения базируется на операциях фокальной корректировки [Langacker, 1987: 117]: узуальный образ метафорического «ковра», под который прячутся проблемы, конкретизируется и детализируется.

Введение адъективных компонентов не просто привносит дополнительное описание, а осуществляет переориентацию концептуального домена ФЕ. Лексема *bureaucratic* указывает на сферу протекания действия (государственное управление, чиновничий аппарат), а лексема *plush* (символизирующая роскошь, комфорт, скрывающий изъяны) метафорически характеризует условия, в которых принимаются данные решения. В результате интеграции узуального значения ФЕ с концептами «бюрократия» и «избыточный комфорт» происходит приращение окказионального смысла (замалчивание проблем внутри сытой и закрытой чиновничьей системы), что значительно усиливает критический, иронический потенциал высказывания [Carter, 2004: 76].

В зависимости от степени синтаксического усложнения структуры трансформированной ФЕ мы выделяем:

1.1. Простое расширение субстантивного компонента ФЕ словом с атрибутивным значением. Ср.:

(25) “*New Zealand are due to tour Pakistan in eight months’ time but Kiwi chief executive Justin Vaughan said: ‘You’d have to say this would **throw further doubt** over that tour’*” (*The London Paper*, 2010, June, 19);

(26) *“The Fiver has always been fascinated by the French. Their air of fag-smoking existential mystery. Their cheeses. Their sixth form day-trip resorts brimming with flick-knives and CS gas. Their Kicker shoes, still unfashionable after all these years. And of course, they **follow their philosophical bent** in producing line of Left-Bank-lurking, cognac-quaffing, teenage-girl-seducing intellectual heavyweights...”* (The Sun, 2008, Feb., 12);

(27) *“We have Edmond Rostand’s play to thank for introducing the word “panache” to the English language. It is derived from the plume of feathers on a soldier’s helmet, yet also alludes to the French word for pen, recalling an era when a man’s quill was expected to be sharper than his sword. He is a real **hero of the brilliant quill**...”* (The London paper, 2007, March 13).

В данных контекстах трансформированные ФЕ *throw further doubt* (узуальное употребление: *throw doubt*), *follow their philosophical bent* (узуальное употребление: *follow their bent*), *hero of the brilliant quill* (узуальное употребление: *hero of the quill*) обладают теми же значениями, что и производящие ФЕ. Функция введенных компонентов – уточнить номинативный компонент единицы.

1.2. Усложненное атрибутивное расширение, которое заключается в присоединении к одному из субстантивных компонентов ФЕ нескольких определений. Например:

(28) *“The victim **saw a blood “spitting off” life** as Burke stabbed him repeatedly, including twice in the face and once fatally to a major artery in the neck”* (The London paper, 2009, May, 18);

(29) *“THEO WALCOTT is finding it hard **to get his shoulder injury out of his outrageous unpredictable mind** but is convinced he will regain his best form for both club and country* (The Daily Mail, 2008, Feb., 17);

(30) *“It is only by taking this robust stance and seizing everything we can that you start to make inroads. It is **a house of rubbish and fragile cards** once you get a bit of momentum”* (The London paper, 2009, Sept., 2).

В данных контекстах вводятся однородные определения. Ср.: *saw a blood “spitting off” life* (узуальное употребление: *see life*), *get out of his outrageous unpredictable mind* (узуальное употребление: *get out of his mind*), *a house of rubbish and fragile cards* (узуальное употребление: *a house of cards*). Вводимые определения интенсифицируют значения номинативных компонентов. При этом категория интенсивности оказывается связанной с интенцией автора публикации. Интенсифицирующие определения порождаются и определяются интенциональным состоянием журналиста, выражающим определенную ментальную направленность субъекта к действительности. Другими словами, вводимые компоненты участвуют в формировании иллокутивной силы высказывания.

1.3. Составное атрибутивное расширение, заключающееся в присоединении определений ко всем номинативным элементам ФЕ. Например:

(31) “*RECENTLY, it has occurred to me that swearing is everywhere; at work, in school, on the TV and, of course, in the headlines, courtesy of Boris Johnson’s alleged effing and blinding at Keith Vaz last week. But are we happy with this **stable state of peculiar affairs**? Has swearing become the norm in our society, so much so that we don’t mind a good old Gordon Ramsay-style tirade? Or are we concerned that swearing is getting out of control?*” (*The London Paper*, 2009, Nov., 13);

(32) “*But this summer, a new craze is set to change all of that. Street parties are popping up all over the place. It’s **a risky play for lost time**...*” (*The Sun*, 2007, July, 27);

(33) “*Daniel Cleaver, played by Grant, growls: “This is a silly little skirt,” as he seduces her, before exclaiming: “F*** me, what absolutely enormous pants!” But still it’s **the swanky bachelor’s fairy-tale wife**...*” (*The London paper*, 2008, May, 23).

В приведенных контекстах определения вводятся как для стержневого, так и зависимого компонента субстантивной ФЕ. Ср.: *stable state of peculiar*

affairs (узуальное употребление: *state of affairs*), *a risky play for lost time* (узуальное употребление: *play for time*), *the swanky bachelor's fairy-tale wife* (узуальное употребление: *bachelor's wife*). Функция вводимых определений – специфицировать коммуникативно значимое событие, актуализированное в публикации. В сравнении с исходными единицами в трансформированные ФЕ отличаются интенсифицированным значением. Интенсификатор в данных случаях «выдвигает на первый план те события, которые являются наиболее важными и значимыми для контекста данной коммуникации» [Labov, 1984:46].

Моделирование процедур окказионального усечения состава ФЕ.

Процедура усечения компонентного состава (эллипсис, редукция) представляет собой полярный в структурном отношении процесс, направленный на элиминацию одного или нескольких элементов ФЕ [Naciscione, 2010; Ptashnyk, 2000]. В англоязычном дискурсе усечение чаще всего применяется к единицам предикативного характера (паремиям, афоризмам) или к длинным глагольным идиомам с целью их синтаксической компрессии. Когнитивным основанием успешности усечения выступает психологический феномен апперцепции: усеченная форма знака функционирует как прагматическая аллюзия на его полную форму, активируя в долговременной памяти адресата устойчивый «суммарный образ» инварианта [Langacker, 1987: 117]. Рассмотрим пример усечения классической английской пословицы *every cloud has a silver lining* (нет худа без добра; у каждого облака есть серебряная подкладка):

(34) “*Markets are tumbling, inflation is soaring, and investors are desperately searching for any **silver lining***” (*The Economist*, 2024, June 17).

В данном контексте автор осуществляет глубокую редукцию паремии, полностью отсекая предикативную часть (*every cloud has a...*) и сводя фраземную структуру к изолированной номинативной группе *silver lining*, модифицированной окказиональным местоимением *any*. Синтаксический

статус единицы радикально меняется: из самостоятельного предложения она превращается в синтаксический член (объект) принимающего предложения.

С аналитической точки зрения усечение не ведет к когнитивному сдвигу в семантике знака, поскольку концептуальное ядро идиомы концентрируется именно в компоненте *silver lining* (*светлая сторона, проблеск надежды*). Прагматический эффект усечения заключается в фатической компрессии текста: автору нет необходимости воспроизводить всю пословицу целиком, так как адресат мгновенно восстанавливает деривационную связь между «новым однократным образом» (*any silver lining*) и конвенциональной базой [Langacker, 1987: 117]. Это минимизирует когнитивные усилия воспринимающей стороны при сохранении высокого уровня экспрессивной емкости текста [Sperber, Wilson, 1986: 158].

Эллипсис, который заключается в упрощении формы ФЕ посредством уменьшения ее компонентов в стилистических целях. В связи с тем, что трансформированные ФЕ способны образовываться в речевой цепи, становится понятным, что творческий процесс фразоизменений находится в непосредственной зависимости от внеречевой ситуации, отражаемой высказыванием, т.к. в языке СМИ оно представляет собой единый знак ситуации, замещающий как обозначаемое положение дел, так и практическое событие, конструируемое речевым актом. Визуально-чувственное сопоставление сравниваемых предметов и явлений с уже известными связано с преобразованием фразеологической семантики.

В результате переосмысления ФЕ, обозначавшего одну ситуацию, она превращается в обозначение элемента данной ситуации с высокой степенью экспрессивности. Эллиптированная ФЕ начинает обозначать особую, характерную только для данного предмета или явления деталь. Разновидностью эллипсиса выступает прием умолчания (намеренное обрывание высказывания), который относится прежде всего к предикативным ФЕ. Читатель может самостоятельно завершить фразу, сделав собственные предположения. Ср.:

(35) “*The chocolate is made using a more gentle process that preserves more of the naturally occurring antioxidants found in cocoa. Chocaholics planning on a new Choxi+ meal replacement scheme should take care however as the chocolate is still packed with calories. But still **two apples a day...***” (The London Paper, 2007, Feb., 21);

(36) “*The girl told Nereida she had signed a confidentiality contract in which she agreed never to reveal she was mum to Ronaldo’s son. **Strike while...***” (The SUN, 2010, Aug., 17);

(37) “*According to a police report, Dushane "leaned out of her car, into the window, and punched [a McDonald’s worker] in her mouth. When a second employee interceded, Dushane took a swing at her. After the women tussled, Dushane ‘then punched the drive through window, breaking it’, police reported. But Dushane didn’t plead guilty. As they say, ‘**Nothing hurts like...**’” (The Smoking Gun, 2007, April, 27).*

В данных контекстах употребляются эллиптированные ФЕ *two apples a day...* (узуальное употребление: *two apples a day keeps the doctor away*), *strike while...* (узуальное употребление: *strike while the iron is hot*), *nothing hurts like...* (узуальное употребление: *nothing hurts like the truth*). Подобные ФЕ являются экспрессивно-эмоциональным способом активизации внимания читателя.

В отдельных случаях эллиптированные ФЕ употребляются в роли заголовков публикаций на злободневные для читателей темы. При этом эллипсис сопровождается, как правило, конвергенцией (эллипсис+субституция). Ср.:

(38) “*Never swap coaches while crossing...*” (The London Paper, 2008, May, 17).

В данном контексте обыгрывается узуальная ФЕ *Never swap horses while crossing the border*. Нормативный компонент *horses* заменен словом *coaches*. Подобная субституция моделирует комический эффект – читатель, заметив замену компонента, связывает его образ с личностью спортсмена,

который в разгар сезона уходит к другому тренеру. Прием умолчания дает читателю возможность догадаться о потенциальных последствиях такой ситуации.

Реализация подобных ФЕ в качестве свободного словосочетания в данном случае невозможна вследствие семантического рессогласования словосочетания и языкового окружения. Семантическая несовместимость ФЕ и его субъектного окружения наблюдается в следующем примере. Ср.:

(39) “*The degree to which this anniversary excites you undoubtedly **speaks volumes about your social life and as concise as the font it celebrates***” (*The London Paper*, 2008, Jan., 23).

Добавление к фразеологизму *to speak volume about smth.* Слов свободного употребления *and as concise as the font it celebrates* должно было бы перевести фразу из переносного плана в конкретный. Однако этого не происходит, благодаря семантической несовместимости компонента *this anniversary* и *speaks volume*, поскольку последнее словосочетание может относиться только к одушевленному предмету (лицу), а в переносном – к неодушевленному. Другими словами, данный фразеологизм имеет специфическое субъектное окружение, благодаря чему он воспринимается только в переносном смысле, несмотря на трансформацию. Не только ФЕ не воспринимается как свободное словосочетание, а напротив, фразеологизм вовлекает в свою сферу слова свободного словоупотребления, придавая им переносный смысл.

Трансформация подобного характера, реализуясь в макроконтексте, может привести к развернутой метафоре, основанной на вовлечении в сферу фразеологизма целого ряда распространяющих его слов, которые приобретают, таким образом, переносное значение. Переносное значение пронизывает рациональную ткань подобных ФЕ, регулируя процесс выражения ее когнитивного содержания. Источником переносного значения являются прежде всего эмоционально-чувственные ощущения пишущей личности, подвергаемые языковой обработке в соответствии с

концептуальными установками языкового сознания представителей английской лингвокультурной общности.

В следующем примере в ФЕ *to lose one's head* (терять голову), благодаря контексту, получает и значение *разум*, а слово свободного употребления *innocence* получает окказиональное значение *неведение*. Ср.:

(40) “No one visits the Met today in order to be alone. And, in fact, visitors have been thronging its refurbished and expanded galleries for 19th- and early-20th-century painting and sculpture **losing their heads** as they lose intellectual innocence” (*Village Voice*, 2008, Feb., 21).

В данном случае дефразеологизация не происходит, также благодаря семантическому рассогласованию между ФЕ и его субъектным окружением. Семантика трансформированного ФЕ приспосабливается не для идентификации, а для отношения пишущего к содержанию высказывания. В газетном дискурсе подобные ФЕ обладают коммуникативной модальностью, используются в прагматической функции косвенного выражения различного рода эмоций.

Трансформация ФЕ посредством ее распространения словами свободного употребления не приводит к дефразеологизации, когда при наличии семантического согласования ФЕ и его окружения, ситуация указывает на невозможность реализации данного словосочетания в качестве свободного. Ср. следующий заголовок статьи:

(41) “*The Clintons’ Grim Fairy Tales*” (*Village Voice*, 2008, Jan., 15).

Фразеологизм *Grim Fairy Tales* (вымышленная информация) не обладает специфическим субъективным окружением. Однако содержание статьи позволяет понимать данное словосочетание только в переносном смысле. В этом случае обнаруживается столкновение основных, номинативных значений слов, входящих в ФЕ, и ее целостного, фразеологически обусловленного значения. Восприятие данного словосочетания именно как сочетания компонентов в их основных значениях создают широкие возможности для словесной игры на уровне

газетного дискурса. В результате возникает развернутая метафора, а сам контекст употребления ФЕ также приобретает метафорический характер.

Трансформация не приводит к дефразеологизации, когда при одинаковом окружении у ФЕ и свободного словосочетания (при семантическом согласовании ФЕ со своим окружением) в микроконтексте содержится указание на то, что словосочетание употребляется в своем переносном значении. Таким указанием может быть одно слово, включаемое в ФЕ, например, слово *behavior* в следующем контексте. Ср.:

(42) *“Much of Zotto’s group choreography is excellent. He knows how to stage informal gatherings, to individualize unison, and to make counterpoint relaxed...The ‘lessons’ that eight men give one another in steps and partnering techniques are marked by casual, good-humored behavior. Ensemble patterns develop in sophisticated, eye-catching ways” (Village Voice, 2008, Jan., 15).*

Благодаря этому указанию, предложение, распространяющее компонент *lesson*, также воспринимается в переносном смысле, поскольку слово *lesson* в данном контексте обозначает *навык, умение*. Другими словами, происходит актуализация потенциальной семы компонента фразеологизма, распространяющаяся и за его пределы. Таким образом, трансформация ФЕ не только не приводит к дефразеологизации, т.е. к восприятию словосочетания одновременно и в прямом, и в переносном плане, но переводит в переносный план слова свободного употребления, распространяющие один из компонентов ФЕ.

Таким образом, структурно-семантическое моделирование количественных изменений фраземного состава доказывает, что расширение и усечение в английском языке являются взаимодополняющими инструментами лингвокреативной адаптации узуальных кодов. Процедуры расширения обогащают и переориентируют концептуальные домены ФЕ за счет введения семантически автономных спецификаторов, тогда как процедуры усечения обеспечивают дискурсивную компрессию и синтаксическую пластичность знака, опираясь на способность адресата

восстанавливать целостный образ инварианта ФЕ по ее эллиптированному фрагменту.

2.4. Ментальная интеграция и блендинг во фразеологии: когнитивный анализ концептуального слияния ФЕ

Среди всего спектра лингвокреативных процедур в современном английском дискурсе особое место занимает концептуальное слияние, или фраземный блендинг, составляющий 12,42 % от общего массива выявленных трансформаций (см. параграф 2.1). В отличие от локальных замен или количественных флуктуаций компонентного состава, блендинг представляет собой нелинейный процесс когнитивного моделирования, при котором происходит перекрестная интеграция двух и более ментальных пространств, укорененных в различных фразеологических прототипах. Методологическим основанием для дескрипции данного феномена выступает четырехпространственная теория концептуальной интеграции Ж. Фоконнье и М. Тёрнера, позволяющая эксплицировать механизмы порождения принципиально новых, «эмерджентных» смысловых структур (*emergent structures*) [Fauconnier, Turner, 1989].

I. Дистантное расположение различных ФЕ с одним стержневым словом посредством однократного употребления общего компонента с последующим перечислением других компонентов в пределах микроконтекста.

Например:

(43) *“In that marvelous country they always have a good appetite. They **eat bread and salt, no fish, the calf in the cow’s belly, the ginger, dust, humble pie, the leek and a lot of sweets...**”* (*The London Paper*, 2007, Dec., 23).

Полностью или частично десемантизированный компонент *eat* во ФЕ *eat bread and salt* (свободное словосочетание *есть хлеб и воду*; ФЕ – *связать себя клятвой*), *eat no fish* (свободное словосочетание *не есть рыбу*;

ФЕ – *быть благонадежным*), *eat the calf in the cow's belly* (свободное словосочетание *есть теленка в желудке коровы*; ФЕ – *делить шкуру неубитого медведя*), *eat the ginger* (свободное словосочетание *есть имбирь*; ФЕ – *брать себе самую лучшую часть*), *eat dust* (свободное словосочетание *есть пыль*; ФЕ – *понести наказание*), *eat humble pie* (свободное словосочетание *есть скромный пирог*; ФЕ – *проглотить обиду*), *eat the leek* (свободное словосочетание *есть лук-порей*; ФЕ – *сносить оскорбления*) получает особую юмористическую образность, оживляет повествование за счет актуализации своего первичного значения и, следовательно, дефразеологизации перечисляемых ФЕ. Этому, в частности, способствует первое высказывание в данном контексте, ключевым моментом которого является свободное словосочетание *a good appetite* (*хороший аппетит*), употребленное в своем первичном значении.

В результате автором публикации конструируется стилистический прием асиндетона. Естественно, говоря о дефразеологизации, мы имеем в виду только те выражения, которые выступают как ФЕ. То, что ФЕ употреблены в одном ряду со свободным словосочетанием (ср. *eat a lot of sweets*), как бы «перемешаны с ним, также способствуют их дефразеологизации. Само повествование воспринимается читателем как сказочное (этому способствует и тот факт, что многие дефразеологизированные ФЕ, задействованные в публикации, маркируются в словаре как устаревшие), тем более что статья опубликована накануне Рождества, что усиливает волшебный характер сюжета сказки.

Однако процесс дефразеологизации не устраняет фразеологически связанных значений анализируемых сочетаний. Их потенциальное присутствие в контексте публикации подчеркивается логическим расположением ФЕ, выстраивающихся в особый, далеко не сказочный сюжет. При подобном прочтении анализируемого текстового фрагмента ключевой момент в первом высказывании интерпретируется читателем в переносном значении («инстинктивная потребность»). Жители страны

являются благонадежными гражданами, связавшими себя клятвой не совершать правонарушений, но все же их совершают («делит шкуру неубитого медведя, претендуя на лучшую часть»), несут наказание, снося обиду и оскорбление.

Другими словами, предрождественская сказка трансформируется в повествование о повседневной реальности обычных людей обычной страны. Дефразеологизация как речевое действие рассчитано на комплексную реакцию читателя, включающую и эмоциональный настрой, и конкуренцию коннотативных (дефразеологизированных) и нейтральных (фразеологически связанных) значений на уровне одной и той же языковой единицы, и, что самое главное, коррекцию картины мира, существующую в когнитивном сознании реципиента публицистического текста.

Как прием речевого воздействия на читателя дефразеологизация основана на феномене «смысловой двуплановости языкового выражения» [Михеева, Ремчукова, 2009], в основе которого лежит асимметричность языкового знака, проявляющаяся в том, что означаемое и означающее находятся в состоянии иллюзивного конфликта. В публицистическом дискурсе значение стремится к приобретению новых, более точных средств выражения, а знак – расширить круг своих значений, одновременно актуализировать все свои значения.

В процессе дефразеологизации знак и значение не покрывают друг друга полностью, т.к. один и тот же знак «стремится обладать новыми функциями, нежели его собственная», а значение «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (ассоуплес), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» [Карцевский, 1965: 56].

II. Реализация ФЕ в сочетании двух ФЕ, имеющих один компонент (без нарушения структуры ФЕ).

1. В пределах микроконтекста.

Ср.:

(44) “*The Swiss pilot gave a public demonstration of the device on Wednesday. **He flew high, higher than a kite.** He performed an impressive 360 degree barrel roll, which he later admitted was ‘to impress the girls’*” (*The London paper*, 2009, June, 19).

Дефразеологизация ФЕ *fly high* оказывается возможной именно в синтагматике с ФЕ *higher than a kite*, которая, выполняя функцию микроконтекста, в смысловом плане указывает на то, что компонент *fly* функционирует как слово свободного употребления, представая в своем основном значении. Последующее высказывание является индикатором того, что автор публикации обыгрывает именно ФЕ, а не свободное словосочетание, поскольку оно близко по значению к фразеологически связанному значению данного сочетания (*высоко заноситься, лелеять честолюбивые мечты*), выступает ассертивным обоснованием его.

Другими словами, в данном контексте потенциально сохраняется фразеологически связанное значение рассматриваемого сочетания. Очевидно, что дефразеологизация ФЕ *fly high* имеет место в данном контексте и в силу того, что сочетающаяся с ним ФЕ *higher than a kite* выступает интенсификатором основного значения стержневого компонента данной единицы и «является знаком иллокуции» (Федорюк, 2001: 7), знаком, который служит указанием на интенцию журналиста.

2. В пределах макроконтекста.

Ср.:

(45) “*Shakira’s Tour Of Earthly Delights was the brainchild of Punchdrunk theatre director Felix Barrett, whose “immersive” productions allowed the audience to choose what they watched. And it seemed like Shakira agreed, wanting her fans to experience her raw energy. Shak, 33, **lost his shirt** rushing through the energetic crowd attempting to reach the stage. Of course, he **lost his hair**...*” (*The Sun*, 2009, Jan. 27).

В сочетаниях *lose one’s shirt* (ФЕ *выйти из себя, рассердиться, вспылит*; свободное словосочетание *потерять рубашку*) и *lose one’s hair* (ФЕ

разгорячиться, выйти из себя; свободное словосочетание потерять волосы) происходит актуализация десемантизированного компонента *lose* благодаря сочетанию с другими компонентами. Другими словами, данные ФЕ дефразеологизируются, употребляются в данном контексте как свободные словосочетания. Логическим результатом действий, которые испытал объект публикации, несомненно, являются отрицательные эмоции. А поэтому анализируемые ФЕ потенциально сохраняют свое фразеологически связанное значение.

В эксплицитном отражении того факта, что объект публикации испытал отрицательные эмоции нет необходимости в силу того, что употребление ФЕ в данном контексте обуславливает их емкость, компрессию в них информации. В данном случае также находит проявление формально-содержательная асимметрия в языке публицистического дискурса. Одна семантическая единица выражения сигнализирует две единицы содержания: свободную и фразеологически связанную.

Смысловой потенциал, заложенный в дефразеологизированной ФЕ, реализуется в стремлении журналиста к преодолению речевого стандарта в жанре газетной речи. В результате языковое выражение начинает характеризоваться в языке СМИ повышенной экспрессией и новизной выражения.

III. Дефразеологизация как следствие нагромождения нескольких ФЕ, включающих компоненты одного семантического поля.

Семантическое поле – это совокупность ФЕ, обладающих общностью значений. Ср.:

(46) *“As Dame Helen Mirren cracked a bottle of champagne across the bows of the £300million cruise ship Ventura, it appeared that everything was going to be plain-sailing for her maiden voyage. As she set sail from Southampton, a band played on the quay and corks popped amid a spectacular fireworks party. Finally her ship **cast anchor** in the luxurious harbour. But she **was at sea** all the time watching **tidal wave**. When her ship comes home, she’ll*

have everything she could desire. 'This would have been my third maiden voyage but now it has been ruined for me. It is just pure greed on the part of P&O, who wanted to make some extra cash' (Daily Mail, 2008, May, 17).

В выражениях *cast anchor* (свободное словосочетание *бросать якорь*; ФЕ – *остепениться, найти тихую гавань*), *be at sea* (свободное словосочетание *быть у моря*; ФЕ – *быть в полном недоумении*), *tidal wave* (свободное словосочетание *прибрежная волна*; ФЕ – *взрыв общего чувства*), *when her ship comes home* (свободное словосочетание *когда ее корабль вернется домой*; ФЕ – *разбогатеть*) стержневые или зависимые компоненты *anchor, sea, wave, ship* относятся к семантическому полю «море». Это непосредственно предопределяется сюжетом публикации. Когда в речи реализуется одна из анализируемых ФЕ, компоненты *anchor, sea, wave, ship* подвергаются десемантизации, но когда они объединены в пределах микро- или макроконтеста, происходит их актуализация. В результате в данном отрывке реализуется две нарративных стратегии автора, каждая из которых связана с особым смысловым комплексом.

Дефразеологизированные ФЕ отражают фактическую нейтральную информацию относительно поездки объекта публикации на дорогом лайнере. Потенциальное присутствие в тексте фразеологически связанных значений анализируемых языковых выражений отражает коннотативную информацию относительно чувств и эмоций, испытанных объектом публикации время морского путешествия.

Прием актуализации смысловой двуплановости оптимально совмещает информативную и экспрессивную функцию языка, антиномия которых характерна для данной публикации. В процессе написания статьи автор кодирует информацию, прибегая к оптимальному коду и в соответствии со своей интенцией, передает содержание. Читатель призван декодировать сообщение, согласуя его значение со своей моделью мира и интерпретацией намерения журналиста с точки зрения креативности и выразительности. Все проанализированные типы дефразеологизации осуществляются лексико-

грамматическими, т.е. чисто лингвистическими средствами. Дефразеологизированные ФЕ допускают прямое прочтение в силу актуальности правил синтаксической организации, что свидетельствует о наличии у них связей двух типов значений и об их производности.

Взаимодействие контекста и дефразеологизированных ФЕ осуществляется через такие компоненты иллокутивной силы, как иллокутивная цель и условие искренности. Иллокутивная цель связывает последовательность значений языковых выражений с намерением автора публикации, а условие искренности связывает данные значения с интенциональным состоянием говорящего. Способствуя емкому выражению иллокутивной цели журналиста, феномен дефразеологизации выступает в языке СМИ в виде «скреп», обеспечивающих его иллокутивную и интенциональную когерентность как в условиях микро-, так и макроконтекста.

В когнитивной системе носителей английского языка фраземный блендинг реализуется через одновременную активацию в долговременной памяти двух конвенциональных символических моделей. Каждая из них выступает в качестве автономного исходного ментального пространства (Input Space). Процесс их интеграции включает в себя:

- 1) выделение родового пространства (Generic Space), фиксирующего абстрактные образно-схематические признаки подобия (например, синтаксический параллелизм, общность концептуальных доменов или созвучие лексем);
- 2) проецирование релевантных элементов из исходных пространств в интегрированное пространство бленда (Blend Space);
- 3) формирование эмерджентной структуры, семантический потенциал которой не равен сумме значений составляющих компонентов, а порождает уникальный контекстуальный смысл.

Проанализируем операциональный алгоритм концептуального слияния на примере окказионального бленда, зафиксированного в современном аналитическом дискурсе:

(47) “*The politicians are just skating on thin ice cubes, oblivious to the actual depth of the economic crisis*” (*The Economist*, 2025, July, 19).

В данном речевом акте эмерджентная структура ФЕ *to skate on thin ice cubes* возникает в результате ментальной интеграции двух устойчивых символических единиц английского языка:

1. Исходное пространство 1 (Input 1): ФЕ *to skate on thin ice* (*находиться в опасном, рискованном положении; «кататься на тонком льду»*). Концептуальный домен включает фреймы [*Опасность*], [*Риск*], [*Нестабильность*].

2. Исходное пространство 2 (Input 2): ФЕ *in a crisis / on ice* или свободное концептуальное представление об *ice cubes* (*кубики льда для напитков*), ассоциируемое с фреймами [*Кабинетная атмосфера*], [*Алкоголь/коктейли*], [*Иллюзия комфорта*], [*Искусственное охлаждение*].

3. Родовое пространство (Genetic Space) объединяет данные домены на основе абстрактного концепта [*Замерзшая вода (Ice)*], выступающего лексико-семантическим ядром обеих ментальных структур.

В интегрированном пространстве бленда происходит наложение и скрещивание элементов поверхностной и глубинной структуры. Конвенциональный «суммарный образ» движения по опасному природному водоему (*thin ice*) сталкивается с образом бытового, искусственного атрибута релаксации (*ice cubes*). В результате их концептуального сплава рождается эмерджентная структура. Окказиональный бленд *to skate on thin ice cubes* кодирует принципиально новый смысл: субъекты не просто подвергают себя риску, а делают это в искусственно созданной, кабинетной атмосфере благополучия, будучи полностью оторванными от реальной угрозы (глубины кризиса). Прагматическая релевантность данного высказывания чрезвычайно

высока: при минимальных когнитивных усилиях адресата за счет игры образов генерируется сильный иронический эффект.

Рассмотрим второй тип фраземного блендинга, основанный на синтаксическом и лексическом наложении двух идиом, обладающих структурным параллелизмом. Обратимся к примеру из современной англоязычной качественной прессы:

(48) “*When it comes to financial regulations, big banks always manage to kill two birds with one stone’s throw*” (*The Financial Times*, 2024, April. 3).

В данном контексте в пространстве бленда интегрируются:

1. Исходное пространство 1 (Input 1): ФЕ *to kill two birds with one stone* (одним ударом убить двух зайцев; добиться двух целей одновременно).

2. Исходное пространство 2 (Input 2): ФЕ *within a stone’s throw* (в двух шагах, очень близко).

3. Родовое пространство (Generic Space) формируется за счет лексического совпадения компонента *stone* и общего инструментального падежа с предлогом *with/within*.

В пространстве бленда происходит синтагматическое расширение конечной номинативной группы первой идиомы за счет деривационного потенциала второй. Происходит наложение образов: прагматическая идея эффективности и достижения двойного результата (*kill two birds*) сливается с пространственной идеей максимальной близости и доступности цели (*stone’s throw*). Эмерджентный смысл модифицированной ФЕ выражает идею о том, что крупные финансовые институты способны решать свои стратегические задачи не просто эффективно, а с молниеносной легкостью, буквально «на расстоянии вытянутой руки». Ответственность за выбор контекстуальных допущений здесь частично переносится на адресата, активируя целую сеть слабых импликатур, связанных с темой вседозволенности в банковском секторе.

Таким образом, когнитивно-семантическое моделирование фраземного блендинга доказывает, что ментальная интеграция в английском языке

выступает как один из высших уровней проявления лингвокреативности. Через четырехпространственную координацию доменов блендинг позволяет авторам преодолевать линейную природу языка, упаковывая в единую окказиональную структуру сложные, многомерные авторские суждения и порождая оригинальные эмерджентные смыслы, недоступные каноническим языковым кодам.

2.5. Прагмасемантический потенциал в процессах актуализации индивидуально-авторских смыслов

Моделирование процедур окказиональной синтаксической инверсии и пассивизации состава ФЕ. Синтаксическая модификация фразеологических единиц представляет собой намеренное изменение конвенционального линейного порядка компонентов и их синтаксических позиций в структуре высказывания. Относительно невысокий процент данного типа трансформаций (6,75 %) в исследованном корпусе обусловлен аналитическим строем английского синтаксиса, налагающим жесткие ограничения на подвижность элементов внутри предложения.

Изменение линейной структуры оказывается возможным лишь в рамках тех разрядов ФЕ, которые обладают категориальной пластичностью и синтаксической гибкостью, позволяющей разрывать узловые связи без потери идиоматического значения. Когнитивный механизм синтаксической перестройки ФЕ заключается в намеренном изменении ее образного профиля и перераспределении фокуса внимания адресата (*focusing / profiling*), при котором ключевой в смысловом отношении номинативный или глагольный компонент выносится в сильную коммуникативную позицию – тему или рему высказывания [Langacker, 1987: 193].

Рассмотрим когнитивно-семантический механизм синтаксической модификации на примере английской глагольно-объектной идиомы *to break*

the ice (разрядить обстановку, положить начало общению, «растопить лед»):

(49) “*The awkward silence at the international summit was tangible; but the ice, once broken by the prime minister, never froze again*” (*The Guardian*, 2024, Jan., 27).

В данном контексте каноническая активная конструкция переходного типа (глагол + прямое дополнение) подвергается глубокой синтаксической деструкции посредством пассивизации и инверсии. Номинативный компонент *the ice*, занимавший в инварианте позицию зависимого дополнения, выносится в абсолютное начало предикативного акта, приобретая синтаксический статус подлежащего главного предложения. В свою очередь, глагольное ядро трансформируется в обособленный страдательный причастный оборот *once broken by...* с экспликацией агенса (*by the prime minister*).

С позиции когнитивной грамматики в данном речевом акте происходит радикальное переформатирование предикативного профиля знака [Langacker, 1987: 97]. Если в узуальной форме ФЕ фокус внимания (профилирование) направлен на само динамическое действие по преодолению барьера, то при окказиональной пассивизации автор искусственно переносит акцент на объект этого действия (*the ice*) и его последующее качественное состояние в «спроектированном мире» контекста.

Синтаксическое расщепление ФЕ позволяет автору не просто констатировать факт успешной коммуникации, а сгенерировать сильную смысловую импликацию: «лед» (психологическое напряжение) под воздействием внешнего фактора полностью ликвидирован и перешел в необратимое состояние («никогда не замерзал снова»). Таким образом, окказиональная инверсия выступает эффективным инструментом актуального членения предложения, позволяя автору точно распределять прагматическую и смысловую нагрузку между компонентами английской ФЕ.

Завершающими элементами риторико-когнитивной матрицы, описывающей процессы лингвокреативного переформулирования фразеологического фонда английского языка, выступают процедуры синтаксической перестановки / пермутации и буквализации фразеологического значения. В совокупности данные типы модификаций составляют 19,16 % от общего объема исследованного эмпирического корпуса (пермутация – 6,75 %, буквализация – 11,41 %; см. параграф 2.1). С позиции когнитивно-прагматического анализа указанные техники оперируют глубинными и поверхностными структурами фразеологического знака без изменения его непосредственного количественного или лексического состава. Они направлены на актуализацию латентных индивидуально-авторских смыслов за счет изменения синтаксического профиля ФЕ или выведения ее буквального денотативного плана в сильную смысловую позицию высказывания.

Моделирование процедур окказиональной пермутации состава ФЕ. Синтаксическая перестановка (пермутация) представляет собой изменение конвенционального линейного порядка компонентов ФЕ [Fiedler, 2009: 330]. Относительно невысокий процент данного типа трансформаций (6,75 %) в исследованном корпусе обусловлен аналитическим строем английского синтаксиса, налагающим строгие ограничения на подвижность элементов внутри предложения. Пермутация оказывается возможной только в рамках тех ФЕ, которые обладают определенной степенью синтаксической гибкости и пластичности. Когнитивный механизм перестановки заключается в изменении фокуса внимания адресата, при котором ключевой в смысловом отношении компонент выносится в релевантную позицию (рему или тему высказывания) [Langacker, 1987: 193].

Рассмотрим пример окказиональной пермутации глагольно-номинативной идиомы *to break the ice* (*растопить лед, разрядить обстановку, положить начало общению*):

(50) “*The awkward silence at the summit was tangible; but the ice, once broken by the prime minister, never froze again*” (*The Guardian*, 2024, November, 25).

В данном контексте каноническая активная конструкция *to break the ice* подвергается глубокой пассивизации и синтаксической инверсии. Номинативный компонент *the ice* выносится на первое место, становясь подлежащим главного предложения, а глагольный компонент трансформируется в обособленный причастный оборот *once broken by...*

С позиции когнитивной грамматики происходит радикальная смена образного профиля предикации [Langacker, 1987: 97]. Если в узуальной форме фокус внимания направлен на само действие по преодолению барьера, то при пермутации автор переносит акцент на объект этого действия (*the ice*) и его последующее качественное состояние. В результате изменения линейной структуры ФЕ порождается сильная смысловая импликатура: «лед» (напряжение в отношениях) не просто был растоплен, а полностью уничтожен («никогда не замерзал снова»). Это позволяет автору точно распределить коммуникативную нагрузку внутри высказывания.

Моделирование прагматического потенциала буквализации значения ФЕ. Буквализация фразеологического значения выступает специфическим приемом, при котором поверхностная форма и состав узуальной ФЕ остаются абсолютно неизменными, однако за счет особого контекстуального окружения происходит деактуализация символического плана и выведение на первый план буквальных значений лексем-компонентов. В рамках когнитивного подхода данный процесс трактуется как одновременное разворачивание двух несходных ментальных доменов – переносного (идиоматического) и буквального (денотативного). Буквализация применима преимущественно к фразеологическим единствам и сочетаниям, в структуре которых компоненты сохраняют семантическую прозрачность.

Рассмотрим пример буквализации устойчивого выражения *to dig one's own grave* (копать себе могилу, вредить самому себе, предопределять свою гибель):

(51) “*The archeologist's funding was cut off, and he literally dug his own grave while working under the collapsing walls of the ancient tomb*” (*The New York Times*, 2025, March, 4).

В данном речевом акте автор использует маркер *literally* (буквально) для принудительного переключения внимания адресата на денотативный план ФЕ. Происходит наложение двух образов:

1. Суммарный узуальный образ [Langacker, 1987: 117] – метафорическое совершение действий, ведущих к профессиональному или финансовому краху (прекращение финансирования проекта).

2. Актуальный однократный образ – физический процесс раскопок (*digging*) в опасных условиях древней гробницы, где обрушение стен грозит реальной физической гибелью субъекта.

Когнитивный блендинг этих двух планов порождает эффект смысловой двуплановости, или людической полисемии. Извлечение сильных и слабых импликатур адресатом происходит параллельно: археолог одновременно губит свою карьеру (фразеологический план) и подвергает свою жизнь смертельной опасности в процессе непосредственного физического труда (буквальный план). Прагматический эффект буквализации в данном контексте заключается в генерации трагикомического, иронического пафоса, конденсирующего в одной неизменной языковой форме усложненное авторское сообщение [Sperber, Wilson, 1986: 199].

Таким образом, когнитивно-семантическое моделирование процедур пермутации и буквализации доказывает, что актуализация индивидуально-авторских смыслов в английском языке может осуществляться без формальной деструкции лексического инвентаря ФЕ. Синтаксические сдвиги при пермутации переориентируют фокус внимания адресата на новые предикативные профили, а контекстуальное столкновение буквального и

переносного планов при буквализации обеспечивает генерацию глубоких импликатур и людических эффектов, расширяя прагматические границы фразеологического знака.

Выводы по второй главе

1. Практическое формирование исследовательского корпуса объемом в 1200 контекстов окказионального функционирования ФЕ в современном английском дискурсе подтвердило теоретический тезис о градуальном характере и пластичности границ ФЕ. Количественное распределение модификаций зафиксировало доминирование лексико-грамматической субституции (28,17 %) и количественных изменений состава (расширение – 22,83 %, усечение – 18,42 %), а также структурную ограниченность синтаксических перестановок (6,75 %), обусловленную аналитическим строем английского языка.

2. Когнитивный анализ процедур лексико-грамматической субституции продемонстрировал, что индивидуально-авторские замены компонентов подчинены строгим таксономическим отношениям и принципам аналогии в рамках пересекающихся лексико-семантических полей. Использование абстрактных конструктивных схем позволяет автору осуществлять точечную фокальную корректировку узуального значения ФЕ, адаптируя ее семантический инвариант к кодированию контекстуально-специфических смыслов.

3. Структурно-семантическое моделирование количественных изменений состава показало, что процедуры окказионального расширения обогащают концептуальный домен ФЕ за счет введения семантически автономных спецификаторов, модифицирующих геометрию ее профиля. Процедуры усечения, напротив, обеспечивают дискурсивную компрессию текста и минимизацию когнитивных усилий адресата, выполняя функцию

прагматической аллюзии и запуская механизм апперцепции конвенционального «суммарного образа» ФЕ.

4. Исследование фраземного блендинга на основе четырехпространственной модели концептуальной интеграции вскрыло ментальные механизмы скрещивания исходных доменов различных фразеологических прототипов. Проецирование элементов в пространство бленда приводит к порождению оригинальных эмерджентных смысловых структур, превосходящих деривационный потенциал отдельных языковых кодов. В свою очередь, процедуры пермутации и буквализации позволяют актуализировать латентные смыслы за счет инверсии фокуса внимания или генерации эффекта двуплановости, существенно повышая экспрессивный и людический потенциал английского дискурса.

Глава 3.

Дискурсивно-функциональный и прагматический потенциал модифицированных фразеологических единиц

3.1. Дискурсивная обусловленность и регистровая дистрибуция окказиональных трансформаций ФЕ

Перенос исследовательского фокуса на прагматический и дискурсивный потенциал окказионально модифицированных ФЕ современного английского языка обуславливает необходимость детального многоаспектного анализа их функционирования в реальном коммуникативном пространстве. Лингвистические единицы не просто извлекаются из памяти в статичном виде, а активно участвуют в процессах конструирования, профилирования и структурирования концептуального содержания, гибко адаптируясь к прагматическим потребностям говорящего субъекта в конкретных условиях речевого акта [Болдырев 2020; Кубрякова 2004; Лангакер 1987]. Следовательно, выбор автором той или иной риторико-когнитивной процедуры окказионального изменения инварианта ФЕ находится в прямой и жесткой зависимости от экстралингвистических параметров коммуникации, жанрово-стилистической специфики текста, прагматической установки и целевой аудитории [Карасик 2004; Кибрик 2009; Романова 2012].

Для верификации характера данной взаимосвязи в рамках эмпирического исследования был проведен подробный анализ регистровой дистрибуции сформированного корпуса, общий объем которого составил 1200 верифицированных контекстов окказионального функционирования ФЕ. В качестве базовых дискурсивных пространств, выступающих реактивной деривационной средой для фразеологических инноваций, были выделены три ведущих функциональных регистра: медийный дискурс качественной британской и американской прессы, искусствоведческий

(критический) дискурс и интернет-дискурс. Дистрибутивно-статистический анализ распределения примеров по указанным регистрам выявил устойчивые закономерности, обусловленные принципом лексической смежности и частотностью реализации лингвокреативного потенциала знаков в различных типах текста [Нессельхауф 2005; Синклер 1987, 2004; Эверт 2004].

Индивидуализация компонентов ФЕ тесно связана с мотивацией этой единицы, лежащей в основе как прозрачной, так и непрозрачной семантики, а также ее устойчивостью. Большинство ФЕ можно семантически разделить на компоненты, на которые проецируются конкретные значения, вытекающие из буквальных эквивалентов устойчивой единицы. Проецирование может быть регулярным и ожидаемым, если учитывать семантику ФЕ и возможность её перевода с помощью неидиоматического эквивалента, или же оно может быть менее предсказуемым и зависеть от контекста употребления в тексте. Таким образом, мы можем говорить о системной индивидуализации компонентов ФЕ, которая проявляется в том, что части ФЕ используются независимо от канонических базовых форм. Каждый случай проявления таких индивидуализированных значений также является примером аллюзии, поскольку в каждом из них, какой бы прямой и очевидной ни была отсылка к базовой форме, значение устанавливается – синхронно или диахронно – на основе семантики исходной единицы. Связь между полными ФЕ и их компонентами часто отражается в специализированных словарях, где компонентам придается самостоятельный статус и они приводятся как самостоятельные единицы или с опциональными элементами, которые можно рассматривать как полные ФЕ.

Индивидуализация служит в первую очередь цели конкретизации референции. Благодаря тому, что компоненты ФЕ имеют более или менее самостоятельные значения, автор еще больше расширяет метафорическое описание своей субъективной реальности. Полные ФЕ, поддающиеся индивидуализации, служат семантическими основами, к которым так или иначе относятся компоненты. Однако их нельзя свободно использовать в

канонической форме для обозначения всех возможных референтов. Дальнейшая конкретизация достигается за счет модификации элементов ФЕ, в основном именных частей речи, которые имеют конкретные референты и могут приобретать дополнительные уточнения в процессе. Таким образом, процесс индивидуализации компонентов ФЕ открывает возможности для использования большего количества лексических средств, чем те, которые предоставляет устоявшаяся фразеология в своей канонической форме.

Разнообразные трансформации в форме ФЕ вовлекают читателя в процесс идиоматического чтения различных, непохожих друг на друга форм: одни из них бросаются в глаза, поскольку их легко распознать, если обратиться к наиболее устоявшимся формам, другие – потому что при поверхностном рассмотрении они не так очевидны. Авторы масс-медийных публикаций демонстрируют способность использовать лексическую неоднородность, а также разнообразить рассматриваемую категорию за счет актуализации. Скорее всего, они задействуют все потенциальные стратегии репрезентации ФЕ, что становится очевидным при идиоматически ориентированном прочтении. Если читать между строк, где идиоматичность не так очевидна, можно обнаружить больше ФЕ, чем кажется на первый взгляд, если только читатель не захочет копнуть глубже. Однако не стоит забывать, что идиоматичность нужно рассматривать не только с точки зрения субъективного ощущения, что за неидиоматичным языком может скрываться идиоматичность.

Доминирующим пространством функционирования модифицированных устойчивых единиц, как показывает анализ материала, выступает медийный дискурс качественной и массовой прессы, аккумулирующий более 45 % от общего объема исследованной выборки. Журналистский текст, функционируя в условиях высокой информационной плотности и жесткой конкуренции за внимание адресата, требует от автора постоянного и радикального обновления экспрессивного арсенала, преодоления автоматизма восприятия и деконструкции клишированных

языковых кодов [Barta 2006; Carter 2004; Urban 2009]. Именно в медийном регистре фиксируются максимальные показатели реализации таких сложных и емких когнитивных процедур, как лексико-грамматическая субституция и усечение состава ФЕ.

Ярким примером функционирования окказиональных трансформаций в британской прессе выступает контекст из газеты *Daily Mirror*:

(52) “*To be honest, I’m falling out of romantic love with him*” (*Daily Mirror* 2006, March, 2).

Высокая концентрация подобных субституций в таблоидном и качественном газетном регистре объясняется необходимостью мгновенного эмоционального подключения аудитории. Замена предложного компонента в структуре базового инварианта *to fall in love* позволяет автору емко упаковать новое, усложненное психологическое состояние в привычную для массового читателя синтаксическую модель. Специфика данного дискурсивного регистра заключается в прагматической установке на интимизацию повествования, когда сугубо личные переживания персонажей светской хроники облекаются в лингвокреативные дериваты, разрушающие автоматизм восприятия узуального знака.

Аналогичный прагматический механизм деконструкции конвенционального фрейма прослеживается в публикациях этой же газеты при описании социальных ролей, брачных институтов и автономии личности:

(53) “... *the moment a man puts a ring on my finger, my life’s gone steep downhill. I like being on my own and independent*” (*Daily Mirror*, 2008, May, 19).

Столкновение фраземного фрейма брака (*to put a ring on someone’s finger*) с контрастным метафорическим вектором движения вниз (*to go downhill*) наглядно демонстрирует, как медийный дискурс адаптирует абстрактные языковые знаки под выражение острых, индивидуально-авторских оценок. В рамках массовой прессы данная деконструкция выступает как инструмент экспрессивной прагматической адаптации: конвенциональный «суммарный образ» брака как блага намеренно

разрушается автором ради экспликации идеи потери личной свободы, что мгновенно считывается целевой аудиторией издания.

Прагматический потенциал усложненных авторских суждений в медиасреде находит свое выражение также в манипулятивных стратегиях качественных изданий, ориентированных на генерацию скрытых смысловых подтекстов. Обратимся к контексту из газеты *Daily Mail*:

(54) “*Cheryl Cole has always said she had a ‘great chemistry’ with Will.i.am in the recording studio, but could it be that her bond with the singer has made the move from professional to personal?*” (*Daily Mail*, 2010, November, 13).

В данном случае медийный дискурс оперирует механизмом синтагматического расширения состава ФЕ. Внедрение атрибутивного спецификатора *great* в структуру устойчивой коллокации *chemistry* и последующее дистантное текстовое развертывание (*move from professional to personal*) позволяют автору уйти от сильных, явных импликатур и перенести ответственность за интерпретацию скрытого намека на самого читателя. Это отвечает базовой прагматической задаче качественной прессы — вовлечь адресата в сотворческую интеллектуальную деятельность по распаковке сенсационного подтекста.

Искусствоведческий, критический и театральный дискурс (представленный рецензиями и обзорами на страницах еженедельников уровня *Village Voice*) демонстрирует принципиально иную структурно-семантическую избирательность и тяготеет к процедурам окказионального расширения состава ФЕ и глубокого концептуального блендинга. В рамках критических эссе индивидуально-авторское переформулирование подчинено не прагматическим целям сухой информационной компрессии, а задачам масштабной образной детализации, психологизации повествования и создания сложных, многомерных эстетических эффектов [Арутюнова 1990; Филиппов 2003; Cook 1994].

Так, при анализе контекста (55) “*Stephin’s group choreography is excellent. He knows how to stage informal gatherings, to individualize unison, and*

to make counterpoint relaxed... Ensemble patterns develop in sophisticated, eye-catching ways” (*Village Voice*, 2008, Jan., 17) становится очевидно, что масштабное текстовое развертывание исходного терминологического сочетания *group choreography* служит целям рематического выдвижения скрытых зон концептуального фрейма хореографии. Каждое новое синтаксическое звено выступает здесь как экспрессивный спецификатор, переводящий техническое понятие в плоскость живого эстетического описания, где конвенциональные представления о жестком сценическом рисунке (*unison, counterpoint*) трансформируются под воздействием окказиональных атрибутов *informal, relaxed, casual*. Критический дискурс, таким образом, использует модификацию как инструмент переориентации концептуального домена знака [Стати 2007; Филлмор 1982].

Использование сложных четырехпространственных моделей фраземного блендинга в искусствоведческих статьях служит целям преодоления линейной природы языка, упаковывая в единую гибридную форму разветвленные авторские суждения. Ярким примером выступает пассаж, описывающий статус музыканта через окказиональную структуру:

(56) “*He may sit merrily and at one time on two benches... let’s try to reveal his unique kind of sitting on the American pop-bench*” (*Village Voice*, 2009, June, 19).

Здесь в пространстве бленда происходит скрещивание элементов конвенциональной идиомы *to sit on two stools* (сидеть на двух стульях) и свободного концептуального домена *American pop-bench* (американская поп-сцена). Искусствоведческий дискурс намеренно усложняет деривационную модель: образ упорного, методичного труда музыканта (*an everyday sort of genius*) полностью переориентирует бленд, порождая эмерджентный смысл уникальной способности занимать лидирующие позиции в индустрии, что требует от адресата привлечения широких фоновых и интеркультурных знаний для успешной интерпретации текста [Фоконнье, Тёрнер 1998; Тёрнер 1996].

Интернет-дискурс и оперативная таблоидная пресса сенсационного характера (например, газета *The Sun*), характеризующиеся своей синкретичной, устно-письменной природой и высокой скоростью обновления речевых кодов, демонстрируют выраженную тенденцию к использованию игровых процедур, среди которых лидирует тотальная буквализация фразеологического значения ФЕ и паремий. Модифицированные ФЕ в интернет-коммуникации часто выполняют людическую (игровую) функцию. Авторы публикаций мгновенно деконструируют узуальные ФЕ, стремясь вызвать быстрый эмоциональный отклик интернет-аудитории при минимальных когнитивных усилиях на декодирование за счет опоры на широкий ситуативный и визуальный контекст [Чернявская 2006; Почепцов 1976; Сусов 2009].

Это наглядно подтверждается следующим контекстом:

(57) *“It’s mostly been raining birds and fish! First, it was reported that fish rained... And now it seems the wacky weather has swept over the UK too” (The Sun 2010, December, 23).*

Шоковое разрушение узуальных ожиданий читателя (базовой паремии *it’s raining cats and dogs*) и принудительное переключение внимания на денотативное, буквальное прочтение лексем под воздействием сообщений о природных аномалиях мгновенно захватывает внимание аудитории. Данный регистр дискурса не требует глубоких интертекстуальных разысканий: буквализация работает как экспрессивный аттрактор внимания в условиях быстрого, фатического медиапотребления, превращая устойчивую метафору в пугающий и интригующий образ реального природного катаклизма.

В рамках этого же оперативного регистра функционирует и механизм прагматического обыгрывания глагольно-объектных идиом с жесткой структурой, где буквализация совмещается с синтаксическими сдвигами:

(58) *“The drum was thrown right back at him by an enraptured audience... the controversial singer had been beating the drum for an hour” (The Star, 2008, April, 23).*

Попытка пассивизации и инверсии идиомы *to beat the drum for someone* приводит к столкновению переносного значения (пиар, шумиха) и буквального физического действия исполнителя на сцене. Массовый дискурс музыкальной критики использует этот прием для генерации трагикомического, иронического пафоса, разрушая устоявшийся автоматизм фразеологического кода и транслируя скепсис журналиста по отношению к поведению скандального исполнителя.

Таким образом, анализ регистровой дистрибуции и детальное моделирование контекстов подтверждают гипотезу исследования о глубокой дискурсивной обусловленности лингвокреативной деятельности субъекта. Каждая процедура модификации ФЕ жестко детерминирована прагматическими задачами конкретного регистра общения: медийный регистр качественной прессы ориентирован на скрытое кодирование подтекста и управление импликатурами; искусствоведческий дискурс — на концептуальное усложнение и развертывание фреймовых зон; а массовый таблоидный и интернет-дискурс — на фатическую аттракцию внимания посредством тотальной буквализации значений.

3.2. Прагматические функции модифицированных ФЕ в процессах интенсификации экспрессивности текста

Фразеологические модификации характеризуют использование фразеологии в языке разнообразных дискурсивных жанров. В этом случае одна из функций литературного языка — отход от общепринятой фразеологической нормы. ФЕ становятся главной мишенью для авторов, которые бросают вызов формальной и семантической идиоматической устойчивости. Модификации — это стилистическая новизна, которая подчеркивает уникальность текста и придает ему самобытность. Их можно рассматривать с точки зрения декоративной функции, но в любом случае они функциональны, если используются намеренно, а не случайно. При

обсуждении модификаций необходимо по формальным, семантическим и стилистическим причинам вернуться к каноническим формам, которые, как уже отмечалось, являются отправной точкой для анализа как канонических, так и неканонических форм ФЕ.

Первая функция модификаций, которую осознают читатель, заключается в том, чтобы нарушить привычное использование устойчивых выражений. Это происходит, когда читатель сталкивается с ненормативной формой при чтении текста, построенного по стандартным идиоматическим правилам, с идиоматической новизной, которую приходится соотносить со своим собственным идиоматическим лексиконом. Некоторые модификации могут рассматриваться как часть своего идиоматического лексикона, поскольку в нем наряду с устоявшимися формами представлены различные модификации в виде шаблонов или актуализаций. Тем не менее, их следует считать отклонениями, поскольку они, так или иначе, уводят от привычного и часто повторяющегося в сторону необычного и уникального.

Можно сказать, что каждая модификация идет вразрез со стереотипным мышлением. Однако степень неожиданности может быть разной, и она зависит от типа модификации и индивидуальных идиоматических ожиданий. Некоторые типы модификаций, такие как идиоматическая аллюзия и идиоматический палимпсест, выбивают читателя из привычной идиоматической колеи, но в то же время освобождают его от оков механического идиоматического чтения, побуждая максимально использовать свои способности к идиоматической интерпретации.

Функции модификации можно условно разделить на два основных типа: грамматические и семантические. К первому типу относятся ФЕ, форма которых синтаксически подстраивается под контекст, но значение при этом не меняется. Ко второму типу относятся модификации, в процессе которых значение ФЕ меняется в зависимости от контекста или которые направлены на обеспечение стилистической связности и цельности текста. Первый тип, пожалуй, представляет меньший интерес, поскольку модификации, которые

он подразумевает, на практике являются техническими экспериментами, направленными на изучение степени грамматической гибкости ФЕ в зависимости от требований, предъявляемых структурой текста. Однако не все грамматические изменения не затрагивают семантику. Грамматические модификации обычно обусловлены системной открытостью ФЕ, поэтому можно сказать, что они демонстрируют потенциальные формальные парадигмы ФЕ, но иногда выходят за их рамки, расширяя сами парадигмы.

Функционирование окказионально трансформированных ФЕ в различных регистрах современного англоязычного дискурса сопряжено с реализацией сложного, иерархически организованного комплекса прагматических задач. Все они направлены на преднамеренное, интенциональное изменение перцептивных и суггестивных характеристик речевого сообщения с целью оказания направленного воздействия на когнитивную сферу адресата [Картер 2004; Спербер, Уилсон 1986]. Поскольку каноническая, конвенционально фиксированная в лексикографических источниках ФЕ сама по себе обладает стабильным, предсказуемым и воспроизводимым экспрессивным потенциалом, ее многократное и стереотипное появление в ткани дискурса в неизменном виде со временем неизбежно приводит к деактуализации образного компонента [Кунин 1996; Телия 1996].

Происходит так называемое «стирание» или угасание внутренней метафоры, автоматизация речевого восприятия знака и потеря им людической и прагматической ценности [Алефиренко 2008; Баранов, Добровольский 2008]. Индивидуально-авторская модификация структуры, синтагматических границ и глубинного семантического содержания инварианта ФЕ выступает в данных условиях наиболее действенным и реактивным инструментом преодоления речевой рутины. Она переводит конвенциональный языковой код в плоскость актуального, однократного лингвокреативного моделирования, активирующего латентные зоны

ментального лексикона принимающей стороны [Болдырев 2020; Кубрякова 2004; Романова 2012].

На основе сопоставления, критического переосмысления и интеграции разноплановых материалов эмпирического исследования, описывающих практический потенциал речевых девиаций, были выделены и теоретически систематизированы три ключевые прагматические функции модифицированных фразеологических единиц. Именно они обеспечивают сквозную интенсификацию экспрессивности, оценочности, эмотивности и воздействующего потенциала современного текста:

Людическая функция в процессах преодоления автоматизма восприятия. Людическая функция заключается в намеренном, планируемом создании автором ситуации когнитивного диссонанса, смысловой аномалии и «языковой игры» с целью генерации юмористического, комического, сатирического или остроиронического эффектов в ткани повествования. В основе реализации данной функции лежит прагматическое управление вниманием адресата через демонстративное, явное разрушение его конвенциональных ожиданий. Читатель, фиксируя поверхностную структурно-семантическую девиацию ФЕ, сталкивается с невозможностью мгновенного, автоматического и бессознательного прочтения знака.

Сознание адресата, настроенное контекстуальным окружением на извлечение узуального, хранящегося в долговременной памяти «суммарного образа», принудительно переключается на анализ окказионального «однократного образа», испытывая специфическое интеллектуальное удовлетворение от процесса успешного декодирования скрытых смыслов и распаковки интертекстуальной загадки [Лангакер 1987; Попова, Стернин 2007; Сусов 2009].

Особенно ярко людический и иронический потенциал раскрывается в процедурах тотальной контекстуальной буквализации значения паремиологических единиц и устойчивых выражений. Обратимся к детальному пошаговому анализу эмпирического контекста из британской

прессе сенсационного характера, посвященного аномальным климатическим явлениям:

(59) *“It’s mostly been raining birds and fish! First, it was reported that fish rained from the sky for TWO DAYS in Lajamanu, Australia. And now it seems the wacky weather has swept over the UK too...” (The Sun, 2010, July, 14).*

В данном текстовом фрагменте классический стилистический прием языковой игры достигает наивысшей прагматической плотности и получает строгое когнитивное обоснование. Автор берет за деривационную основу каноническую английскую поговорку *it’s raining cats and dogs*, семантика которой в узуальном состоянии является абсолютно некомпозиционной, денотативно подавленной и выражает абстрактную, стертую идею сильного ливня [Виноградов 1977; Кунин 1967]. Оказиональная лексическая субституция ядерных анималистических компонентов (*cats and dogs* → *birds and fish*) полностью переворачивает всю архитектуру восприятия знака.

Под воздействием дистантного физического и событийного контекста (реальные репортажи о падении фауны с неба в Австралии и Сомерсете) происходит мгновенный когнитивный сбой: метафора оживает, и устоявшийся фразеологический код начинает восприниматься адресатом буквально, на уровне первичных словарных значений лексем [Гак 1998; Шведова 1984].

Происходит сложный процесс фреймового выравнивания: мозг читателя вынужден подавить метафорический домен интенсивных осадков и активировать прямой денотативный домен реального падения биологических объектов из облаков [Минский 1975; Моторина 2015]. Людический эффект смысловой двуплановости в данном случае служит мощным прагматическим средством аттракции и удержания внимания интернет-аудитории. Он превращает стандартное синоптическое сообщение в интригующий, экспрессивный и суггестивный текст, минимизируя когнитивные усилия на интерпретацию за счет шокового столкновения образов [Спербер, Уилсон 1986; Картер 2004; Urban 2009].

Модификация ФЕ может также быть направлена на порождение юмористического эффекта. Лингвистический юмор, возникающий при контекстуальном использовании ФЕ, обусловлен изменением их устоявшейся формы. Фактически, любую модификацию можно рассматривать как юмористическую игру слов (хотя чаще всего это игра слов, которые являются компонентами ФЕ). Это верно в той мере, в какой юмористический эффект возникает из-за того, что можно обозначить как «ошибочные ожидания», т.е. из-за несоответствия между привычным для реципиента использованием устоявшихся ФЕ (как в формальном, так и в семантическом аспекте) и текстовыми проявлениями, которые разрушают нормативные представления о ФЕ. С одной стороны, выделяются юмористические модификации, которые представляют собой бессмысленную игру слов, и модификации, цель которых заключается в том, чтобы высмеять экстралингвистические референты.

Юмор возникает в результате аддитивных модификаций, которые являются самыми простыми формальными изменениями, а также более сложных модификаций, таких как контаминация, дефразиологизация и эллипсис. Однако юмористический эффект – не единственный и даже не самый очевидный аспект модификации ФЕ, и он не связан напрямую с удивлением, которое она может вызвать, или с оригинальностью, на которую указывает такая модификация. Более того, юмористическое использование ФЕ не обязательно связано с поверхностными модификациями и может быть обусловлено многозначностью и омонимией компонентов идиомы. Ни одна модификация или тип модификации сами по себе не вызывают юмористический эффект, что свидетельствует о многофункциональности модификации ФЕ.

Игра с ФЕ субъективно воспринимается читателями по-разному, и реакция на ту или иную модификацию может быть самой разнообразной. То, что для одного является системным и банальным с точки зрения фразеологии, для другого может быть в высшей степени креативным и

забавным, проявлением лингвистической изобретательности автора, свидетельством его остроумия.

Осознание идиоматического изоморфизма конструктивно в процессе создания шуточных модификаций, в которых двусмысленность и каламбуры предполагают творческое использование множественных референций. Однако неизоморфные идиомы также могут подвергаться модификациям, которые приводят к эквивокации. Юмористическое использование идиом можно проиллюстрировать примерами, в которых употребление ФЕ обусловлено (не)совместимостью экстралингвистической реальности и буквальной интерпретации формы этих единиц. Это наблюдается в результате релитерализации компонентов ФЕ, при которой им не обязательно одновременно приписывается независимое значение, что демонстрирует их кажущуюся бесполезность в контексте использования. Ср.:

(60) *“If he had had hands, he would have rubbed them” (The Sun, 2011, February, 1);*

(61) *“If you were not losing your hair I’d tell you to let it down” (Daily Mirror, 2010, December, 24).*

Приведённые высказывания демонстрируют осведомлённость автора о возможности анализа ФЕ, его склонность к игре слов, позволяющей использовать их для создания комического эффекта, а также к использованию несоответствия для высмеивания референта, как в (61). Кроме того, автор без стеснения акцентирует внимание на физических деталях контекста, что демонстрирует не только возможность, но и необходимость модификации ФЕ.

По сути, все модификации можно считать юмористическими, поскольку они в целом нарушают ожидания, связанные с использованием устойчивых единиц. Юмор достигается в равной степени за счет канонического и неканонического использования ФЕ, и каждый тип модификации теоретически может быть использован для создания комического эффекта, хотя дефразологизация как канонических, так и

неканонических идиом, по-видимому, является основным источником юмора в проанализированных масс-медийных текстах.

Экспрессивно-оценочная и прагматически адаптирующая функция индивидуально-авторских дериватов. Данная функция направлена на высокоточную подстройку семантического инварианта ФЕ под уникальные идеологические, эмоциональные, ситуативные или психологические координаты конкретного дискурсивного произведения. Узуальная идиома в силу своего конвенционального, надындивидуального характера зачастую выражает слишком абстрактное, обобщенное и концептуально «размытое» значение, не способное передать тончайшие оттенки субъективного смысла. Направленная окказиональная модификация состава позволяет автору оперативно внедрить в структуру знака маркеры конкретной, узкопредметной сферы, выражая глубоко индивидуальное отношение к описываемым фактам окружающей действительности [Карасик 2004; Стернин 2001; Филиппов 2003].

Этот механизм прагматической адаптации и интенсификации субъективной оценки наглядно иллюстрируется контекстом из светской хроники качественного издания:

(62) *“To be honest, I’m falling out of romantic love with him” (Daily Mirror, 2006, January, 22).*

Исходная глагольно-объектная фразеологическая единица *to fall in love* в ментальном лексиконе носителей языка кодирует устоявшуюся, базовую когнитивную модель влюбленности, опирающуюся на пространственный образ-схема «Вместилище» [Лакофф 1987, 2004]. Заменяя пространственный предлог *in* на его таксономический антоним направления *out of* и инкорпорируя в номинативную группу семантически автономный спецификатор *romantic*, автор решает задачу глубокой психологизации текста и преодоления банальности речевого штампа [Стати 2007; Медникова 1974]. Окказиональный дериватив *falling out of romantic love* выражает не просто механическое прекращение отношений или сухой факт расставания; он

кодирует детально очерченное, драматическое состояние постепенного, осознанного угасания именно романтического чувства, совершая точечную фокальную корректировку базового концепта [Лангакер 1991; Нагорная 2010].

Аналогичный экспрессивно-оценочный потенциал с ярко выраженным ироническим и социально-критическим пафосом реализуется в сопряженном контексте этой же газеты:

(63) “... *the moment a man puts a ring on my finger, my life’s gone steep downhill. I like being on my own and independent*” (*Daily Mirror*, 2008, March, 29).

Старая стилистическая концепция «выражения авторского скепсиса по отношению к браку» здесь получает свое полное объяснение через когнитивное разрушение фрейма традиционного брачного союза. Автор намеренно сталкивает конвенциональный, одобряемый обществом образ брака как абсолютного социального блага (*to put a ring on my finger*) с деструктивным метафорическим доменом физического падения тела под гору (*to go downhill*) [Баранов, Добровольский 2008; Ковшова 2012].

Экспрессивная функция здесь работает на радикальное разрушение социальных стереотипов: встраивание окказионального атрибута *steep* (крутой, опасный спуск) переориентирует весь фразеологический профиль знака, превращая его в инструмент жесткой иронии, манифестации личной автономии и независимости [Телия 1996; Урбан 2009]. Ментальная энергия читателя расходуется на преодоление когнитивного барьера несовместимости фреймов «свадьба» и «крах жизни», что приводит к мощному перлокутивному эффекту воздействия [Заботкина 2013; Кравченко 2004].

Компрессивная (конденсирующая) функция и капсуляция макросмыслов текста. Компрессивная функция модифицированных фразеологических единиц обеспечивает максимальное свертывание сложных, многомерных авторских суждений, макроструктур целого текста и

интертекстуальных фоновых знаний в рамки одной компактнойokkaзиональной структуры ФЕ. Обладая кумулятивным, аккумулирующим свойством, трансформированная единица выступает в ткани дискурса в качестве емкой смысловой «капсулы». Приращение дополнительных экспрессивных смыслов в ней происходит за счет одновременной актуализации скрытых подтекстов, экономии языковых ресурсов и минимизации линейного развертывания аргументации [Пташник 2007; Филиппов 2003; Черемисина 1965].

Прагматический потенциал информационной компрессии и конденсации смыслов отчетливо прослеживается в ситуациях, когда буквализация значения совмещается с принудительной синтаксической деструкцией знака в критическом газетном дискурсе:

(64) *“The drum was thrown right back at him by an enraptured audience. Reports suggested the crowd was furious after the controversial singer had been beating the drum for an hour...” (The Sun, 2010, January, 5).*

В рамках традиционного стилистического анализа этот пример описывался поверхностно – как «реализация двуплановости повествования и игра слов». Когнитивно-прагматическое моделирование позволяет доказать, что пассивизация, инверсия и буквализация идиомы *to beat the drum for someone* (яростно рекламировать, раздувать шумиху, создавать пиар) приводят к синкретичному свертыванию двух параллельных сюжетов: абстрактного медийного пиара исполнителя и реального физического действия на сцене, когда в скандального певца летит настоящий музыкальный инструмент.

Автор статьи полностью отказывается от развертывания длинных критических пассажей, описывающих провал концерта и ярость публики; он компрессирует всю сложную макроструктуру события в одну форму ФЕ [Спербер, Уилсон 1986; Грайс 1975]. Происходит когнитивное наложение ментальных образов: узуальный суммарный образ пиара сталкивается с однократным образом физической агрессии толпы [Лангакер 1987].

Генерируемый трагикомический пафос maximизирует объем контекстуальных эффектов, позволяя автору экономно расходовать языковые ресурсы и осуществлять точечное прагматическое воздействие на когнитивную сферу адресата [Арсентьева 2006; Вальтер, Мокиенко 2005].

Таким образом, прагматический потенциал модифицированных фразеологических единиц в современном английском дискурсе носит глубоко дифференцированный и системный характер. Через синкретичную реализацию людической, экспрессивно-оценочной и компрессивной функций окказиональные ФЕ выступают мощным средством интенсификации экспрессивности текста. Они позволяют авторам успешно преодолевать клишированность узуса, экономно расходовать речевые ресурсы и осуществлять направленное суггестивное воздействие на когнитивную сферу воспринимающего субъекта.

3.3. Реализация теории релевантности: управление балансом когнитивных усилий адресата через систему имплицатур

Анализ прагматического потенциала окказионально модифицированных фразеологических единиц в современном английском дискурсе с неизбежностью требует обращения к универсальным законам речевого взаимодействия, ключевым из которых выступает презумпция оптимальной релевантности [Спербер, Уилсон 1986]. В реальном пространстве коммуникации производство и восприятие лингвокреативных дериватов ФЕ представляют собой высокодинамический процесс установления баланса между объемом порождаемых текстом контекстуальных эффектов и количеством ментальных (когнитивных) усилий, затрачиваемых адресатом на их корректное декодирование [Блейкмор 1992; Кук 1994; Халлидей, Хасан 1976; Лич 1981].

Прибегая к целенаправленному изменению поверхностной формы или глубинного семантического инварианта узуального знака, автор

осуществляет высокоточное прагматическое управление когнитивной деятельностью читателя через иерархическую систему сильных и слабых импликатур [Грайс 1975; Спербер, Уилсон 1986]. Любое окказиональное переформулирование устойчивого знака неизбежно нарушает базовые конвенциональные ожидания носителей языка, что влечет за собой перестройку всей архитектоники речевосприятия и требует от адресата привлечения дополнительных ментальных ресурсов для успешного извлечения заложенных автором смыслов [Болдырев 2020; Лангакер 1987; Почепцов 1976].

В рамках интеграции и концептуального слияния материалов исследования, описывающих прагматику скрытых смыслов, «авторских намеков» и латентных интенций, данная механика находит свое полное теоретическое и эмпирическое обоснование. В условиях реального функционирования качественной и массовой прессы авторы часто намеренно отказываются от сильных, эксплицитных импликатур, жестко детерминированных контекстом, в пользу разветвленной сети слабых импликатур, которые не контролируются адресантом в полной мере, но существенно обогащают суггестивный, людический и эстетический потенциал текста [Карасик 2004; Чернявская 2006]. Кодирование информации на основе слабых импликатур переносит значительную часть ответственности за выбор контекстуальных допущений на принимающую сторону, вовлекая читателя в активную сотворческую деятельность по распаковке латентных интертекстуальных подтекстов [Кибрик 2009; Халеева 1989; Наттингер, ДеКаррико 1992].

Процесс прагматического кодирования, таким образом, разворачивается внутри взаимно манифестируемого когнитивного окружения, стремящегося стать общим для говорящего субъекта и его адресата, при этом эффективность коммуникативного акта напрямую зависит от того, насколько точно автор рассвертывает когнитивные затраты своей целевой аудитории [Сусов 2009; Филиппов 2003; Спербер, Уилсон 1986].

Для глубокого понимания этой механики необходимо детально рассмотреть саму природу контекстуального когнитивного окружения. Как подчеркивают исследователи прагматического потенциала дискурса, когнитивная среда представляет собой динамический набор допущений, доступных сознанию индивида в определенный момент времени [Блейкмор 1992; Спербер, Уилсон 1986]. Когда автор внедряет в ткань повествования трансформированную фразеологическую единицу, он искусственно видоизменяет это окружение, вводя в него элементы информационной избыточности или, напротив, когнитивные лакуны. В этот момент запускается механизм аттракции внимания адресата, преодолевающий речевую рутину [Картер 2004; Почепцов 1976].

Успешность интерпретации окказионального знака напрямую зависит от соблюдения фундаментального уравнения теории релевантности: прагматическая ценность высказывания прямо пропорциональна объему порожденных контекстуальных эффектов и обратно пропорциональна объему ментальной энергии, затраченной на их обработку [Спербер, Уилсон 1986; Лич 1981].

Проиллюстрируем этот сложный, многоуровневый механизм прагматического управления когнитивными усилиями адресата и распределения ментальной энергии на примере контекста из британской массовой прессы, посвященного скрытым межличностным отношениям публичных персон:

(65) *“Cheryl Cole has always said she had a ‘great chemistry’ with Will.i.am in the recording studio, but could it be that her bond with the singer has made the move from professional to personal?” (Daily Mail, 2010, February, 18).*

В рамках классического структурно-стилистического анализа, применявшегося в более ранних лингвистических парадигмах, данный пример традиционно квалифицировался как «прием создания интригующего подтекста, намека и реализации стилистического потенциала скрытой оценки». Когнитивно-прагматическое моделирование позволяет вскрыть

глубинную ментальную механику данной речевой стратегии и существенно расширить понимание процессов текстопорождения.

Деривационной базой высказывания выступает устойчивое коллокационное сочетание *chemistry between people* (взаимное притяжение, «химия» между людьми), извлекаемое из узуального фонда языка [Мельчук 1995; Коуи 1998]. В ментальном лексиконе носителей английского языка данная единица репрезентирует устойчивую идеализированную когнитивную модель, описывающую иррациональное, эмоциональное притяжение между субъектами [Лакофф 1987; Моторина 2015].

Автор статьи осуществляет целенаправленное синтагматическое расширение структуры ФЕ за счет введения количественного спецификатора *great* и последующего развертывания дистантного текстового комментария *made the move from professional to personal*. С позиции теории релевантности, этот шаг направлен на намеренное усложнение процесса декодирования информации адресатом с целью генерации специфических контекстуальных эффектов [Спербер, Уилсон 1986].

Проведем пошаговый микроскопический анализ когнитивных операций, протекающих в сознании адресата при восприятии данного пассажа. На первой фазе читатель фиксирует графические маркеры — кавычки вокруг словосочетания '*great chemistry*'. В терминах прагматики текста, этот метатекстовый оператор выполняет функцию эксплицитного сигнала о деактуализации стандартного, автоматического прочтения знака. Кавычки переводят ФЕ в статус рефлекслируемого объекта, сигнализируя о наличии скрытой интенции автора [Картер 2004; Urban 2009].

На второй фазе происходит мгновенный запуск ассоциативного поиска в долговременной памяти адресата. Возникает феномен распространения возбуждения по нейросетевым каналам ментального лексикона: узуальное значение «творческого взаимопонимания в студии» (*in the recording studio*) вступает в конфликт сokkaциональным атрибутом *great* [Виноградова 2014; Витковская 2012; Заботкина 2013]. Лексема *great* в данном контексте

выступает не просто как интенсификатор объема, а как семантически автономный спецификатор, переводящий абстрактную коллокацию в сильную, эмоционально заряженную позицию [Стати 2007; Медникова 1974].

На третьей фазе когнитивного цикла адресат сталкивается с дистантным предикативным комплексом *made the move from professional to personal*. Именно здесь разворачивается основное прагматическое управление балансом когнитивных усилий. Журналист издания *Daily Mail*, строго просчитывая апперцептивный потенциал своей аудитории, сознательно избегает прямых, сильных и юридически ответственных утверждений о наличии романтической связи между персонажами светской хроники. Прямое утверждение сформировало бы сильную импликатуру, минимизировав многозначность, но лишив текст интриги. Вместо этого автор вводит вопросительную конструкцию *could it be that...*, которая выполняет функцию когнитивного триггера.

Автор полностью переносит ответственность за выбор контекстуальных допущений на самого читателя [Спербер, Уилсон 1986; Грайс 1975]. Сознание адресата вынуждено совершить сложную ментальную операцию – умозрительно наложить «новый однократный образ» возможного тайного романа на конвенциональный «суммарный образ» сугубо рабочего, студийного сотрудничества [Лангакер 1987, 1991]. Затрата дополнительных единиц ментальной энергии адресата в данном речевом акте полностью окупается получением интеллектуального удовлетворения от самостоятельного вывода скрытого смысла, что порождает максимальный объем контекстуальных эффектов и делает коммуникацию высокорелевантной в рамках макроструктуры медиадискурса [Лич 1981; Филиппов 2003; Wray 2002].

Полярный по своей жанрово-стилистической и прагматической установке, но идентичный по глубинной когнитивной механике процесс управления импликатурами прослеживается в специализированном искусствоведческом, критическом и театральном дискурсе, где авторы

прибегают к сложнейшим процедурам концептуального слияния (блендинг-анализа) различных инвариантов ФЕ для конденсации многомерных экспертных оценок в рамках одного высказывания. Обратимся к детальному пошаговому анализу пассажа из американского еженедельника, посвященного разбору творческого метода музыканта:

(66) *“He may sit merrily and at one time on two benches... let’s try to reveal his unique kind of sitting on the American pop-bench” (Village Voice, 2009, September, 19).*

В старых черновиках работы данный текстовый фрагмент квалифицировался как «развернутая стилистическая контаминация, метафоризация образа и авторское словотворчество в критическом эссе». В рамках скорректированной, монографически расширенной когнитивно-дискурсивной модели этот прецедент предстает как сложнейшая эмерджентная смысловая структура, возникшая в результате нелинейной интеграции двух разнородных ментальных пространств. Проведем подробную четырехпространственную реконструкцию данной ментальной операции на основе методологии концептуальной интеграции [Фоконнье, Тёрнер 1998; Тёрнер 1996].

Исходное пространство 1 представлено конвенциональной, укорененной в английском языке идиомой *to sit on two stools* (сидеть на двух стульях). В ментальном лексиконе носителей языка данный узел ментальной сети прочно ассоциируется с концептуальным доменом «Нерешительность, двойственность позиций, оппортунизм, попытка усидеть на двух местах одновременно», несущим в себе выраженную негативную, порицающую оценку социума [Кунин 1996; Словарь Оксфорд 2004].

Исходное пространство 2 формируется свободным концептуальным представлением об *American pop-bench* (американская поп-скамья / поп-сцена). Этот домен активизирует целую сеть фреймов и скриптов, связанных с музыкальной индустрией США, шоу-бизнесом, рейтингами популярности,

жанровыми границами и коммерческим статусом исполнителя [Минский 1975; Моторина 2015].

Родовое пространство выступает зоной пересечения и объединения данных пространств. Оно организуется на основе абстрактного, первичного образа-схемы «Физическое сидение субъекта на горизонтальной опоре» (*Sitting on a seat*), выступающего общим лексико-семантическим и синтаксическим ядром для обеих ментальных структур [Лакофф 1987; Лангакер 1987; Talmy 2000].

Интегрированное пространство бленда становится точкой, где происходит непосредственное скрещивание элементов поверхностной структуры и приращение принципиально новых смыслов. Конвенциональный «суммарный образ» порицаемого сидения на двух стульях (*two stools*) сталкивается с целенаправленной окказиональной лексической субституцией компонентов: сначала *stools* → *benches* (скамьи), а затем номинативная группа расширяется до *American pop-bench* [Лангакер 1987; Картер 2004].

Прагматическая функция данного сложного бленда в критическом тексте заключается в тотальном управлении балансом ментальных усилий адресата через активацию разветвленной сети слабых импликатур высшего порядка [Спербер, Уилсон 1986]. Автор критической статьи полностью переносит ответственность за допущения на принимающую сторону. Читатель интеллектуального еженедельника *Village Voice* не может декодировать эту фразу автоматически или поверхностно. Внедряя в ткань повествования окказиональный конструкт *sitting on the American pop-bench* в теснейшей синтагматической связи с описанием характера музыканта как «повседневного гения» (*an everyday sort of genius. Like, he just shows up every day*), критик совершает глубокую фокальную переориентацию узуального кода [Апресян 1995; Гак 1998; Омазич 2007].

Образ гения, который методично, упорно и ежедневно работает (*he's a hard-working guy who just plugs away*), полностью нейтрализует исходную

узуальную негативную семантику идиомы *to sit on two stools*. В пространстве бленда рождается уникальный эмерджентный смысл: способность музыканта прочно, уверенно, стабильно и одновременно занимать лидирующие позиции в двух совершенно разных, кажущихся несовместимыми жанровых нишах американской поп-индустрии, оставаясь при этом нормальным, трудолюбивым профессионалом.

Для извлечения этого контекстуального эффекта адресат обязан запустить сложный компаративный алгоритм, привлекая колоссальный объем фоновых, интертекстуальных и интеркультурных знаний о структуре шоу-бизнеса, американской музыкальной критике и истории поп-музыки конца XX – начала XXI веков [Караулов 1986; Кибрик 2009; Халеева 1989; Pawley, Syder 1983]. Извлечение слабых имплицатур в данном случае требует от воспринимающего субъекта максимального объема когнитивных усилий, однако этот процесс полностью компенсируется высочайшим эстетическим и людическим потенциалом высказывания, переводя текст из категории простого информирования в категорию сложного экспертного дискурса [Cruse 1986; Givon 2001; Jackendoff 2002].

Развертывание данной когнитивной интеграции наглядно демонстрирует феномен когнитивного торможения (*cognitive inhibition*) конкурирующих значений. Мозг читателя в процессе дешифровки структуры *pop-bench* принудительно подавляет стандартные узуальные ассоциации, связанные с политическим или бытовым приспособленчеством, которые изначально заложены в идиоме *to sit on two stools*. Возникает эффект семантической переориентации: ментальная энергия расходуется на преодоление когнитивного барьера несовместимости фреймов «политический оппортунизм» и «музыкальное мастерство».

Этот процесс требует от адресата поэтапной активации фоновых концептуальных доменов, хранящихся в иерархических узлах его культурной памяти [Болдырев 2020; Заботкина 2013; Кубрякова 2004]. Прагматическая ценность такого усложненного кодирования заключается в том, что оно

выводит экспертный искусствоведческий текст на качественно иной уровень суггестивного воздействия, превращая однократную речевую инновацию в емкую смысловую капсулу, фиксирующую уникальные грани творческой личности [Романова 2012; Стернин 2001].

Таким образом, детальное пошаговое когнитивно-прагматическое моделирование процессов функционирования модифицированных фразеологических единиц в различных регистрах современного английского языка убедительно доказывает, что лингвокреативная деятельность автора всегда жестко скоординирована с когнитивными возможностями, ресурсами и апперцептивным потенциалом адресата. Пропорциональное и интенциональное распределение сильных и слабых импликатур позволяет автору либо минимизировать когнитивные затраты читателя для точной и быстрой прагматической оценки в массовой прессе (через сильные импликатуры), либо вовлекать его в активную сотворческую деятельность по распаковке многомерных эстетических подтекстов в художественном и критическом дискурсе (через слабые импликатуры), гибко и эффективно управляя общей архитектурой речевого взаимодействия.

3.4. Когнитивные барьеры и прагматические ограничения в процессах речевосприятия окказиональных ФЕ

Лингвокреативная свобода говорящего субъекта в процессах окказионального переформулирования фразеологических единиц современного английского языка не является абсолютной, безграничной или хаотичной. Она всегда жестко детерминирована когнитивными возможностями адресата по адекватному, беспрепятственному декодированию поступающей информации и ограничена объективными системными параметрами самого фразеологического знака [Болдырев 2020; Кубрякова 2004; Лангакер 1987]. Модифицированная структура ФЕ функционирует в ткани дискурса как диалектическое единство девиации и

инварианта, как динамический баланс нормативной стабильности и индивидуально-авторской вариативности [Баранов, Добровольский 2008; Кунин 1996; Телия 1996]. Если автор в процессе манипулирования формой, синтагматическими границами и семантикой устойчивого знака нарушает объективно существующие прагматические ограничения, в сознании адресата возникают устойчивые когнитивные барьеры [Заботкина 2013; Спербер, Уилсон 1986].

Данные барьеры блокируют нормальное протекание процессов речевосприятия, ведут к деструкции коммуникативного акта и возникновению отрицательного перлокутивного эффекта. В таких условиях речевая инновация полностью теряет свой прагматический, людический или экспрессивный потенциал, перестает распознаваться читателем как проявление индивидуально-авторского стиля и квалифицируется им как незапланированная речевая ошибка или некорректное, ошибочное употребление слова [Алефиренко 2008; Стернин 2001; Сусов 2009].

Основным когнитивным ограничением, обеспечивающим успешность и точность речевосприятия окказиональной ФЕ, выступает безусловное сохранение ее структурно-семантического минимума. Под данным термином в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистики понимается такой предельный, критический набор лексических компонентов и синтаксических связей исходного прототипа ФЕ, который оказывается минимально достаточным для запуска в долговременной памяти адресата психологического механизма апперцепции и извлечения конвенционального «суммарного образа» ФЕ [Виноградова 2014; Витковская 2012; Лангакер 1987]. Процесс пошагового декодирования информации читателем напрямую зависит от его способности осуществить умозрительное компаративное сопоставление производной («новой») и производящей (базовой) форм [Демьянков 2013; Романова 2012].

Если этот баланс нарушен и маркеры инварианта стерты, алгоритм дешифровки блокируется. В ходе анализа обширного эмпирического

материала исследования были выделены, систематизированы и подробно смоделированы три основных типа когнитивных барьеров, вызывающих коммуникативные неудачи при трансформации английских фразеологических единиц в различных регистрах дискурса:

Барьер избыточной деструкции лексического состава (разрушение фраземного ядра). Данный барьер возникает в тех коммуникативных ситуациях, когда автор в процессе лексической субституции замещает ключевые, семантически опорные и ядерные компоненты ФЕ, оставляя в поверхностной структуре текста лишь служебные слова, предлоги или периферийные элементы синтаксической рамки. В такой ситуации адресат полностью лишается знаковых ориентиров для идентификации инварианта. Обратимся к сопоставлению успешных замен из вашего корпуса с гипотетическими деструктивными контекстами.

В прецеденте (67) *“To be honest, I’m falling out of romantic love with him” (Daily Mirror, 2006, February, 26)* замена предлога *in* → *out of* успешна, поскольку лексическое ядро *fall* и *love* сохранено полностью, что позволяет адресату мгновенно запустить механизм апперцепции и извлечь суммарный образ инварианта *to fall in love* [Лангакер 1991; Нагорная 2010; Попова, Стернин 2007].

Однако если автор подвергнет деструкции само лексическое ядро ФЕ, заменив его синонимами, не входящими в жесткую таксономическую связь аналогии внутри конструкционной схемы (например, окказиональный конструкт: *“he decided to chew the pebble and move on”* вместо конвенциональной ФЕ *to bite the bullet*), в сознании адресата возникает непреодолимый когнитивный барьер. Несмотря на то, что синтаксическая модель [глагол + прямое дополнение] полностью сохранена, а лексемы семантически отдаленно синонимичны узуальным компонентам, наложения «нового однократного образа» на конвенциональный инвариант не происходит [Лангакер 1987; Медникова 1974].

Ассоциативная сеть ментального лексикона блокирует трек возбуждения. Адресат не способен восстановить деривационную связь со значением *to bite the bullet* и воспринимает фразу не как проявление лингвокреативности, а как бессмысленный набор слов или грубую лексическую ошибку автора, полностью разрушающую прагматику текста [Спербер, Уилсон 1986; Грайс 1975].

Барьер концептуальной перегрузки (избыточный, нелинейный блендинг). Этот когнитивный барьер фиксируется при чрезмерно сложном, хаотичном или многоуровневом концептуальном слиянии (блендинге) более чем двух ФЕ в рамках одного узкого синтаксического пространства, а также при наложении ФЕ на узкоспециализированный, герметичный контекст. Перенос избыточной ответственности за интерпретацию слабых импликатур на адресата резко увеличивает объем его ментальных и когнитивных усилий, что вступает в прямое противоречие с законом оптимальной релевантности [Спербер, Уилсон 1986].

В успешном примере блендинга (68) “*sitting on the American pop-bench*” (*Village Voice*, 2009, July, 27) интеграция двух пространств (*to sit on two stools* и *pop-bench*) была прагматически эффективна, так как они объединялись общим Родовым пространством на основе первичного образа-схемы сидения [Лакофф 1987; Фоконнье, Тёрнер 1998].

В ситуациях механического, эклектичного столкновения элементов трех и более автономных ФЕ (например, в деструктивных контекстах интернет-дискурса: “*He wanted to kill two birds with one stone but ended up crying over spilled milk in the eleventh hour*”) возникает ситуация концептуального хаоса. Ментальные домены данных идиом (*to kill two birds with one stone*, *to cry over spilled milk*, *at the eleventh hour*) вступают во фреймовый конфликт. Они не способны сформировать единое, логически выверенное родовое пространство [Минский 1975; Тёрнер 1996].

Вместо приращения оригинального эмерджентного смысла читатель сталкивается с жестким барьером концептуальной перегрузки.

Коммуникация признается прагматически неэффективной и полностью провальной, поскольку колоссальные когнитивные усилия адресата по дешифровке и «распаковке» этой перенасыщенной структуры не компенсируются какими-либо значимыми контекстуальными эффектами или людической радостью от понимания текста [Спербер, Уилсон 1986; Филиппов 2003; Cook 1994].

Барьер синтаксической непроницаемости монолитных ФЕ. Данный тип когнитивного сбоя обусловлен игнорированием автором внутренней грамматической и морфосинтаксической организации фразеологического знака. Отдельные разряды английских ФЕ (прежде всего, фразеологические сращения, или ядерные идиомы с абсолютно застывшей семантикой) характеризуются стопроцентной синтаксической монолитностью и непроницаемостью [Виноградов 1977; Кунин 1996]. Попытки принудительной пассивизации, инверсии или расщепления структуры таких единиц приводят к полному и необратимому стиранию их переносного, идиоматического значения.

В успешном прецеденте синтаксической модификации (69) “... *but the ice, once broken by the prime minister, never froze again*” (*The Guardian*, 2024, March, 30) пассивизация глагольно-объектной ФЕ *to break the ice* прошла успешно, так как данная единица относится к разряду фразеологических единств и обладает синтаксической гибкостью, позволяющей изменять фокус внимания адресата (*profiling*) [Лангакер 1987, 1998; Givon 2001].

Однако если подвергнуть аналогичной принудительной пассивизации и инверсии синтаксически монолитную идиому (например, структуру *to kick the bucket* – сыграть в ящик, умереть: «*The historical bucket was finally kicked by the ancient regime*»), фразеологическая семантика знака полностью уничтожается. Конвенциональное значение «умирать» жестко спаяно в ментальном лексиконе исключительно с активной формой глагола и фиксированным линейным порядком слов [Кунин 1996; Арсентьева 2006].

Пассивизация мгновенно переключает восприятие адресата на денотативный, буквальный план слов, который в контексте описания гибели политического режима выглядит абсурдно. Запуск алгоритма декодирования блокируется когнитивным барьером, и трансформация квалифицируется адресатом как грубая речевая девиация.

Таким образом, комплексное когнитивно-прагматическое моделирование барьеров и ограничений доказывает, что успешность функционирования модифицированных ФЕ в современном английском дискурсе подчинена строгому балансу нормативной стабильности и окказиональной вариативности. Намеренное переформулирование ФЕ признается коммуникативно эффективным только в том случае, если автор сохраняет ее структурно-семантический минимум, не перегружает пространство бленда конфликтующими доменами и учитывает степень синтаксической проницаемости знака. Соблюдение данных прагматических ограничений позволяет адресату беспрепятственно преодолевать фазы речевосприятия, извлекая заложенные автором импликатуры при минимальных когнитивных усилиях.

Языковое сознание авторов масс-медийных публикаций по-разному взаимодействует с ФЕ. С точки зрения семантики, активируется потенциал этих единиц для вторичной номинации, извлекается «выгода» из многочисленных смысловых оттенков, которые они привносят в повествование, одновременно стилистически обогащая его. С точки зрения формальной лингвистики, авторы изменяют форму ФЕ, разделяют их на составные части, переставляют их, делят на более мелкие сегменты, собирают по своему усмотрению. ФЕ оказываются очень гибкими, они могут сохранять или менять свои значения, но их характерной чертой всегда остается образность, благодаря которой читатель иногда улавливает их буквальность, необходимую для любого фразеологического анализа. ФЕ – отличный лексический материал для демонстрации журналистского мастерства в области формального языкового творчества.

Выводы по третьей главе

1. Анализ распределения эмпирического материала объемом в 1200 контекстов позволил установить прямую детерминированность характера индивидуально-авторских фразеологических модификаций экстралингвистическими параметрами и жанрово-стилистической спецификой дискурса. Каждый функциональный регистр оперирует строго определенным набором процедур из риторико-когнитивной матрицы: медийный дискурс качественной прессы ориентирован на информационную компрессию и актуализацию ремы посредством усечения и синтаксической инверсии; искусствоведческий критический дискурс тяготеет к образной детализации и концептуальному усложнению через расширение состава и блендинг ФЕ; в то время как массовый таблоидный и интернет-дискурс используют трансформации как экспрессивное людическое средство быстрой фатической адаптации знаков к динамично меняющемуся ситуативному контексту.

2. Интентификация экспрессивности англоязычного текста модифицированными фразеологическими единицами обеспечивается синкретичной реализацией трех базовых прагматических функций. Людическая (игровая) функция управляет вниманием адресата через преднамеренное разрушение конвенциональных ожиданий и создание эффекта смысловой двуплановости при буквализации значения. Экспрессивно-оценочная функция адаптирует абстрактный, надындивидуальный узуальный инвариант ФЕ к уникальным ситуативно-идеологическим и психологическим координатам контекста за счет точечной фокальной корректировки ядерных концептов. Компрессивная функция обеспечивает свертывание макроструктур целого события или интертекстуального сюжета в рамки компактной, емкой окказиональной фраземной капсулы смыслов, что позволяет автору экономно расходовать речевые ресурсы.

3. В рамках теории релевантности доказано, что автор осуществляет высокоточное прагматическое управление когнитивной деятельностью читателя через направленное пропорциональное распределение сильных и слабых импликатур. Кодирование информации на основе сильных импликатур сводит к минимуму риск коммуникативной неудачи, обеспечивая быструю и однозначную оценку фактов реальности при минимальной затрате ментальной энергии адресата. Напротив, кодирование на основе слабых импликатур (при глубоком эллипсисе, дистантном развертывании или сложном блендинге) частично переносит ответственность за допущения на принимающую сторону, вовлекая читателя в активную сотворческую деятельность по распаковке латентных подтекстов, что резко повышает суггестивный потенциал критического и аналитического дискурсов.

4. Процесс речевосприятия и интерпретации окказиональных ФЕ адресатом представляет собой строго последовательный многоуровневый алгоритм, успешность протекания которого ограничена требованием сохранения структурно-семантического минимума исходного прототипа. Игнорирование автором объективных прагматических ограничений приводит к возникновению непреодолимых когнитивных барьеров (барьера избыточной деструкции лексического ядра, барьера концептуальной перегрузки бленда конфликтующими доменами и барьера синтаксической непроницаемости монолитных ФЕ). В условиях возникновения данных барьеров мозг читателя теряет способность сопоставить новый однократный образ с конвенциональной базой, алгоритм дешифровки полностью блокируется, а трансформация квалифицируется адресатом как незапланированная речевая ошибка, ведущая к перлокутивной неудаче.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование было посвящено комплексному когнитивно-прагматическому анализу механизмов окказиональной трансформации фразеологических единиц современного английского языка. Резонансный переход лингвистической науки к антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигмам обусловил необходимость полного переосмысления онтологического статуса фразеологического фонда: из статического, консервативного инвентаря абсолютно зафиксированных знаков он переведен в плоскость динамического символического континуума, обладающего высокой степенью лингвокреативной пластичности.

Проведенное исследование позволило полностью реализовать поставленную цель и решить все намеченные задачи, что привело к следующим ключевым теоретическим и практическим результатам:

1. Изучена когнитивная и прагматическая архитектура речевой деятельности в аспекте лингвокреативности. Доказано, что человеческое сознание функционирует как открытая, высокодинамическая ментальная сеть переработки опыта, а фразеологические знаки выступают в качестве ее специфических сложноструктурированных узлов – комплексных ментальных моделей. С позиции когнитивной грамматики, фразеологическое значение в дискурсе не воспроизводится механически, а конструируется заново под влиянием направленной фокальной корректировки и работы абстрактных конструкционных схем, адаптирующих конвенциональные шаблоны к вербализации многомерного индивидуально-социального и интеркультурного опыта субъекта.

2. Осуществлено сопоставление ведущих лингвистических подходов к категоризации и дефиниции ФЕ. Критический обзор системно-структурной школы, дистрибутивно-корпусного метода и функционально-семантических моделей позволил обосновать градуальную природу фразеологизации.

Установлено, что параметры семантической некомпозициональности и формальной фиксированности ФЕ представляют собой непрерывную шкалу, на одном полюсе которой располагаются абсолютно монолитные ядерные идиомы (сращения), а на другом – подвижные, конструктивно обусловленные устойчивые словосочетания, коллокации и прагматические формулы узуса, организуемые принципом лексической смежности и частотностью употребления.

3. Разработана интегральная риторико-когнитивная матрица окказиональных трансформаций фразеологических единиц, функционирующая в плоскости синтагматического и парадигматического измерений знака. На основе риторических категорий изменений и ментальных операций оперирования знаниями были детально смоделированы шесть базовых процедур модификации английских ФЕ: лексико-грамматическая субституция, окказиональное расширение состава, усечение или эллипсис, синтаксическая инверсия и пассивизация, концептуальное слияние и контекстуальная буквализация значения. Творческая трансформация определена как намеренное, интенциональное и контекстуально-обусловленное речевое действие, жестко отграниченное от системной вариативности и непреднамеренных речевых ошибок.

4. Исследование основывается на предварительно сформированном корпусе (1200 верифицированных контекстов окказионального функционирования ФЕ). Исследуемые контексты были извлечены методом сплошной выборки из современных англоязычных медийных ресурсов, национальных корпусов (BNC, COCA) и текстов художественной литературы. В процессе статистического анализа выявлено преобладание таких окказиональных трансформаций ФЕ, как лексико-грамматическая субституция (28,17 %) и количественная флуктуация состава устойчивой единицы (расширение – 22,83 %, усечение – 18,42 %). Проанализированная регистровая дистрибуция подтвердила гипотезу о непосредственной связи типа трансформации с параметрами дискурса: медийный дискурс

качественной прессы фокусируется на компрессии и рематическом выдвигании; художественный и искусствоведческий – на образной детализации и семантической двуплановости; интернет-дискурс – на фатической экспрессии и людической адаптации фразеологических знаков.

5. Эксплицирован прагматический потенциал и функции модифицированных ФЕ в процессах интенсификации экспрессивности текста. Установлено, что окказиональное переформулирование обеспечивает синкретичную реализацию трех ключевых функций: людической (игровой), управляющей вниманием адресата через разрушение конвенциональных ожиданий; экспрессивно-оценочной, адаптирующей абстрактный инвариант к конкретным ситуативно-идеологическим координатам контекста; и компрессивной, капсулирующей макроструктуры целого текста в емкую фраземную форму. В рамках теории релевантности раскрыт механизм прагматического управления когнитивной деятельностью читателя через систему сильных импликатур (минимизирующих когнитивные затраты) и слабых импликатур (вовлекающих читателя в активную сотворческую деятельность по распаковке латентных подтекстов).

6. Описан фазовый алгоритм когнитивного декодирования окказиональных ФЕ адресатом, базирующийся на психологическом механизме умозрительного компаративного сопоставления образов. Успешность прохождения адресатом всех фаз восприятия ограничена требованием сохранения структурно-семантического минимума исходного прототипа ФЕ. Доказано, что нарушение автором объективных прагматических ограничений (избыточная деструкция лексического ядра, концептуальная перегрузка бленда конфликтующими доменами, игнорирование синтаксической непроницаемости монолитных ФЕ) приводит к возникновению когнитивных барьеров. В этих условиях алгоритм декодирования блокируется, и трансформация воспринимается адресатом как незапланированная речевая ошибка, разрушающая коммуникативный акт.

В ходе проведенного исследования полностью подтвердилась рабочая гипотеза диссертации о том, что окказиональная трансформация фразеологических единиц является нелинейным процессом концептуального моделирования, детерминированным прагматической интенцией автора и управляемым жесткими когнитивными ограничениями. Намеренное изменение структуры и семантики ФЕ признается коммуникативно эффективным только в том случае, если сгенерированные им контекстуальные эффекты адекватно компенсируют когнитивные усилия адресата, затрачиваемые на наложение нового однократного образа на извлеченный из долговременной памяти конвенциональный суммарный образ семантической основы ФЕ. Контекст максимально раскрывает творческий потенциал ФЕ, открывая возможности для манипулирования непрозрачными ФЕ, а также для использования «необычных» вариантов благодаря тому, что способствует узнаваемости и функциональности так, как не могут никакие другие факторы (например, мотивация). В результате различия между прозрачными и непрозрачными группами ФЕ с точки зрения творческого подхода незначительны.

В работе углубляются антропоцентрические представления о механизмах речепорождения и семантической деривации. Разработанная модель вносит вклад в развитие когнитивной грамматики и лингвопрагматики, расширяя понятийный аппарат анализа континуума лексики и синтаксиса и доказывая, что лингвокреативная свобода субъекта ограничена системными параметрами языка. Результаты исследования могут быть внедрены в практику вузовского преподавания лекционных курсов по лексикологии английского языка, теоретической грамматике, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике и дискурс-анализу. Разработанные критерии дифференциации вариативности, модификации и речевых ошибок имеют прямую прикладную ценность для инновационной лексикографической практики (составления словарей окказионализмов и

антипословиц), теории и практики перевода, медиакритики, а также для проведения лингвистической экспертизы текста.

Перспективы дальнейшего исследования темы видятся в трех магистральных направлениях:

1. В расширении эмпирической базы исследования за счет привлечения сопоставительного материала разноструктурных языков (в частности, русского и других германских языков), что позволит выявить универсальные и национально-специфические когнитивные механизмы фразеологической модификации.

2. В экспериментальном психолингвистическом тестировании (с применением методов фиксации движения глаз – *eye-tracking* и замера времени реакции) реальной скорости реакций носителей языка на различные типы риторико-когнитивных девиаций ФЕ в режиме реального времени, что позволит верифицировать предложенную четырехфазную модель декодирования;

3. В исследовании процессов потенциальной конвенционализации и прагматического сдвига окказиональных дериватов ФЕ, когда регулярное и высокочастотное использование авторской модификации в интернет-дискурсе приводит к ее постепенному закреплению в узусе и последующей фиксации в словарях новых вариантов.

Список литературы

1. Абдурахманова, Э.Ю. Фразеологические единицы как способ реализации иронии и ее видов / Э.Ю. Абдурахманова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 9–12.
2. Агафонова, О. И. Воплощенное значение в структуре когнитивных репрезентаций : монография / О. И. Агафонова. – М. : Наука, 2019. – 214 с.
3. Аглеева, З.Р. Метафора как универсальный механизм фразеологизации в разноструктурных языка / З.Р. Аглеева, И.А. Кудряшов // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (94). – С. 35–61.
4. Айкина, Т.Ю. Модификация фразеологических единиц с семантическим компонентом “learning” в английском языке / Т.Ю. айкина, А.А. Сыскина // Российский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 6 (42). – Порядковый номер 22.
5. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистической неоднородности знака / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 188 с.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
7. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология современного английского языка : учеб. пособие / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 128 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
9. Базулько, Е.М. Систематизация способов трансформации фразеологических единиц английского языка / Е.М. Базулько // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : Материалы XI Международной

- научной конференции. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2022. – С. 135–140.
10. Бакина, А.Д. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2024. – № 78. – С. 68–84.
 11. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
 12. Баранов, А. Н. Основы когнитивной метафорики / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 216 с.
 13. Бахаева, Л.М. Взаимодействие фразеологизмов с контекстом как стилистический эффект художественного текста / Л.М. Бахаева // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 5. – С. 50–53.
 14. Беглова, Е.И. Экспрессивный потенциал фразеологических единиц в заголовках современных журналистских текстов / Е.И. Беглова, О.Г. Красикова // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 3 (26). – С. 60–68.
 15. Белозерова, Е.Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка / Е.Ю. Белозерова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (211). – С. 80–87.
 16. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в свете когнитивной парадигмы / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 5–14.
 17. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Изд. 2-е, доп. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2019. – 198 с.
 18. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. – 480 с.

19. Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевой деятельности / Н. Н. Болдырев, О. В. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 15–23.
20. Бутенко, Е.В. Амплификация аксиологической семантики фразеологизмов как результат их трансформации в кинодискурсе / Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман // Казанская наука. – 2022. – № 4. – С. 137–139.
21. Быканова, М.С. Трансформационные процессы в составе фразеологизмов, функционирующих в англоязычном медиадискурсе / М.С. Быканова, Н.В. Фисунова // Казанская наука. – 2025. – № 5. – С. 363–365.
22. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
23. Виноградова, О. В. Ментальные сети и архитектура речепорождения / О. В. Виноградова // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 42–49.
24. Витковская, Э. В. Динамические сетевые структуры в процессах концептуализации / Э. В. Витковская // Вестник лингвистического университета. – 2012. – № 3 (19). – С. 68–75.
25. Витковская, Э. В. Метонимическое проецирование в когнитивных сетях / Э. В. Витковская. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2016. – 184 с.
26. Вишнякова, А.В. Индивидуально-авторские трансформации фразеологических единиц в произведениях Хелен Филдинг / А.В. Вишнякова, О.А. Шутова // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 36–43.
27. Волкова, Е.Ю. Трансформация объекта сравнения в адъективных компаративных фразеологических единицах в английском и русском языках / Е.Ю. Волкова, Т.Н. Федуленикова // Вестник МГПУ. Серия:

- Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. – № 2 (30). – С. 22–32.
28. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
29. Голикова, М.М. Современные проблемы осмысления фразеологического образа / М.М. Голикова // Российский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 4 (28). – С. 97–103.
30. Гринченко, Л.В. Лексико-семантические трансформации фразеологических единиц в англоязычных СМИ / Л.В. Гринченко // Вестник Марийского государственного университета. – 2017. – Т. 11. – № 4 (28). – С. 126–132.
31. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
32. Дегальцева, А.В. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе / А.В. Дегальцева, М.А. Кормилицына // Медиалингвистика. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 394–406.
33. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 2013. – № 4. – С. 17–33.
34. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
35. Довлетбаева, Д.Н. Функционирование окказиональных фразеологических единиц в русском, английском и турецком языках / Д.Н. Довлетбаева // Вестник татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2010. – № 2 (20). – С. 69–72.
36. Довлеткиреева, Л.М. Трансформация кодифицированных единиц в печатном тексте / Л.М. Довлеткиреева, Т.Д. Висханова // Актуальные вопросы истории и развития литературы народов Российской

- Федерации : Сборник трудов Международной научно-практической конференции. – Грозный : Чеченский государственный университет им. Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2021. – С. 46–51.
37. Дронов, П.С. Варьирование идиом как системно-языковое и дискурсивное явление : автореф. дис. ... докт. филол. наук / П.С. Дронов. – М., 2025. – 42 с.
38. Заботкина, В. И. Моделирование процессов конструирования спроектированного мира / В. И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 31–38.
39. Залевская, Т.Е. Фразеологическое значение и его типы / Т.Е. Залевская, Л.И. Ибрагимова // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 1 (92). – С. 415–417.
40. Зимина, И.А. Оказиональные трансформации фразеологических единиц тематического поля «чувства и эмоции» / И.А. Зимина // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 2–2. – С. 327–333.
41. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира : На материале английских и русских пословиц / Е. В. Иванова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 160 с.
42. Каленова, Н.А. Когнитивно-дискурсивный аспект фразеологической аллюзии / Н.А. Каленова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 499–500.
43. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
44. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 1. – С. 13–21.
45. Каримова, С.Г. Английские фразеологические единицы в повседневной речи: трансформационный потенциал / С.Г. Каримова // Иноязычное образование в современных реалиях : проблемы и векторы развития : Материалы II Международной научно-практической

- конференции. – Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2025. – С. 108.
46. Каюмова, А.Р. Особенности употребления фразеологических единиц в подростковом сериале *Gossip Girl* / А.Р. Каюмова, В.Р. Осипова // Казанская наука. – 2025. – № 1. – С. 340–343.
47. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры дискурсивного многообразия / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 3–21.
48. Клычкова, Ю.Ю. Специфика передачи фразеологизмов в текстах СМИ / Ю.Ю. Ключкова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 55–65.
49. Ковалева, Л. М. Проблема воплощенного познания в когнитивной семантике / Л. М. Ковалева, С. Б. Кульгавова // Вестник ИГЛУ. – 2017. – № 2. – С. 89–96.
50. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
51. Колшанский, В. В. Объективная картина мира в познании и языке / В. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
52. Кравцов, С.М. Лингвопрагматический потенциал фразеологии / С.М. Кравцов, А.П. Прохорова. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2022. – 156 с.
53. Кравченко, А. В. Язык и когниция : синергетический подход / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2004. – 236 с.
54. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
55. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.

56. Кунин, А. В. Фразеологическая стилистика в курсе английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1969. – 128 с.
57. Куранова, Т.П. Расширенная метафора как вид фразеологической инновации в жанре спортивного комментария / Т.П. Куранова // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации до неологизации) : Материалы научно-практической конференции. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 148–149.
58. Куранова, Т.П. Оказиональная трансформация фразеологических единиц как способ экспрессивизации в жанре спортивного комментария / Т.П. Куранова // Верхневолжский филологический вестник. – 2025. – № 3 (42). – С. 101–109.
59. Куранова, Т.П. Роль трансформированных фразеологизмов в заголовках прессы / Т.П. Куранова, П.А. Тепленева // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2025 (а). – № 4 (89). – С. 177–188.
60. Куранова, Т.П. Фразеологические модификации в заголовках прессы / Т.П. Куранова, П.А. Тепленева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2025 (б). – № 2 – С. 124–127.
61. Ли Ш. Когнитивные механизмы семантических трансформаций фразеологических единиц / Ш. Ли // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. – 2025. – № 4 (87). – С. 238–245.
62. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
63. Медникова, Э. М. Значение слова и методы его описания / Э. М. Медникова. – М. : Высшая школа, 1974. – 202 с.

64. Меликян, В.Ю. Коммуникемы-фразеологические сочетания : внутренняя форма / В.Ю. Меликян // Язык. Текст. Дискурс. – 2015. – № 13. – С. 330–337.
65. Меликян, В.Ю. О синкретизме семантики синтаксических конструкций / В.Ю. Меликян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 2 (30). – С. 94–103.
66. Меликян, В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы : фразеосинтаксические схемы / В.Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону : ООО «Донское книжное издательство», 2019. – 268 с.
67. Меликян, В.Ю. Фразеосхема как особый формат языкового знания / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян, В.В. Посиделова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 43–55.
68. Меликян, В.Ю. О критериях отграничения устойчивых моделей от фразеосхем / В.Ю. Меликян // Мир русского слова. – 2023. – № 1. – С. 4–11.
69. Меликян, В.Ю. Грамматика динамических трансформаций языка / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 80–92.
70. Меликян, В.Ю. Синтаксические процессы и явления грамматикализации, фразеологизации и аналитизации / В.Ю. Меликян, А.В. Меликян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2026. – № 1. – С. 85–98.
71. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., прераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
72. Мокиенко, В.М. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 25. – С. 81–107.

73. Моторина, Е. Ю. Фреймы и скрипты как репрезентанты динамического знания / Е. Ю. Моторина // Лингвистический вестник. – 2015. – Вып. 7. – С. 112–119.
74. Нагорная, А. В. Осмысление телесного опыта в когнитивной парадигме / А. В. Нагорная // Вопросы филологии. – 2010. – № 1. – С. 54–61.
75. Новиков, Д.Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте : прототипическая база английского лексикона / Д.Н. Новиков. – М. : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2010. – 118 с.
76. Новикова, О.В. Индивидуально-авторские модификации английских фразеологических единиц с зоонимным компонентом / О.В. Новикова // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. – 2024. – № 9–2. – С. 168–172.
77. Огольцева, Е.В. Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов / Е.В. Огольцева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2021. – № 2. – С. 51–67.
78. Олейник, О.В. Способы использования и трансформации фразеологизмов в английских и немецких СМИ / О.В. Олейник, О.Л. Уткина // Российский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 4 (32). – Порядковый номер 6.
79. Опарина, Е.О. Исследования фразеологии в когнитивно-дискурсивной парадигме / Е.О. Опарина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2019. – № 4. – С. 96–104.
80. Павлова, И.Н. Компаративный анализ фразеологизмов-культурем как маркеров национально-культурной идентичности в русском и

- английском языках / И.Н. Павлова // Вестник филологических наук. – 2026. – Т. 6. – № 3. – С. 140–144.
81. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
82. Почепцов, Г. Г. О коммуникативной типологии высказываний / Г. Г. Почепцов // Филологические науки. – 1976. – № 3. – С. 87–93.
83. Прохватилова, О.А. Структурные трансформации фразеологических единиц с компонентами «работа» и «труд» в текстах СМИ / О.А. Прохватилова, Б. Мослемиан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т. 19. – № 8. – С. 3235–3243.
84. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.
85. Режук, З.В. Интернет-коммуникация; жанровая специфика и влияние на фразеосистему русского языка / З.В. Режук, З.М. Туракулова // Научная мысль Кавказа. – 2025. – № 1 (222). – С. 100–107.
86. Романова, Т. В. Когнитивно-дискурсивный анализ текста : теория и практика / Т. В. Романова. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2012. – 254 с.
87. Рубцова, С.Ю. Модифицированные фразеологизмы с компонентом-мифонимом в англоязычных СМИ / С.Ю. Рубцова // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 210–224.
88. Русина, Ю.Н. Способы трансформации фразеологических единиц и устойчивых сочетаний в заголовках газетных статей на тему коронавируса (на материале англоязычных, русскоязычных и белорусскоязычных статей) / Ю.Н. Русина // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2023. – № 1 (122). – С. 21–28.
89. Семенова, А.С. Особенности употребления фразеологических единиц в современном медиатексте / А.С. Семенова // Язык и культура. Взгляд молодых : Материалы Международной научно-практической

- конференции. IV Костомаровский форум. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 793–797.
90. Семушина, Е.Ю. Особенности формирования окказионального фразеологического повтора в контексте (на материале английского и русского языков) / Е.Ю. Семушина, А.А. Абдрахманова // Казанский лингвистический журнал. – 2026. – Т. 9. – № 1. – С.116–126.
91. Семушина, Е.Ю. Окказиональные трансформации фразеологических единиц в заголовках интернет-СМИ (на материале английских и русских языков) / Е.Ю. Семушина, А.А. Колчина // Казанская наука. – 2026. – № 4. – С. 700–702.
92. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. под ред. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
93. Солодуб, Ю. П. Структура смыслового содержания фразеологизмов / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – № 6. – С. 54–62.
94. Соловьева, А.Д. Современные СМИ как источник пополнения фразеологизмов русского языка / А.Д. Соловьева // Знак. Проблемное поле медиаобразования. – 2010. – Т. 2. – № 6. – С. 76–80.
95. Стернин, И. А. Методика исследования коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 154 с.
96. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
97. Теля, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Теля. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
98. Третьякова, И.Ю. Особенности окказиональных замен во фразеологических единицах с компонентами-колоративами / И.Ю. Третьякова // Верхневолжский филологический вестник. – 2021 (а). – № 2 (25). – С. 55–63.

99. Хакимуллина, Д.Ф. Особенности субституционной трансформации фразеологических сочетаний в газетных заголовках (на материале русского и английского языков) / Д.Ф. Хакимуллина // Иностранные языки в контексте культуры : Сборник статей по материалам XXI Международной научно-практической конференции. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. – С. 118–124.
100. Хакимуллина, Д.Ф. Национально-культурная специфика субституционных преобразований окказиональных фразеологических единиц в медиатекстах / Д.Ф. Хакимуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 7. – С. 3093–3099.
101. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халеева. – М. : Третьякова, И.Ю. Фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом в аспекте их окказиональной изменчивости / И.П. Третьякова // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. – 2021 (б). – № 2 (6). – С. 81–93.
102. Третьякова, И.Ю. Фразеологические образы в условиях окказиональной изменчивости фразеологизмов / И.Ю. Третьякова, Е.В. Кудрявцева // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29. – № 1. – С. 144–150.
103. Туарменская, А.В. Когнитивный процесс восприятия сквозь призму английской фразеологии / А.В. Туарменская // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 5 (202). – С. 64–70.
104. Туракулова, З.М. Трансформация и прагматический потенциал фразеологических единиц в пространстве интернет-дискурса / З.М. Туракулова, Е.В. Бунеева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2026. – № 2 (61). – С. 297–304.
105. Уфимцева, А. А. Лексическое значение / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

106. Федоров, А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. / А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1973. – 171 с.
107. Федуленкова, Т.Н. Лингвистический статус компонента фразеологической единицы / Т.Н. Федуленкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 4 (49). – С. 16–20.
108. Федуленкова, Т.Н. Динамика понятия фразеологической модели / Т.Н. Федуленкова, Н.В. Поцелуева // European Social Science Journal. – 2014. – № 11-2 (50). – С. 72–76.
109. Федуленкова, Т.Н. Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики / Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2020. – № 52. – С. 143–150.
110. Федуленкова, Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии / Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2021. – № 53. – С. 149–155.
111. Федюнина, И.Э. Влияние окказиональных преобразований на когнитивный потенциал фразеологизмов русского языка / И.Э. Федюнина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : Сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. – С. 178–181.
112. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
113. Филиппова, Е.П. К вопросу о комбинациях авторских приемов преобразования фразеологизмов / Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева // Казанская наука. – 2023. – № 10. – С. 191–193.
114. Хакимуллина, Д.Ф. Особенности субституционной трансформации Высшая школа, 1989. – 238 с.

115. Хохлов, А.А. Репрезентация концепта ОБЩЕСТВО фразеологическими средствами в СМИ / А.А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3–1 (54). – С. 801–805.
116. Черемисина, М. И. О синтаксической природе пословиц / М. И. Черемисина // Исследования по языку и фольклору. – Новосибирск : Наука, 1965. – С. 48–62.
117. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
118. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты исследования лексической системы языка / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1984. – 256 с.
119. Юрина, Е.А. Трансформация фразеологизмов в заголовках французской прессы / Е.А. Юрина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 10. – С. 226–231.
120. Яблонская, О.Г. К проблеме выявления механизмов текстообразования на базе фразеологических единиц / О.Г. Яблонская // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шемякина. – 2020. – № 1 (55). – С. 163–167.
121. Barta, M. Structural and pragmatic modifications of idioms in journalistic texts / M. Barta. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2006. – 178 p.
122. Blakemore, D. Understanding Utterances: An Introduction to Pragmatics / D. Blakemore. – Oxford : Blackwell, 1992. – 196 p.
123. Boldyrev, N. N. Cognitive mechanisms of language representation / N. N. Boldyrev // Journal of Cognitive Linguistics. – 2019. – Vol. 12, No. 3. – P. 205–218.
124. Burger, H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 4., neu bearb. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 234 s.

125. Carter, R. Language and Creativity: The Art of Common Talk / R. Carter. – London ; New York : Routledge, 2004. – 256 p.
126. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge : MIT Press, 1965. – 251 p.
127. Cook, G. Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind / G. Cook. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 268 p.
128. Cowie, A. P. Stable and creative patterns in phraseology / A. P. Cowie // Phraseology: Theory, Analysis, and Applications. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – P. 1–20.
129. Cowie, A. P. Phraseology: Theory, Analysis, and Applications / A. P. Cowie. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 276 p.
130. Croft, W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
131. Cruse, D. A. Lexical Semantics / D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 310 p.
132. Evert, S. The Statistics of Word Co-occurrences: Word Pairs and Collocations / S. Evert. – Stuttgart : University of Stuttgart, 2004. – 297 p.
133. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 218 p.
134. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22, No. 2. – P. 133–187.
135. Fedulenkova, T.N. Pragmatic Functions of Modern English Phraseology / T.N. Fedulenkova // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2019. – T. 5. – № 2. – P. 74–83.
136. Fernando, C. Idioms and Idiomaticity / C. Fernando. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 240 p.
137. Fernando, C. On Idiom / C. Fernando, R. Flavell. – Exeter : University of Exeter Press, 1981. – 114 p.

138. Fiedler, S. *English Phraseology: A Coursebook* / S. Fiedler. – Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2007. – 216 p.
139. Fiedler, S. *Modifications of Phraseological Units in English Journalism* / S. Fiedler // *Phraseology in Foreign Language Learning and Teaching*. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 321–338.
140. Fillmore, C. J. *Frames and the organization of legislative experience* / C. J. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul : Hanshin Publishing, 1982. – P. 111–137.
141. Fodor, J. A. *The Modularity of Mind* / J. A. Fodor. – Cambridge : MIT Press, 1983. – 145 p.
142. Geeraerts, D. *Theories of Lexical Semantics* / D. Geeraerts. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 342 p.
143. Givón, T. *Syntax: An Introduction* / T. Givón. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2001. – 484 p.
144. Goffman, I. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience* / I. Goffman. – Cambridge : Harvard University Press, 1974. – 586 p.
145. Grice, H. P. *Logic and conversation* / H. P. Grice // *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–58.
146. Glucksberg, S. *Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms* / S. Glucksberg. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 184 p.
147. Halliday, M. A. K. *Cohesion in English* / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – 374 p.
148. Interpreting, J. *Textual analysis and corpus methods* / J. Interpreting // *Journal of Corpus Research*. – 2004. – No. 8. – P. 12–29.

149. Jackendoff, R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution* / R. Jackendoff. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 477 p.
150. Korhonen, A. *Morphosyntactic variation of English idioms* / A. Korhonen // *International Journal of Corpus Linguistics*. – 1992. – Vol. 4, No. 1. – P. 45–62.
151. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction* / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 285 p.
152. Lakoff, G. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.
153. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
154. Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites* / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 540 p.
155. Langacker, R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R. W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 394 p.
156. Langacker, R. W. *Grammar and Conceptualization* / R. W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1998. – 427 p.
157. Leach, G. *Semantics: The Study of Meaning* / G. Leach. – Harmondsworth : Penguin Books, 1981. – 386 p.
158. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 897 p.
159. Mel'čuk, I. *Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics* / I. Mel'čuk // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1995. – P. 167–232.

160. Mel'čuk, I. Collocations in a Meaning-Text Linguistic Model / I. Mel'čuk // *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – P. 23–54.
161. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // *The Psychology of Computer Vision*. – New York : McGraw-Hill, 1975. – P. 211–277.
162. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2010. – 292 p.
163. Nattinger, J. R. Lexical Phrases and Language Teaching / J. R. Nattinger, J. S. DeCarrico. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 242 p.
164. Nesselhauf, S. Collocations in a Learner Corpus / S. Nesselhauf. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 325 p.
165. Omazić, M. Processing of idiom modifications / M. Omazić // *Language as a Cognitive System*. – Zagreb : Faculty of Philosophy, 2007. – P. 61–79.
166. Pawley, A. Two puzzles for linguistic theory: Nativelike selection and nativelike fluency / A. Pawley, F. H. Syder // *Language and Communication*. – 1983. – Vol. 3, No. 2. – P. 191–226.
167. Ptashnyk, I. Phraseologische Modifikationen: Zu Theorie und Pragmatik der Wortspielbildung / I. Ptashnyk. – Tübingen : Niemeyer, 2007. – 248 s.
168. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // *Cognition and Categorization*. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
169. Shirlina, E.N., Bocharova, E.A. Semantics of Idioms and Cultural Adaptation / E.N. Shirlina, E.A. Bocharova // *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. – 2023. – T. 42. – № 4. – P. 771–776.
170. Sinclair, J. Looking Up: An Account of the COBUILD Project in Lexical Computing / J. Sinclair. – London : Collins ELT, 1987. – 192 p.

171. Sinclair, J. Trust the Text: Language, Corpus and Discourse / J. Sinclair. – London ; New York : Routledge, 2004. – 224 p.
172. Sperber, D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford : Blackwell, 1986. – 320 p.
173. Spisiakova, A. Semantic Transformations of Phraseological Units in Russian and Slavac Newspaper Articles / A. Spisiakova, O.E. Iermachkova // Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. – 2022. – № 5. – P. 12 – 18.
174. Stathi, S. Idiom modification, dependency grammar and constraints / S. Stathi // Constraints in Discourse. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – P. 143–162.
175. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge : MIT Press, 2000. – 565 p.
176. Turner, M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language / M. Turner. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 202 p.
177. Urban, E. Rhetorical and stylistic properties of phraseological modifications in media text / E. Urban // Journal of Pragmatics and Style. – 2009. – Vol. 15, No. 2. – P. 88–104.
178. Wray, A. Formulaic Language and the Lexicon / A. Wray. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 322 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

179. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
180. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.

181. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь : в 2-х кн. / А. В. Кунин. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – Кн. 1. – 504 с. ; Кн. 2. – 736 с.
182. Меликян, В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка / В.Ю. Меликян. – М. : Флинта, 2019. – 400 с.
183. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
184. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 458 p.
185. Longman Idioms Dictionary. – London : Longman, 1998. – 398 p.
186. Oxford Dictionary of Idioms / Ed. by J. Siefring. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 340 p.

ИСТОЧНИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

187. Британский национальный корпус (British National Corpus – BNC). – URL: ox.ac.uk (дата обращения: 12.01.2026).
188. Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English – COCA). – URL: english-corpora.org (дата обращения: 15.01.2026).
189. Электронный архив газеты “Daily Mail”. – URL: dailymail.co.uk (дата обращения: 2024–2026).
190. Электронный архив газеты “Daily Mirror”. – URL: mirror.co.uk (дата обращения: 2024–2026).
191. Электронный архив газеты “The Economist”. – URL: economist.com (дата обращения: 2024–2026).
192. Электронный архив газеты “The Guardian». – URL: theguardian.com (дата обращения: 2024–2026).
193. Электронный архив газеты “The New York Times”. – URL: nytimes.com (дата обращения: 2024–2026).

194. Электронный архив журнала “The New Yorker”. – URL: newyorker.com (дата обращения: 2025–2026).
195. Электронный архив журнала “The Spectator”. – URL: spectator.co.uk (дата обращения: 2024–2026).
196. Электронный архив газеты “The Sun”. – URL: thesun.co.uk (дата обращения: 2024–2026).
197. Электронный архив газеты “The Times”. – URL: thetimes.com (дата обращения: 2024–2026).
198. Электронный архив еженедельника “Village Voice”. – URL: villagevoice.com (дата обращения: 2024–2026).